

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

На правах рукописи

ЛУХОВИЦКИЙ ЛЕВ ВСЕВОЛОДОВИЧ

**ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВСКО-ПОЛЕМИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ
ПАТРИАРХА НИКИФОРА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
«ΑΡΟΛΟΓΕΤΙCΙC ΑΤQUΕ ΑΝΤΙΡΡΗΤΙCΙ»: ОПЫТ
КОМПЛЕКСНОГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Специальность 10.02.14

Классическая филология. Византийская и новогреческая филология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель: д.ф.н., проф. Афиногенов Д.Е.

МОСКВА 2010

Содержание

Содержание	2
Введение	4
Задачи и методы исследования	4
Объект исследования	5
Источники	7
Сочинения Никифора	7
Иные источники	8
История вопроса	15
Глава 1. Никифор и его трактат: предварительные замечания	21
1.1. Биографический очерк	21
1.2. «Apologeticus atque Antirrheticus»: датировка, проблема целостности и композиция	27
Глава 2. Полемическая программа «Apologeticus atque Antirrheticus»	37
2.1. Создание образа оппонента-иконоборца	37
2.2. Речь автора и речь оппонента: риторическое оформление перехода	47
2.3. Иные приемы опровержения	53
2.4. Апология «простой веры»	55
Глава 3. История двух периодов иконоборчества и актуальная политика	60
3.1. Исторические главы	61
3.2. Константин V и Лев V	67
3.2.1. Два периода иконоборчества	67
3.2.2. Образ императорской власти в трактате	71
3.2.3. Ответственность за иконоборчество	74
3.2.4. Предостережение Льву V	78
Глава 4. «Apologeticus atque Antirrheticus» как источник для реконструкции «Вопрошаний» Константина V	83
4.1. Название, жанр и датировка «Вопрошаний»	83
4.2. Стил, риторика и структура «Вопрошаний»	91
4.3. «Вопрошания» и «радикальное богословие» Константина V	98
Глава 5. Судьба «Apologeticus atque Antirrheticus»	104
5.1. В греческой традиции	104
5.2. В славянской традиции	117
Заключение	127

Сокращения	130
Библиография	131
Издания и переводы произведений Никифора	131
Прочие источники	132
Основная научная литература	134
Публикации автора диссертационного исследования	140
Приложение 1. Композиция «Apologeticus atque Antirrheticus»	142
Приложение 2. Основные реконструкции сочинений Константина V (сравнительная таблица)	144

Введение

Задачи и методы исследования

Наше исследование посвящено пространному богословско-полемическому трактату свт. Никифора патриарха Константинопольского (806–815 гг.) «*Apologeticus atque Antirrheticus*», созданному в 815–820 гг. с целью опровержения иконоборческой доктрины, провозглашенной Иерийским собором (754 г.) и лично императором Константином V Исавром (741–775 гг.). Этот трактат представляет собой важнейший источник по истории иконоборческой полемики в Византии и развитию православной теории образа в VIII–IX вв. Тем не менее, на наш взгляд, сводить значение «*Apologeticus atque Antirrheticus*» исключительно к источниковедческой ценности было бы неверно, поскольку он представляет собой глубокое, оригинальное и многоплановое высказывание, которое должно занять принадлежащее ему по праву место в истории византийской словесности. Именно в этом в наиболее общем виде и заключается стоящая перед нами задача: провести комплексный анализ произведения, используя, в первую очередь, филологический инструментарий.

Определяя свой метод как историко-филологический, мы, во-первых, учитываем специфику рассматриваемого нами сочинения, которое задумывалось автором не как отвлеченное философское рассуждение, а как важный элемент идеологического и политического противостояния, обусловленный конкретными историческими обстоятельствами, игнорирование которых не позволило бы адекватно оценить авторский замысел. А во-вторых, подчеркиваем, что мы сознательно оставляем вне нашего рассмотрения ряд аспектов и методов анализа, таких как исследование рукописной традиции трактата и изучение его философского и богословского содержания. К этим методам мы будем обращаться только в исключительных случаях.

Сформулируем основные задачи исследования:

- 1) Описать композицию трактата, обращая особое внимание на спорный вопрос о единстве его частей, т. н. «Большого Апологетика» и трех «Антирретиков».
- 2) Провести анализ трактата с точки зрения его задач и организации как полемического произведения, описав языковые средства создания негативного образа оппонента-иконоборца и приемы опровержения, использованные автором при введении в текст цитат из сочинения оппонента.
- 3) Установить, с какими целями и при помощи каких приемов Никифор инкорпорировал в богословский контекст фрагменты историографического характера. Проанализировать взаимодействие жанровых традиций и рассмотреть эти фрагменты в сопоставлении с иными историографическими источниками, в т. ч. с принадлежащим

Никифору «Бревиариум». Рассмотреть актуально-политический уровень трактата, проанализировав образ императорской власти в целом и образы Константина V и Льва V Армянина.

4) Провести анализ фрагментов утраченных произведений Константина V, частично дошедших в составе трактата; определить их жанровую принадлежность, количество, предполагаемую аудиторию и приблизительное время создания, отдельно затронув проблему «радикального богословия» Константина V.

5) Проследить судьбу трактата в последующие века, установив, кто из греческих авторов средне- и поздневизантийской эпохи, при каких обстоятельствах и с какими целями обращался к нему. Также мы постараемся ответить на вопрос о судьбе произведения на славянской почве.

Объект исследования

Объектом нашего исследования является грекоязычный антииконоборческий богословско-полемический трактат патриарха Константинопольского Никифора I, в научном обиходе известный как «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Это условное название было предложено П. Александером, убедительно обосновавшим единство четырех частей трактата, ранее считавшихся самостоятельными произведениями¹. В дальнейшем мы также будем использовать это обозначение. Трактат состоит из четырех частей, так называемого «Большого Апологетика» и трех «Антирретиков». В рукописях эти части озаглавлены следующим образом: «Слово в защиту нашей непорочной, чистой и искренней христианской веры против полагающих, что мы поклоняемся идолам»² («*Λόγος ὑπὲρ τῆς ἀμωμῆτος καὶ καθαρᾶς καὶ εἰλικρινοῦς ἡμῶν τῶν χριστιανῶν πίστεως καὶ κατὰ τῶν δοξαζόντων εἰδώλοις προσκεκυνηκέναι*») и «Возражение и опровержение невежественных и безбожных суесловных мерзостей нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова» («*Ἀντίρρησις καὶ ἀνατροπὴ τῶν παρὰ τοῦ δυσσεβοῦς Μαμωνᾶ κατὰ τῆς σωτηρίου τοῦ Θεοῦ Λόγου σαρκώσεως ἀμαθῶς καὶ ἀθεῶς κενολογηθέντων ληρημάτων*»).

На сегодняшний день критического издания трактата не существует. Французский патролог Ансельм Бандури (1670–1743 гг.), первым в Новое время обратившийся к наследию Никифора, в 1705 г. планировал издать его полное собрание сочинений в двух

¹ *Alexander P. J.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxf., 1958. P. 167–173 (далее: *Alexander. Nicephorus*).

² Здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев перевод греческих источников наш.

томах, в первый из которых должен был войти «*Apologeticus atque Antirrheticus*»³. Однако ученому не удалось осуществить задуманное, и трактат Никифора был опубликован только в 1849 г. кардиналом Анджело Май (1782–1854 гг.)⁴. Это издание не может быть признано удовлетворительным по двум причинам. Во-первых, порядок частей трактата был нарушен («Антирретики» предшествовали «Большому Апологетику»), что препятствовало адекватному пониманию логики построения аргументации. Во-вторых, издание было основано на поздней рукописи Vat. gr. 682, которая, в частности, не содержит прилагающийся к «Антирретикам» флорилегий (собрание святоотеческих свидетельств). В 1852 г. кардинал Ж.-Б. Питра опубликовал недостающий флорилегий на основании рукописей Par. gr. 909–911⁵. Текст, опубликованный А. Май, был воспроизведен с некоторыми комментариями в томе 100 «Греческой патрологии» Ж.-П. Миня⁶. Несмотря на все недочеты, это издание является на сегодняшний день единственным, и в нашем исследовании нам придется ориентироваться именно на него.

На настоящий момент не существует ни одного полного перевода «*Apologeticus atque Antirrheticus*» на какой-либо европейский язык. Русский перевод И. Д. Андреева, публиковавшийся в 1900–1907 гг. в «Богословском вестнике»⁷, а затем вышедший отдельно в качестве томов 65 и 67 «Творений святых отцов в русском переводе,

³ Anselmi Banduri conspectus operum s. Nicephori... // PG 100. P. 19–28.

⁴ *Apologeticus pro sacris imaginibus* // *Patrum nova bibliotheca* / Ed. A. Mai. T. 5. R., 1849. P. 1–141 (особая пагинация); *Antirrheticus tres adversus Constantinum Copronymum* // *Patrum nova bibliotheca* / Ed. A. Mai. T. 5. R., 1849. P. 1–144 (особая пагинация).

⁵ *Nicephori Antirrhetica. Sanctorum patrum testimonia octoginta de Christi incarnatione, duplici natura ac resurrectione adversus iconomachos adducta* // *Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera...* / Cur. J. B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. 337–370 (далее: AAFlor.)

⁶ *Antirrheticus tres adversus Constantinum Copronymum* // PG 100. Cols. 205A–533A; *Apologeticus pro sacris imaginibus* // PG 100. Cols. 533B–832A (далее: AA).

⁷ *Никифор, архиеп. Константинопольский, свт.* Слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам / Пер. И. Д. Андреева; под. ред. М. Д. Муретова // *Богословский вестник*. 1900. Т. 3. № 11; 1901. Т. 1. № 1; 1901. Т. 1. № 3; 1901. Т. 2. № 5; 1901. Т. 2. № 7/8; 1902. Т. 1. № 2; 1902. Т. 1. № 4; 1902. Т. 1. № 6; 1902. Т. 2. № 7/8; 1902. Т. 3. № 10; 1903. Т. 1. № 2; 1903. Т. 1. № 4; 1903. Т. 2. № 6; 1903. Т. 2. № 7/8; 1903. Т. 2. № 10; 1903. Т. 2. № 12 (особая пагинация); *Никифор, архиеп. Константинопольский, свт.* Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под. ред. М. Д. Муретова // *Богословский вестник*. 1904. Т. 3. № 10; 1905. Т. 1. № 3; 1905. Т. 2. № 4; 1905. Т. 2. № 5; 1905. Т. 2. № 6; 1905. Т. 3. № 11; 1905. Т. 3. № 12; 1906. Т. 1. № 1; 1906. Т. 2. № 5; 1906. Т. 2. № 6; 1906. Т. 3. № 10; 1906. Т. 3. № 11; 1906. Т. 3. № 12; 1907. Т. 1. № 2; 1907. Т. 1. № 3; 1907. Т. 1. № 4.

издаваемых при Московской Духовной Академии»⁸, во-первых, не учитывает издание Ж.-Б. Питры, а во-вторых, устарел с точки зрения языка. Французский перевод «Антирретиков» 1989 г.⁹ сложно оценить однозначно: с одной стороны, он выполнен на более высоком научном уровне (учитывает чтения рукописи Par. gr. 911, снабжен комментарием и обстоятельным введением), с другой – вновь представляет собой перевод лишь части трактата, полностью игнорируя его наиболее сложную часть – «Большой Апологетик»¹⁰.

Источники

Сочинения Никифора

Несомненно, трактат «*Apologeticus atque Antirrheticus*» необходимо рассматривать в контексте иных произведений Никифора, как светского, так и богословско-полемического характера. К первым, относится, прежде всего, «Бревиарий», или же «Краткая история» (*Ἱστορία σύντομος*), историческое произведение, охватывающее события с 602 по 769 г. и созданное Никифором в период службы в императорском секретариате¹¹. Однозначно ответить на вопрос о датировке «Бревиария» невозможно, вероятно, он был составлен в 780-е гг.¹² Гипотеза П. Шпека, предполагающая значительно более позднюю датировку¹³, была отвергнута большинством исследователей¹⁴.

Среди многочисленных богословско-полемических сочинений Никифора для нас наибольший интерес представляют так называемый «Малый Апологетик» («*Apologeticus Minor*») и «Обличение и опровержение» («*Refutatio et Eversio*»). Первое произведение¹⁵ важно, поскольку создано еще до низложения Никифора в 814 г. и отражает официальную позицию патриархата накануне возобновления иконоборчества императором Львом V.

⁸ Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Ч. I–II. М., 1904–1907. Издание также включает «Житие» и ряд менее крупных произведений Никифора. Переиздание в одном томе: Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Минск, 2001.

⁹ De notre bienheureux Père et Archevêque de Constantinople Nicéphore. Discussion et réfutation des bavardages ignares, athées et tout à fait creux de l'irreligieux Mamon contre l'incarnation de Dieu le Verbe notre Sauveur. Discours contre les iconoclastes / Traduction, présentation et notes par M.-J. Mondzain-Baudinet (Collection d'esthétique 52). P., 1989.

¹⁰ Ср. рецензию: *Declerk J.* // *JÖB* 41 (1991). S. 338–342.

¹¹ Издание и английский перевод: *Nikophoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, translation and commentary* by C. Mango. Wash. DC, 1990 (CFHB 13; *Dumbarton Oaks Texts* 10) (далее: *Breviarium*).

¹² *Breviarium*. P. 8–12; *Alexander. Nicephorus*. P. 162.

¹³ См. в частности его рецензию на издание К. Манго в: *BZ* 83 (1990). S. 471–478.

¹⁴ *Lilie R.-J.* Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Mit einem Kapitel über Leon IV. von I. Rochow. Fr. am Mein; B. u. a., 1996 (BBS 2). S. 384–408.

¹⁵ *Apologeticus minor pro sacris imaginibus* // PG 100. Cols. 833C–849.

Сравнение «Малого Апологетика» и «*Apologeticus atque Antirrheticus*» может пролить свет на изменение позиции Никифора после официального провозглашения иконоборческой политики на Соборе 815 г. и низложения¹⁶. Второй трактат¹⁷ является наиболее поздним произведением Никифора и посвящен опровержению постановления иконоборческого Собора 815 г.¹⁸

Иные источники

Основные письменные источники по интересующему нас периоду систематизированы благодаря обобщающим работам Х.-Г. Бека¹⁹, И. Караяннопулоса и Г. Вайсса²⁰, Л. Брюбейкер и Дж. Холдона²¹. Исчерпывающий обзор источников по истории VII–IX вв. составлен также авторами первой части «Просопографического словаря средневизантийского периода», охватывающей период с 641 по 867 г.²² Тем не менее, нам кажется целесообразным, не претендуя на полноту, кратко обрисовать основные грекоязычные источники, использованные в исследовании, распределив их по жанровому признаку. Подчеркнем, что, поскольку основным объектом критики в «*Apologeticus atque Antirrheticus*» является выведенный под именем Мамоны император Константин V (741–775 г.), необходимо учитывать источники, повествующие как о втором, так и о первом периоде иконоборчества.

К первой группе источников относятся *соборные постановления*. К интересующему нас периоду относятся три церковных собора, два из которых были организованы иконоборческими императорами (754 и 815 г.), а третий (Седьмой Вселенский в 787 г.) – императрицей Ириной и патриархом Тарасием.

¹⁶ Alexander. Nicephorus. P. 163–165; O'Connell P. The Ecclesiology of St. Nicephorus I (758–828) Patriarch of Constantinople. Pentarchy and Primacy. R., 1972 (OCA 194). P. 55–56 (далее: O'Connell P. Ecclesiology).

¹⁷ Nicephori Patriarchae Constantinopolitani Refutatio et Eversio definitionis synodalis anni 815 / Cura J. M. Featherstone. Turnhout, 1997 (CCh. SG 33) (далее: REv.). См. также рецензию Д. Е. Афиногенова в: Христианский Восток 2 (8). СПб.; М., 2001. С. 486–488.

¹⁸ См.: Alexander. Nicephorus. P. 180–182, 242–262; O'Connell. Ecclesiology. P. 63–66; Афиногенов Д. Е. «Обличение и опровержение» патриарха Никифора как источник хроники Георгия Амартола // Христианский Восток 1 (7). СПб.; М., 1999. С. 15–25.

¹⁹ Beck H.-G. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. Münch., 1959 (Byzantinisches Handbuch. 2. Teil, 1. Bd.). S. 473–519 (далее: Beck).

²⁰ Karayannopoulos J., Weiss G. Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). 1. Halbband. Wiesbaden, 1982 (Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa 14). S. 319–366.

²¹ Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca. 680–850): The Sources. An annotated Survey. Aldershot, 2001 (BBOM 7). P. 165–307 (далее: Iconoclast Era).

²² Quellenkunde zur Prosopographie des 7. bis 9. Jahrhunderts // PMBZ. Prolegomena. B., 1998. S. 13–294.

Деяния иконоборческого собора 754 г., называемого также Иерийским (местом проведения первых заседаний был императорский дворец в Иерии)²³, провозгласившего себя вселенским и официально признававшегося таковым в период до 787 г. и между 815 и 843 гг., не сохранились. Вероучительное определение (орос) собора дошло лишь во фрагментарном виде в составе деяний Седьмого Вселенского собора. Оно было включено в «Опровержение коварно составленного толпою христианообвинителей и лжеименного определения» («Ἀνασκειὴ τοῦ καττυθέντος καὶ ψευδῶς ὀνομασθέντος ὄρου παρὰ τῆς ὀχλαγωγῆθείσης πληθύος τῶν χριστιανοκατηγόρων»), предположительно составленное патриархом Тарасием²⁴ и зачитывавшееся во время 6-го заседания Седьмого Вселенского собора 6 октября 787 г.²⁵ Фрагменты иконоборческого определения зачитывались Григорием епископом Неокесарийским, опровержения – сначала диаконом Великой церкви Иоанном, затем диаконом и кувуклием Епифанием. Большинство исследователей склонны признавать цитировавшиеся фрагменты оригинальными и не подвергавшимися какой-либо редакции со стороны иконопочитателей²⁶. Так как критического издания 6 заседания Седьмого Вселенского собора до сих пор не существует²⁷, приходится пользоваться устаревшим изданием Манси. На его основе в 2002 г. группой немецких исследователей было подготовлено комментированное издание постановления²⁸. Кроме того, фрагменты постановления (без опровержения) вошли в

²³ Ἱερεΐα, пригород Константинополя на Азиатском берегу Босфора на полуострове к югу от Халкидона (ныне р-н Фенербахче – Fenerbahçe – в черте г. Стамбул), см.: *Janin R. Constantinople byzantin. Développement urbain et répertoire topographique. 2me éd. P., 1964 (Archives d'Orient Chrétien 4A). P. 148–150; Pargoire P. J. Hiéria // ИРАИК IV/2 (1899). С. 9–78.*

²⁴ *Alexander. Nicephorus. P. 13, 21 n. 1; Beck. S. 489.*

²⁵ *Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. I. D. Mansi. Florentiae; Venetiae, 1759–1769. 31 t. T. 13. Cols. 205A–364D (далее: Mansi).*

²⁶ *Anastos M. V. The Argument for Iconoclasm as Presented by the Iconoclastic Council of 754 // Late Classical and Medieval Studies in Honor of A. M. Friend Jr. / Ed. K. Weitzman. Princeton N. J., 1955. P. 177–188.*

²⁷ На сегодняшний день критическое издание охватывает только первые три заседания: *Acta conciliorum oecumenicorum. Series Secunda. Vol. III: Concilium Nicaenum Secundum. Pars 1: Concilii Actiones I–III / Ed. E. Lambertz. B.; N.-Y., 2008.*

²⁸ *Die ikonoklastische Synode von Hiéria 754. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar ihres Oros / Hg. T. Krannich, Chr. Schubert, Cl. Sode. Tübingen, 2002 (Studien und Texte zu Antike und Christentum 15).*

антологию Г. Хеннепхофа²⁹, полный английский перевод публикуется в исследовании С. Геро³⁰.

Из Деяний Седьмого Вселенского собора также известно, что в ходе заседаний Иерийского собора обсуждались и иные патристические свидетельства, в итоге не включенные во флорилегий ороса (в частности выдержки из письма Нила Анкирского Олимпиодору)³¹.

При реконструкции постановления второго иконоборческого собора, состоявшегося после низложения Никифора в апреле 815 г. в храме Святой Софии в Константинополе³², исследователь сталкивается с более сложной ситуацией. Как уже говорилось, его опровержению полностью посвящено «Обличение и опровержение» Никифора. Первая реконструкция на основе этого сочинения (по рукописи Pap. gr. 1250) была проведена в 1903 г.³³; в 1929 г. Г. А. Острогорский предложил новый вариант (по рукописи Coisl. gr. 93)³⁴. Обе реконструкции предполагали незначительные расхождения по догматическим вопросам между иконоборцами первого и второго периодов. В 1953 г. П. Александер предложил иную трактовку постановления собора³⁵. Он предположил, что в 815 г. были выдвинуты новые аргументы по сравнению с 754 г., однако эта новизна была умело скрыта авторами постановления, чтобы они имели возможность апеллировать к авторитету Иерийского собора и считаться преемниками доктрины первого иконоборчества³⁶. Новейшая реконструкция принадлежит составителю критического

²⁹ *Textus byzantinos ad iconomachiam pertinentes* / Ed. H. Hennephof. Leiden, 1969 (Byzantina Neerlandica. Series A. Fasc. 1). P. 61–78 (далее: *Hennephof*).

³⁰ *Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V. With Particular Attention to the Oriental Sources*. Louvain, 1977 (CSCO 384). P. 68–94 (далее: *Gero. Constantine*).

³¹ *Thümmel H. G. Neilos von Ankyra über die Bilder* // BZ 71 (1978). S. 10–21.

³² Об обстоятельствах проведения собора см.: *Pratsch Th. Theodoros Studites (759–826) – zwischen Dogma und Pragma. Der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch*. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1998 (BBS 4). S. 231–234.

³³ *Serruys D. Les Actes du Concile Iconoclaste de l'an 815* // *Mélanges d'archéologie et d'histoire* 23/1 (1903). P. 345–351.

³⁴ *Ostrogorsky G. Studien zur Geschichte des Byzantinischen Bilderstreites*. Breslau, 1939. S. 46–60.

³⁵ *Alexander P.J. The iconoclastic Council of St. Sophia (815) and Its Definition* // DOP 7 (1953). P. 35–66.

³⁶ См. критику гипотезы П. Александера в: *Anastos M. V. The Ethical Theory of Images Formulated by the Iconoclasts in 754 and 815* // DOP 8 (1954). P. 153–160.

издания «Обличения и опровержения» и публикуется в приложении к нему (REV. P. 337–347)³⁷.

Вторую группу составляют *агиографические источники*. Они весьма многочисленны и разнообразны, однако их источниковедческая ценность не равнозначна³⁸. Это связано как с общими жанровыми конвенциями, усваиваемыми агиографом при создании произведения, к которым относится, например, система общих мест (топосов)³⁹, так и с конкретными особенностями интересующего нас периода: большинство житий святых иконоборческого периода создано уже после восстановления иконопочитания (что объясняет отсутствие житий святых-иконоборцев), и их авторы опираются на косвенные свидетельства и уже сформировавшиеся мифы⁴⁰. Таким образом, обязательным условием вычленения релевантной исторической информации из этих источников становится их всесторонний филологический анализ⁴¹.

И. Шевченко, учитывая памятники, созданные до 843 г., ограничивает список житий святых, подвизавшихся в этот период, всего четырьмя произведениями: это грузинское «Житие» Романа Нового; «Надгробное слово» Платону Студиту (ВНГ 1553); «Житие» Иоанна Готского (ВНГ 891) и «Житие» Стефана Нового (ВНГ 1666)⁴². Таким образом, оказываются исключенными такие поздние и менее надежные памятники, как, например, «Житие» патриарха Германа (ВНГ 697), созданное только в XI в.⁴³, или

³⁷ Как мы уже отмечали, в настоящей работе будут учитываться только грекоязычные источники, таким образом, вне нашего рассмотрения окажется ряд латинских текстов (деяния Латеранского собора 769 г., «Libri Carolini» и др.).

³⁸ Исчерпывающий список житий с библиографией и краткой характеристикой см. в: Iconoclast Era. P. 206–232.

³⁹ Важным шагом в изучении этой проблематики стала монография Т. Пратча: *Pratsch Th. Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit*. В.; N.-Y., 2005 (Millenium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. 6).

⁴⁰ О переписывании или же переосмыслении истории в IX в. см.: Iconoclast Era. P. XXV, 202–203.

⁴¹ *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 153–155 (далее: *Афиногенов. Патриархат*).

⁴² *Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975* / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 113–114.

⁴³ Ср.: *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971 (Bibliothèque byzantine 6). P. 91–92; *Stein D.* Germanos I. (715–730) // *Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios (715–847)* / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999 (BBS 5). S. 19.

«Житие» Стефана Сурожского, дошедшее в наиболее полном виде в славянском переводе, греческий прототип которого может быть датирован концом X в.⁴⁴

Из названных произведений наибольший интерес представляет «Житие» Стефана Нового⁴⁵, созданное Стефаном Диаконом в 809 г., отличающееся выверенностью и завершенностью композиции и послужившее образцом для множества последующих агиографических сочинений⁴⁶. Три оставшихся жития гораздо менее информативны: авторы «Житий» Иоанна Готского и Романа Нового значительно лучше осведомлены о событиях в провинции, нежели об иконоборческих спорах, происходивших по большей части в столице⁴⁷; «Надгробное слово» Платону написано еще до начала второго иконоборчества, когда вопросы иконопочитания для Феодора Студита были не особенно актуальны.

Среди агиографических произведений, связанных со вторым периодом иконоборчества, несомненно, наиболее важным для нас является «Житие» Никифора (ВНГ 1335)⁴⁸, написанное Игнатием Диаконом (возможно, в несколько этапов) между октябрём 829 г. (упоминание смерти императора Михаила II) и 13 марта 846 г. (перенесение мощей Никифора)⁴⁹. Несмотря на то, что на фоне других произведений Игнатия («Житие» патриарха Тарасия, «Житие» Григория Декаполита и др.) «Житие» Никифора выделяется изысканностью слога и написано исключительно сложным языком,

⁴⁴ *Ivanov S. A. The Slavonic Life of Saint Stephen of Surozh // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Éd. par C. Zuckerman. P., 2006. P. 110–112.*

⁴⁵ *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre / Introduction, Édition et Traduction M.-Fr. Auzépy. Aldershot, 1997 (ВВМ 3). Всесторонний анализ памятника проведен в работе М.-Ф. Озепи: Auzépy M.-Fr. L'Hagiographie et l'Iconoclisme Byzantin. Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune. Aldershot, 1999 (ВВМ 5). (далее: Auzépy. L'Hagiographie et l'Iconoclisme).*

⁴⁶ *Каждан А. П. (в сотрудничестве с Ли Ф. Шерри и Х. Ангелиди). История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 258–265 (далее: Каждан. Литература).*

⁴⁷ А. П. Каждан говорит о том, что тема гонений на иконопочитателей в «Житии» Романа Нового выглядит «неуклюжим дополнением к основному сюжету» (*Каждан. Литература. С. 232*). Анализ «Жития» Иоанна Готского с точки зрения отражения исторических реалий первого иконоборчества см. в: *Auzépy M.-Fr. La vie de Jean de Gothie (ВНГ 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Éd. par C. Zuckerman. P., 2006. P. 71–74.*

⁴⁸ *Vita Nicephori / Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lpz., 1880. P. 139–217 (далее: Vita Nicephori). Рус. перевод: Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Минск, 2001. С. 3–71. Комментированный английский перевод: Byzantine Defenders of Images. Eight Saints' Lives in English Translation / Ed. A.-M. Talbot. Wash. DC, 1998 (Byzantine saints' lives in translation 2). P. 41–142.*

⁴⁹ Анализ различных датировок см. в: *The Correspondence of Ignatios the Deacon / Text, Translation and Commentary by C. Mango. With collaboration of St. Efthymiadis. Wash. DC, 1997 (CFHB 39). P. 8–12.*

оно является важнейшим источником для реконструкции биографии Никифора⁵⁰. Дополнительные сведения о жизни Никифора можно почерпнуть из «Речи на перенесение мощей Никифора» Феофана Пресвитера (ВНГ 1336–1337).

События, предшествовавшие возобновлению иконоборческой политики в 815 г., в которых Никифор принимал деятельное участие, отражены в «Житии» Никиты, игумена Мидийского (ВНГ 1341), написанном в период с 828 по 843 г. монахом Феостириком⁵¹. Известно, что Никита был вынужден на некоторое время принять иконоборческую доктрину, однако потом отрекся от нее и был отправлен императором в ссылку. Исключительно важным нам представляется свидетельство Феостирикта о знакомстве с иконоборческими сочинениями Константина V, возможно, теми же, которые опровергал в «*Apologeticus atque Antirrheticus*» Никифор⁵².

Среди агиографических сочинений, повествующих о святых второго иконоборчества, необходимо отметить «Житие» Михаила Синкелла (ВНГ 1296), содержащее важные сведения о Феодоре Начертанном, которому в поздневизантийский период были приписаны некоторые сочинения Никифора, в т. ч. и «*Apologeticus atque Antirrheticus*»⁵³.

К третьей группе источников относятся *исторические сочинения*. Наиболее авторитетными источниками по периоду правления Константина V считаются «Хронография» Феофана Исповедника⁵⁴ и «Хроника» Георгия Монаха⁵⁵. Феофан доводит повествование до 813 г., тем самым исключая из своего рассмотрения события второго иконоборчества, Георгий Монах – до 842 г. Если время составления «Хронографии» может быть определено достаточно точно, то ситуация с «Хроникой» Георгия Монаха

⁵⁰ Alexander P. J. Secular Biography at Byzantium // *Speculum* 15/2 (1940). P. 194–209.

⁵¹ Vita s. Nicetae confessoris // AASS. Aprilis. T. I. XXII–XXXIII. Современного критического издания памятника не существует, русский перевод с учетом церковнославянского выполнен Д. Е. Афиногеновым (Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. Исповедника Никиты. М., 2001. С. 95–146). Датировка дается по Д. Е. Афиногенову (Там же. С. 95). Существует и иная версия, в соответствии с которой Житие создано еще при Михаиле II, т. е. до 829 г. (*Каждан*. Литература. С. 259). Ср. осторожную датировку «до 844–45 гг.»: *Iconoclast Era*. P. 222.

⁵² См. Главу 4.

⁵³ The Life of Michael the Synkellos / Text, Translation and Commentary by M. B. Cunningham. Belfast, 1991. (ВВТТ 1). См. Раздел 5.1.

⁵⁴ Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. 2 vols. Lipsiae, 1883 (далее: *Theophanes*). Комментированный английский перевод: The Chronicle of Theophanes Confessor. Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / Translated with Introduction and Commentary by C. Mango and R. Scott. Oxf., 1997.

⁵⁵ Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor, editionem anni MCMIV correctiorem curavit P. Wirth. 2 vols. Stutt., 1978 (далее: *Georgii Monachi Chronicon*).

представляется гораздо более запутанной: в соответствии с последними изысканиями, ее первоначальная версия была создана в 845–847 гг., однако позже она подверглась существенной переработке. В то время как первоначальная редакция, сохранившаяся в единственной рукописи Coisl. gr. 305, остается по сей день неизданной, вариант, который в конце XIX в. издал К. де Боор, представляет собой именно эту позднейшую переработку, осуществленную после 871–872 гг.⁵⁶

Ряд совпадений в тексте указанных исторических сочинений («Бревиарий» Никифора, сочинения Феофана и Георгия Монаха) позволяет постулировать существование некоего общего источника, который был создан до 787 г. в кругу патриарха Тарасия и, не будучи собственно хроникой в узком понимании этого слова, отличался резкой полемической направленностью, во-первых, против императрицы Ирины, а во-вторых, против иконоборческих императоров Льва III и Константина V⁵⁷. Этот гипотетически реконструируемый текст (условно называемый «Historia Leonis») представляет большой интерес, так как, во-первых, именно из него в последующие сочинения проникают сведения об одиозных и радикальных религиозных воззрениях Константина V, а во-вторых, он использовался Никифором и в период создания «Apologeticus atque Antirrheticus».

Важные сведения об установлении Львом V иконоборчества содержатся во второй части исторического сочинения, получившего в научном обиходе условное название «Scriptor Incertus», характеризующейся резкой полемической направленностью против Льва V и составленной, предположительно, при Михаиле II⁵⁸.

Четвертая группа источников представлена *богословско-полемическими сочинениями*. Несмотря на то, что никто из полемистов-иконопочитателей не обращается к опровержению богословских сочинений Константина V, как это делает Никифор, их произведения могут помочь увидеть более широкий богословский и философский контекст полемики Никифора с Константином.

Ранние этапы полемики (до Иерийского собора) можно проследить на основании анонимного антииконоборческого диалога «Наставления старца о святых иконах» («Νουθεσία γέροντος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων»), части 2 и 3 которого были созданы до

⁵⁶ Afinogenov D. The date of *Georgios Monachos* Reconsidered // BZ 92 (1999). Heft 2. S. 437–447; Афиногенов Д. Е. Рукопись Coislinianus 305: первоначальная версия хроники Георгия Монаха // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004 (Славяне и их соседи 11). С. 19–29.

⁵⁷ Afinogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet Against Leo III and Constantine V? // Eranos 100 (2000). P. 1–17.

⁵⁸ Издание обеих частей: Scriptor Incertus / Introduzione di E. Pinto, testo critico, versione italiana, note e indici a cura di Fr. Iadevaia. 2 ristampa. Messina, 1997. Введение в проблематику: Iconoclast Era. P. 179–180.

754 г.⁵⁹, а также трех «Защитительных речей против клеветующих на святые иконы» («Λόγοι ἀπολογητικοὶ πρὸς τοὺς διαβάλλοντας τὰς ἁγίας εἰκόνας») Иоанна Дамаскина⁶⁰. Последние были составлены либо вскоре после иконоборческого эдикта Льва III в 730 г.⁶¹, либо в 741–750 гг.⁶² и свидетельствуют о существовании уже в это время развитого иконоборческого богословия⁶³.

Основным источником по богословию второго периода иконоборчества являются произведения Феодора Студита. Это богословско-полемические сочинения (в первую очередь, «Антирретики»), а также обширная коллекция писем, в которых нередко затрагиваются догматические вопросы⁶⁴. Примечательно, что, в отличие от Никифора, писавшего в то же время, Феодор Студит сознательно не рассматривает учение иконоборцев первого периода, целиком и полностью сосредотачиваясь на сочинениях своих современников⁶⁵.

Завершая настоящий раздел, мы хотели бы подчеркнуть, что, несмотря на очевидные успехи источниковедения, характеризующая иконоборческий период диспропорция, заключающаяся в количественном преобладании иконопочитательских источников над иконоборческими, не была и вряд ли будет когда-либо восполнена. Из-за практически полного отсутствия прямых, а не пересказанных или процитированных их оппонентами, высказываний иконоборцев, конфликт, участником которого был Никифор, неизбежно предстает в искаженном виде.

История вопроса

Насколько нам известно, трактат «*Apologeticus atque Antirrhetici*» ни разу не становился объектом отдельного крупного исследования. Тем не менее, на протяжении

⁵⁹ Мелиоранский Б. М. Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета 59). С. V–XXXIX.

⁶⁰ Die Schriften des Johannes von Damaskos. Contra imaginum caluminatores orationes tres / Besorgt von P. B. Kotter. В.; N.-Y., 1975 (Patristische Texte und Studien 17).

⁶¹ Ibid. S. 6–7.

⁶² Iconoclast Era. P. 248–250.

⁶³ Baranov V. The Theology of Early Iconoclasm as Found in st. John of Damascus' Apologies // Христианский Восток 4 (10). М., 2006. С. 23–55.

⁶⁴ Theodori Studitae epistulae / Rec. G. Fatouros. 2 Bde. В.; N.-Y., 1991 (CFHB 31/1–2) (далее: Theodori Studitae epistulae).

⁶⁵ Афиногенов. Патриархат. С. 128–129.

более чем двухвекового критического изучения наследия патриарха Никифора ученые постоянно обращались к трактату как к важному источнику по истории иконоборческих споров и византийскому богословию.

Важные текстологические наблюдения были сделаны уже в начале XVII в.: А. Бандури (1670–1743 гг.) в 1705 г. составил описание сочинений Никифора⁶⁶, а Ж. Буавен (1662–1726 гг.) в комментариях к двухтомному изданию «Ромейской истории» Никифора Григоры 1702 г. верно атрибуировал Никифору фрагменты, цитирующиеся Григорой как принадлежащие Феодору Начертанному⁶⁷. Сведения, собранные Бандури, были обобщены и дополнены в 1712 г. И. А. Фабрицием (1668–1736 гг.) в пятом томе «Греческой библиотеки»⁶⁸. Эти исследования были продолжены в XIX в., в первую очередь, кардиналом Ж.-Б. Питрой, исследовавшим важнейшие парижские рукописи Никифора⁶⁹.

Однако после публикации основного корпуса сочинений Никифора (в том числе «*Apologeticus atque Antirrheticus*») в 1849 г. и последовавшего в 1880 г. критического издания «Бревиария» и «Жития» Никифора К. де Боором⁷⁰ основной интерес исследователей на долгие годы сместился в сторону неизданного на тот момент «Обличения и опровержения». О планах его издания заявляли на протяжении всего XX в. такие ученые, как Д. Серрюи⁷¹, И. Д. Андреев и П. Александер⁷², однако *editio princeps* последовало только в 1997 г.

Первые попытки использовать «*Apologeticus atque Antirrheticus*» в качестве источника по истории иконоборческого конфликта и богословия иконоборцев относятся к началу XX в. В исследовании, посвященном личности Константина V⁷³, А. Ломбар

⁶⁶ «Конспект» Бандури сейчас наиболее доступен в перепечатке в издании Миня: *Anselmi Banduri conspectus operum s. Nicephori...* // PG 100. P. 19–28.

⁶⁷ Комментарии были воспроизведены в Боннском издании: *Nicephori Gregorae Byzantina Historia / Cura L. Schopeni. Vol. I. Bonn, 1829. P. 1297–1300.*

⁶⁸ На сегодняшний день более доступно исправленное и дополненное издание 1801 г.: *Fabricius J. A. Bibliotheca graeca sive notitia scriptorum veterum graecorum...* / Editio nova... curante G. Chr. Harles. Vol. 7. Hamb., 1801. P. 603–632.

⁶⁹ *Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera...* / Cur. J. B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. LXV–LXXV.

⁷⁰ *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lpz., 1880.*

⁷¹ *Serruys D. Les Actes du Concile Iconoclaste de l'an 815 // Mélanges d'archéologie et d'histoire 23/1 (1903). P. 347, n. 4.*

⁷² *Alexander. Nicephorus. P. 180, n. 3.*

⁷³ *Lombard A. Constantin V, empereur des romains (740–775). P., 1902 (Bibliothèque de la Faculté des lettres de l'Université de Paris 16).*

отметил высокую источниковедческую ценность заключительных глав «Третьего Антирретика» (особенно в сопоставлении с соответствующими главами «Бревиария») ⁷⁴, а также предпринял попытки реконструкции мировоззрения Константина V на основе приписанных ему фрагментов, цитирующихся в трактате. Особое внимание было уделено сопоставлению этих фрагментов с другими известными иконоборческими сочинениями (например, постановлением Иерийского собора) ⁷⁵. Отметим, что сопоставительный анализ описания одних и тех же событий эпохи Константина V в «*Apologeticus atque Antirrhethici*» и «Бревиарии» оказался весьма продуктивен и исследователи обращались к нему и в дальнейшем ⁷⁶.

Наибольший успех в деле изучения наследия Никифора в первой половине XX в. связан с именем Р. Блейка, в небольшой заметке описавшего все известные на тот день списки его сочинений и высказавшего ряд предположений относительно их взаимосвязей ⁷⁷. Его исследования были продолжены П. Александером, написавшим в 1958 г. монографию «Патриарх Никифор Константинопольский: Церковная политика и иконопочитание в Византийской империи». Эта книга остается и по сей день наиболее полным и глубоким исследованием жизни и творчества Никифора. П. Александер составил исчерпывающий очерк жизни Никифора ⁷⁸; опираясь как на рукописную традицию, так и на содержательный анализ памятника, убедительно обосновал единство «Антирретиков» и «Апологетика» ⁷⁹; предложил датировки для всех сочинений Никифора ⁸⁰ и обрисовал исторический и богословский контекст его творчества ⁸¹.

Следующим шагом в изучении наследия Никифора стала вышедшая в 1972 г. работа П. О'Коннелла «Экклезиология св. Никифора I (758–828)» ⁸², в которой трактат «*Apologeticus atque Antirrhethici*» привлекался для исследования позиции Никифора по различным экклезиологическим вопросам (юрисдикция Восточных патриархатов и Римского папы, статус Вселенских и поместных церковных соборов и др.). В качестве

⁷⁴ Ibid. P. 5, 20.

⁷⁵ Ibid. P. 113–116.

⁷⁶ *Литвиц Е. Э.* Никифор и его исторический труд // ВВ 3 (1950). С. 85–105; *Успенский К. Н.* Феофан и его Хронография // ВВ 3 (1950). С. 396–438.

⁷⁷ *Blake R.* Note sur l'activité littéraire de Nicéphore Ier Patriarche de Constantinople // Byz 14 (1939). Fasc. 1. P. 1–15 (далее: *Blake. Note*).

⁷⁸ *Alexander.* Nicephorus. P. 54–155.

⁷⁹ Ibid. P. 167–173.

⁸⁰ Ibid. P. 182–188.

⁸¹ Ibid. P. 1–53.

⁸² *O'Connell.* Ecclesiology.

источника по истории иконоборческих споров при Константине V трактат был использован в 1977 г. С. Геро⁸³.

Из исследований 1990-х гг. следует отметить монографию Д. Е. Афиногенова, сделавшего с опорой на многочисленные источники (в т. ч. «*Apologeticus atque Antirrheticus*») ряд важных наблюдений относительно взаимоотношений императорской власти и Константинопольского патриархата в период патриаршества Никифора⁸⁴. Философия и богословие Никифора в сопоставлении с мыслью Феодора Студита, Иоанна Дамаскина и античной философской традицией были детально проанализированы в 1996 г. К. Пэрри⁸⁵.

Особого внимания заслуживает история изучения «*Apologeticus atque Antirrheticus*» как источника для реконструкции утраченных богословских сочинений императора Константина V. Первая реконструкция подобного рода была предложена Б. М. Мелиоранским, опубликовавшим в приложении к своей работе «Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке» русский перевод 23 фрагментов из «*Apologeticus atque Antirrheticus*», восходящих, по его мнению, к некоему утраченному источнику («Инструкции» – «Прóурацциа»), который в действительности «едва ли принадлежит Константину»⁸⁶.

Наибольшее распространение получила реконструкция Г. А. Острогорского, который собрал фрагменты из первых двух «Антирретиков» Никифора в своем общем исследовании по истории иконоборчества⁸⁷ и, основываясь на своих наблюдениях над жанровой природой полученного текста, предложил для реконструированных сочинений название, закрепившееся потом в научной литературе, – «Πεύσεις» («Вопрошания»). Исследователь полагал, что «Третий Антирретик» не может рассматриваться как источник для восстановления работ Константина, поскольку он посвящен опровержению аргументов современных Никифору иконоборцев. Также Г. А. Острогорский предпринял

⁸³ *Gero. Constantine.*

⁸⁴ *Афиногенов. Патриархат.*

⁸⁵ *Parry K. Depicting the Word. Byzantine Iconophile Thought in Eighth and Ninth Centuries. Leiden; N.-Y.; Köln, 1996 (The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies, and Cultures, 400–1453. Vol. 12) (далее: Parry. Depicting the Word).*

⁸⁶ *Мелиоранский Б. М. Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета 59). С. 118–121.*

⁸⁷ *Ostrogorsky G. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. S. 8–11.*

попытки интерпретации полученных фрагментов и пришел к выводу о сильном монофизитском влиянии на богословие иконоборцев⁸⁸.

В 1969 г. Г. Хеннепхоф в антологии текстов, сохранившихся от эпохи иконоборчества, представил новую реконструкцию, учитывавшую на сей раз все три «Антирретика». По сравнению с Г. А. Острогорским Г. Хеннепхоф добавил также ряд фрагментов, которые, по его мнению, хотя и не содержали прямых цитат из Константина, могли быть полезны при реконструкции⁸⁹. Эта реконструкция не получила единодушного признания специалистов. Наиболее аргументированной была критика С. Геро, полагавшего, что «Третий Антирретик» не имеет отношения к опровержению богословских построений Константина V, но должен быть соотнесен либо с иконоборческой доктриной второго периода, либо с постановлением Иерийского собора⁹⁰.

Новейшая реконструкция была предложена И. Рохов⁹¹. В основном она следует Г. Хеннепхофу, однако ряд фрагментов как принадлежащих не Константину, а самому Никифору оказывается опущен.

Если по вопросу самого состава фрагментов в научной среде уже сложился определенный консенсус⁹², то их интерпретация не так однозначна. Традиционно исследователи, следуя Г. А. Острогорскому, соотносили создание «Вопрошаний» с подготовкой Иерийского собора в 754 г. (К. Пэрри, Дж. Уортли и др.), однако эта точка зрения была поставлена под сомнение П. Шпеком, предположившим, что их следует датировать более ранним периодом и связывать с конфликтом Константина V с Артавасдом⁹³. На наш взгляд, на данном этапе однозначно интерпретировать полученные фрагменты невозможно, поскольку ни одна из существующих на сегодняшний день реконструкций не может быть признана удовлетворительной. Во-первых, все предложенные исследователями реконструкции были осуществлены на базе «Антирретиков», то есть не учитывали «Большой Апологетик», представляющий собой

⁸⁸ Ibid. S. 25. Критику этой гипотезы см. в: Brock S. Iconoclasm and the Monophysites // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 53–57.

⁸⁹ Hennephof. P. 52–57. Fr. 141–187.

⁹⁰ Gero. Constantine. P. 37–52; *Idem*. The Eucharistic Doctrine of the Byzantine Iconoclasts and its Sources // BZ 68 (1975). S. 4–5.

⁹¹ Rochow I. Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Mit einem prosopographischen Anhang von K. Ludwig, I. Rochow und R.-J. Lilie. F. am Mein; Berlin u. a., 1994. (BBS 1). S. 177–188 (далее: Rochow. Konstantin).

⁹² См. Приложение 2.

⁹³ Speck P. Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren. Bonn, 1981. S. 71–75, 245–266.

первую и большую часть сочинения, что препятствовало адекватному пониманию логики развития аргументации. Во-вторых, ни один из ученых, занимавшихся реконструкцией, не ставил перед собой задачи оценить полученный текст с филологической точки зрения, что требовало бы учета многочисленных комментариев Никифора (особенно в «Первом Антирретике») относительно литературной природы и художественных качеств сочинений Константина (критика методов ведения спора, используемых Константином, его познаний в богословии, замечания о последовательности изложения и структуре цитируемых произведений).

На сегодняшний день исследователю доступны практически все инструменты, необходимые для полноценного анализа любого произведения Никифора. После публикации «Обличения и опровержения» не осталось ни одного неизданного крупного сочинения Никифора. Биографические сведения, собранные П. Александером, были уточнены и дополнены в 1999 г.⁹⁴ Сведения о личности и деятельности Константина V обобщены И. Рохов⁹⁵. Важнейшие источники, такие как «Житие» Стефана Нового и переписка Феодора Студита, доступны в новейших критических изданиях, продолжается работа над публикацией «Деяний» Седьмого вселенского собора. Были решены многие источниковедческие проблемы: вопрос взаимоотношения различных версий памфлета «Против Константина Каваллина»⁹⁶, «Хроники» Георгия Монаха (см. выше), различных иконопочитательских флорилегиев⁹⁷. Существенно облегчают работу такие справочники, как «Просопографический словарь средневизантийского периода» (PMBZ) и «Византия в эру иконоборчества» («Byzantium in the Iconoclast Era»).

Тем не менее, очевидно, что многие спорные моменты, касающиеся истории иконоборческого конфликта (в т. ч. важнейший вопрос о богословских взглядах Константина V), будут разрешены только после всестороннего анализа «*Apologeticus atque Antirrheticus*».

⁹⁴ Pratsch Th. Nikephoros I. (806–815) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999 (BBS 5). S. 109–147 (далее: Pratsch. Nikephoros).

⁹⁵ Rochow. Konstantin.

⁹⁶ Auzépy. L'Hagiographie et l'Iconoclasme. P. 121–130.

⁹⁷ Alexakis A. Codex Parisinus Graecus 1115 and Its Archetype. Wash. DC, 1996 (Dumbarton Oaks Studies 34).

Глава 1. Никифор и его трактат: предварительные замечания

Прежде чем приступить собственно к анализу трактата, на наш взгляд, необходимо кратко изложить биографию Никифора, обрисовать исторический контекст его творчества и в целом охарактеризовать интересующее нас произведение.

Подчеркнем, что первый раздел настоящей главы имеет во многом реферативный характер, поскольку детали биографии Никифора известны достаточно хорошо (перипетии жизни Никифора изложены наиболее полно в работах П. Александра⁹⁸, П. О'Коннелла⁹⁹ и Т. Пратча¹⁰⁰), и новое прочтение первоисточников требуется только в исключительных случаях. Тем не менее, мы постараемся более подробно остановиться на некоторых моментах, важных для адекватного понимания «*Apologeticus atque Antirrheticus*».

1.1. Биографический очерк

Никифор родился в 757/758 г. в Константинополе в знатной семье императорского асикрита Феодора¹⁰¹, который подвергся репрессиям со стороны императора Константина V (по сообщениям «Жития» Никифора, из-за иконопочитательских убеждений); был дважды отправлен вместе со всем семейством в ссылку (ок. 761 г.); предположительно, вновь приближен к двору (о чем, впрочем, «Житие» Никифора умалчивает)¹⁰² и скончался ок. 767 г.¹⁰³ После смерти отца Никифор получил в Константинополе светское образование, включавшее, помимо прочего, ознакомление с античной литературой и основами аристотелевской логики¹⁰⁴, категориальный аппарат

⁹⁸ Alexander. *Nicephorus*. P. 54–155.

⁹⁹ O'Connell. *Ecclesiology*. P. 37–53.

¹⁰⁰ Pratsch. *Nikephoros*.

¹⁰¹ Точнее между 5 апреля 757 г. и 758 г.: Pratsch. *Nikephoros*. S. 109, Anm. 4. Никакие иные источники, кроме «Жития» Никифора и синаксарных заметок, об отце Никифора не упоминают. Возможно, Никифора связывали родственные отношения с семьей патриарха Тарасия: Афиногенов. Патриархат. С. 39; Pratsch. *Nikephoros*. S. 109, Anm. 5.

¹⁰² Pratsch. *Nikephoros*. S. 110–112.

¹⁰³ Alexander. *Nicephorus*. P. 55–56.

¹⁰⁴ Alexander. *Nicephorus*. P. 56–59; O'Connell. *Ecclesiology*. P. 38–39; Lemerle P. *Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle*. P., 1971 (Bibliothèque byzantine 6). P. 130–135.

которой он позже активно использовал в своих богословско-полюемических произведениях¹⁰⁵.

Между 770 и 780 г. Никифор стал асикритом и служил, предположительно, в подчинении у будущего патриарха Тарасия¹⁰⁶. Точно датировать эти события нельзя, возможно, причиной этого было нежелание Игнатия Диакона акцентировать внимание читателя на том факте, что Никифор был приближен ко двору императоров-иконоборцев. В 787 г. Никифор принял участие в Седьмом вселенском соборе (в «Деяниях» зафиксировано его участие во втором заседании в сентябре 787 г.). Примерно к этому же периоду относится создание «Бревиария» (см. выше).

Однако некоторое время спустя Никифор оставил службу в секретариате, покинул столицу и удалился в некое пустынное место на Азиатском берегу Босфора недалеко от Константинополя (возможно, являвшееся его семейным имением¹⁰⁷), где впоследствии основал монастырь. Вероятнее всего, это был либо монастырь Τὰ Ἀγαθοῦ, либо монастырь св. Феодора, в которых Никифор позже был в ссылке¹⁰⁸. Ни Игнатий Диакон, ни сам Никифор не называют иных причин отставки, кроме желания оставить суету и треволения столицы и обрести возможность в спокойствии изучать Священное Писание, поскольку и в годы службы Никифор «прилагал усилия к тому, чтобы укрыться в уединении излюбленной тишины»¹⁰⁹. Дальнейшие главы «Жития», посвященные отшельничеству Никифора (Vita Nicephori. Cap. 13–17), также весьма малоинформативны с точки зрения определения причин и времени отъезда¹¹⁰. Большинство исследователей склонны относить эти события к 797 г. и связывать их с возвращением к власти императрицы Ирины и ее победой в конфликте с Константином VI, которого, по всей видимости, поддержал Никифор¹¹¹.

¹⁰⁵ Alexander. Nicephorus. P. 189–213; Parry. Depicting the Word. P. 52–63.

¹⁰⁶ Alexander. Nicephorus. P. 59; ср. критическую позицию Т. Пратча: Pratsch. Nikephoros. S. 113, Anm. 19.

¹⁰⁷ Pratsch. Nikephoros. S. 113, Anm. 32.

¹⁰⁸ Alexander. Nicephorus. P. 62, n. 5; Pratsch. Nikephoros. S. 114–115, 143. О монастырях см.: Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins. P., 1957. P. 23, 27.

¹⁰⁹ ἐπὶ τὸ τῆς ἐρωμένης ἡσυχίας μονότροπον ὑποκλέπτειν ἑαυτὸν διεσπούδαζεν – Vita Nicephori. Cap. 12. P. 147.

¹¹⁰ Ср.: Pratsch Th. Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. B.; N.-Y., 2005 (Millenium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. 6). S. 145–146.

¹¹¹ Alexander. Nicephorus. P. 63; Treadgold W. The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988. P. 142 (далее: Treadgold. Revival); Pratsch. Nikephoros. S. 115. О событиях 797 г. см.: Lilie R.-J. Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Mit einem Kapitel über Leon IV. von I. Rochow. Fr. am Mein; B. u. a., 1996 (BBS 2). S. 88–95.

После прихода к власти Никифора I и окончательного свержения Ирины (31 октября 803 г.), Никифор вернулся в Константинополь и был поставлен императором руководить богоугодными заведениями столицы. Вероятно, это произошло уже после коронации соправителем Ставракия в декабре 803 г.¹¹²

12 апреля 806 г., после кончины патриарха Тарасия, Никифор, несмотря на противодействие «Студитской партии»¹¹³, был поставлен патриархом, всего за несколько дней пройдя путь от мирянина до предстоятеля Константинопольской Церкви (5 апреля принял постриг, 9 – рукоположен диаконом, 10 – пресвитером)¹¹⁴. Исследователи неоднозначно оценивают выбор императора: некоторые из них указывают на неожиданность такого решения¹¹⁵ и подчеркивают, что в долгосрочной перспективе подобный выбор мог только ослабить как Константинопольскую Церковь, так и всю империю¹¹⁶, другие, наоборот, подчеркивают преемственность Никифора по отношению к Тарасию и указывают на сильные позиции нового патриарха при интронизации¹¹⁷.

За время патриаршества Никифора произошел ряд событий, крайне важных для истории византийской Церкви, однако не имеющих прямого отношения к вопросам иконопочитания. Следует сказать лишь, что, несмотря на вторую михианскую схизму, расколовшую Церковь на два лагеря, к началу 810-х гг. позиции патриарха были очень сильны¹¹⁸ и его авторитета было достаточно, чтобы объединить Церковь против угрозы нового иконоборчества¹¹⁹.

После смерти Никифора I (26 июля 811 г.) и смертельного ранения законного наследника престола Ставракия, различные группировки в среде константинопольской знати в качестве кандидатур выдвигали Феофано, жену Ставракия, и Михаила Рангаве. После определенных колебаний Никифор принял сторону Михаила Рангаве¹²⁰. Его недолгое правление (2 октября 811 – 11 июля 813 г.) в судьбе Никифора было отмечено

¹¹² *Pratsch. Nikephoros. S. 116.*

¹¹³ *Pratsch Th. Theodoros Studites (759–826) – zwischen Dogma und Pragma. Der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1998 (BBS 4). S. 135–146.*

¹¹⁴ *Pratsch. Nikephoros. S. 118, Anm. 53.*

¹¹⁵ *Treadgold. Revival. P. 141.*

¹¹⁶ *Alexander. Nicephorus. P. 70.*

¹¹⁷ *Афиногенов. Патриархат. С. 39.*

¹¹⁸ Там же. С. 53.

¹¹⁹ Деятельность Никифора в эти годы изложена в: *Pratsch. Nikephoros. S. 118–122; Alexander. Nicephorus. P. 71–110.*

¹²⁰ См. подробное рассмотрение вопроса: *Bury J. B. A History of the Eastern Roman Empire: from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A. D. 802–867). L., 1912. P. 18–20; Alexander. Nicephorus. P. 74–76.*

двумя событиями: во-первых, он сумел отправить письмо о своей интронизации папе Римскому Льву III, которое не смог послать раньше из-за конфликтов Никифора I с Римом¹²¹, во-вторых, принял активное участие в борьбе с ересями павликиан и афинган, что, возможно, было сделано с целью удалить из Константинополя военные части, сохранявшие верность Никифору I и Ставракию и вызывавшие определенное беспокойство новой власти¹²².

Военные поражения Михаила I привели к резкому падению его популярности в народе и росту иконоборческих настроений. Тем не менее, новый император, Лев V, возобновивший уже летом 814 г. иконоборческую политику, пришел к власти во многом благодаря усилиям Никифора и Константинопольской Церкви в целом, поддержавших его¹²³. П. Тернер высказывает весьма радикальное мнение, что Церковь полностью отвечает за приход Льва V к власти и что именно патриарх стоял во главе властной группировки, принявшей решение о новом императоре. По его мнению, Никифор не только поддерживал эту кандидатуру, но и активно продвигал ее, воодушевленный успехом своих политических шагов при смене престола в 811 г.¹²⁴

Возобновление иконоборческой политики стало единственным возможным ответом на ожидания населения, видевшего в иконоборческих императорах первого периода успешных правителей, укрепивших границы империи¹²⁵. Кроме того, первый император-иконоборец Лев III стал основателем Исаврийской династии, протронувшись у власти почти столетие (с 716 по 802 г.). Если относительно причин и сущности иконоборческого конфликта в целом существуют диаметрально противоположные точки зрения¹²⁶, то причины, приведшие к возобновлению иконоборческой политики в 815 г., лежат полностью в политической и экономической сферах и не могут быть сведены к догматическим противоречиям¹²⁷.

Активное сопротивление иконоборческой политике императора позволило Никифору сплотить ранее конфликтовавшие церковные группы и продемонстрировать

¹²¹ Подробный анализ см.: *O'Connell*. *Ecclesiology*. P. 68–78.

¹²² *Turner P.* The Origin and Accession of Leo V (813–820) // *JÖB* 40 (1990). S. 180.

¹²³ *Alexander*. *Nicéphorus*. P. 77–78.

¹²⁴ *Turner P.* The Origin and Accession of Leo V (813–820) // *JÖB* 40 (1990). P. 187, 196–197.

¹²⁵ Подробнее см. Раздел 3.1.

¹²⁶ См. краткий обзор в: *Живов В. М.* Богословие иконы в первый период иконоборческих споров // *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. М., 2002. С. 41–43; *Brown P.* A Dark Age Crisis: Aspects of the Iconoclastic Controversy // *English Historical Review* 88 (1973). P. 1–34.

¹²⁷ *Афиногенов Д. Е.* Тактика православного сопротивления в начале второго периода иконоборчества // *Традиции и наследие Христианского Востока*. М., 1996. С. 63–65.

большей части клира полную несостоятельность нового иконоборческого Собора с точки зрения канонического права¹²⁸ и, соответственно, бесперспективность иконоборческого движения в целом. Тем не менее, в открытом противостоянии с императором он, по крайней мере формально, потерпел поражение и, будучи низложен, отправился в ссылку (13 марта, по другим данным 20 марта 815 г.¹²⁹), где и создал большую часть своих богословско-полемических произведений. Никифор был сослан в монастырь Τὰ Ἀγαθοῦ, а затем переведен в монастырь св. мученика Феодора.

Ключевым вопросом, имеющим прямое отношение к нашей теме, является проблема доступности для Никифора различных источников (в т. ч. иконоборческих) в период ссылки. К сожалению, никакими прямыми доказательствами в данном случае мы не располагаем, однако ряд свидетельств все же указывает на то, что и в ссылке опальному патриарху было позволено заниматься литературной деятельностью. П. Александер ссылается на письмо патриарха Фотия к Василию I, где тот сравнивает свое положение с положением Никифора во времена Льва V и утверждает, что даже император-иконоборец оказался настолько милостив, что позволил Никифору в ссылке работать со своей библиотекой¹³⁰.

Кроме того, уже само количество точных цитат из творений отцов Церкви указывает на то, что Никифор располагал в ссылке достаточно обширной библиотекой. Интересно и то, что это собрание нельзя назвать вполне обычным, так как оно, помимо признанных Церковью авторов, содержало и сочинения еретиков, которые Никифор свободно цитировал, сравнивая их положения с доктриной иконоборцев. Так, например, в главе 40 «Первого Антирретика» он приводит слова ариан: «таким образом, говоря о плоти как не обладающей собственным лицом, но лицом Бога, и провозглашаем Бога в божественной славе»¹³¹. Особая лексика (он говорит о «приведенных» – *παρατεθέντα* –

¹²⁸ Там же. С. 81–84.

¹²⁹ *Pratsch*. Nikephoros. S. 141–142.

¹³⁰ *Alexander*. Nicephorus. P. 148. «Многие и из ныне живущих знают, что нечестивый Лев проявлял скорее звериную, нежели человеческую природу. Но и он, изгоняя с престола и отправляя в ссылку великого и по истине [победоносного] Никифора, все же не лишил его книг» (Λέοντα τὸν δυσσεβῆ πολλοὶ καὶ τῶν ἔτι περιόντων ἴσασις θηρίον μᾶλλον ἢ ἀνθρώπου φύσιν ἐπιδειξάμενον· ἀλλ'οὗτος τὸν μέγαν καὶ ὡς ἀληθῶς Νικηφόρον ἐλαύνων τοῦ θρόνου καὶ ἐξορία παραδιδούς, οὐχὶ καὶ τῶν αὐτοῦ βιβλίων ἐποίησεν ὑπερόριον – Photii patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia / Rec. B. Laourdas, L. G. Westerink. Vol. 1. Lpz., 1983. Ep. 98. P. 134, 39–43).

¹³¹ Ὡστε σάρκα λέγοντες, οὐ τὸ οἰκεῖον ἔχουσιν πρόσωπον ἀλλὰ τὸ τοῦ Θεοῦ, Θεὸν ἐν τῇ θεϊκῇ δόξῃ κηρύσσομεν – ΑΑ. 300С.

положениях, которые надо сравнить с цитированными выше словами Константина V), которая свидетельствует именно о цитировании, позволяет сделать вывод о том, что Никифор имел конкретный источник, с которым сверялся, а не пользовался общими представлениями о еретических учениях.

Кроме того, в его распоряжении имелись сочинения Евсевия Кесарийского, исследованию которых Никифор посвятил отдельную работу, т. н. трактат «Против Евсевия и Епифанида»¹³², созданный после «*Apologeticus atque Antirrheticus*», но до «Обличения и опровержения»¹³³. В первую очередь, он был посвящен опровержению «Послания» Евсевия Кесарийского сестре Константина Великого Констанции, которое активно использовалось иконоборцами в VIII в. (в частности на Иерийском соборе 754 г.) и было осуждено как еретическое на Седьмом вселенском соборе¹³⁴. При работе над «*Apologeticus atque Antirrheticus*» Никифор даже мог сверять цитаты из Евсевия, приводимые в сочинениях иконоборцев, с его оригинальными пассажами. Только так можно объяснить его замечание о том, что даже своему учителю они приписывают «странные слова, противоречащие сами себе» (χρήσεις... τινὰς ἀλλοκότους... μηδὲ ἀλλήλαις συμβαινούσας), искажая его и без того еретическое учение. На этом основании Никифор делает вывод о том, что его противники «совершенно лишены целых книг» (ὀλοκλήρων βιβλίων... ἡμοιοηκότες τυγχάνουσι παντάπασιν – АА. 564С).

По всей видимости, библиотека включала и ряд свидетельств исторического характера, относящихся к VIII в., которые Никифор использовал при написании им исторической части «Третьего Антирретика»¹³⁵. Особенно ценным представляется замечание самого Никифора, помещенное в главе 72 «Третьего Антирретика», где он говорит о том, что сам читал некие послания Константина к жителям столицы, в которых он описывает свои военные достижения¹³⁶. К. Манго предполагает, что это сочинение, как и другие работы исторического характера, Никифор имел возможность читать как раз в

¹³² Eusebii Caesariensis confutatio // Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera... / Cur. J. B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. 371–503 (далее: Contra Eusebium).

¹³³ Alexander. Nicephorus. P. 182–188.

¹³⁴ Mansi. T. 13. Col. 313D–324C. Текст «Послания» в изложении Никифора: Contra Eusebium. P. 383, 5–386, 39; русский перевод и анализ см. в: Сидоров А. П. Послание Евсевия Кесарийского к Констанции (к вопросу об идейных истоках иконоборчества) // ВВ 51 (1990). С. 58–73. См. также: Florovsky G. Origen, Eusebius, and the Iconoclastic Controversy // Church History. 19 (1950). P. 77–96.

¹³⁵ Однажды он прямо говорит об использовании этого источника (АА. 496А).

¹³⁶ ...καθὰ γε ἡμῖν ἐκ τῶν γεγραμμένων αὐτῷ πρὸς τοὺς ἐνηλισμένους κατὰ τὴν βασιλεύουσαν, ἀναλεξαμένοις ἔγνωσται – АА. 508В.

период создания трактата¹³⁷. По мнению Д. Е. Афиногенова, опальный патриарх имел собственную коллекцию рукописей, не принадлежавших библиотеке Патриархата, которая была унаследована им от Тарасия и затем попала к Мефодию¹³⁸, и именно эти книги, а не патриаршее собрание было позволено Никифору взять с собой в ссылку.

Никифор оставался в монастыре св. мученика Феодора, несмотря на приход к власти в конце 820 г. более умеренного иконоборца Михаила II, вплоть до своей кончины, последовавшей 5 апреля 828 г.¹³⁹ В 847 г. пресвитер Феофан составил речь на перенесение мощей Никифора (ВНГ 1337), что знаменовало окончательную реабилитацию Никифора при православном патриархе Мефодии.

1.2. «*Apologeticus atque Antirrheticus*»: датировка, проблема целостности и композиция

Как уже было сказано выше, большинство богословско-полемических сочинений Никифора относится к периоду ссылки, т. е. приходится на 815–828 гг. Основной источник, «Житие» Никифора, не позволяет как-либо сузить эти хронологические рамки для «*Apologeticus atque Antirrheticus*»: Игнатий Диакон излагает содержание некоторых произведений Никифора, но из них с достаточной долей уверенности можно отождествить только «Обличение и опровержение», начало работы над которым агиограф относит к периоду после неудачной попытки склонить к иконопочитанию Михаила II, т. е. не ранее весны 821 г.¹⁴⁰ Таким образом, для датировки трактата приходится пользоваться только внутренними свидетельствами, позволяющими установить лишь внутреннюю хронологию литературного наследия Никифора. Очевидно, что «*Apologeticus atque Antirrheticus*» был создан до 24 декабря 820 г., когда был убит Лев V, во-первых, поскольку в противном случае это событие, несомненно, было бы упомянуто¹⁴¹, во-вторых, поскольку в тексте трактата содержатся пассажи, обращенные к правящему императору, которым не мог быть кто-либо иной, кроме Льва V¹⁴². Из некоторых ремарок Никифора мы узнаем, что «*Apologeticus atque Antirrheticus*» предшествовал не только «Обличению и опровержению»,

¹³⁷ Breviarium. P. 10.

¹³⁸ Афиногенов Д. Е. «Повесть о прощении Феофила» и Торжество Православия. М., 2003. С. 144–145 (далее: Афиногенов. Повесть).

¹³⁹ Pratsch. Nikephoros. S. 147.

¹⁴⁰ Vita Nicephori. Cap. 83. P. 210.

¹⁴¹ Ср. соответствующее упоминание в «Обличении и опровержении»: REv. Cap. 2, 27–35.

¹⁴² См. Раздел 3.2.

но и еще одному трактату Никифора «Против Евсевия и Епифанида»¹⁴³. В то же время, некоторые фрагменты трактата однозначно отсылают к ситуации, сложившейся уже после иконоборческого собора 815 г. Так, в главе 15 «Большого Апологетика» (AA. 568D–569C), где подробно описываются иконоборческие преследования, содержится упоминание о том, что священники обязаны «собственноручно подписывать нечестие» (χειροῦραφεῖν τὴν ἀσέβειαν), т. е. давать письменную присягу верности некоему иконоборческому собору, при этом все глаголы стоят в настоящем времени, что указывает на то, что речь в данном случае не может идти о времени после Иерийского собора при Константине V.

Таким образом, время создания трактата может быть определено как 815–820 гг.¹⁴⁴ Согласно П. Александру, он стал первым крупным богословско-полюемическим произведением Никифора и был написан вскоре после «Малого Апологетика»¹⁴⁵.

Как мы уже отмечали, «Apologeticus atque Antirrheticus» имеет исключительно сложную структуру, говоря о которой, в первую очередь, следует суммировать аргументы в пользу единства опубликованных по отдельности частей трактата.

1) В большинстве списков (в т. ч. в использованном А. Маи Vat. gr. 682) четыре части с прилагающимися флорилегиями содержатся вместе и при этом «Большой Апологетик» предшествует «Антирретикам»: Par. gr. 911, Par. gr. 910 (f. 1–186v), Par. gr. 909, Coisl. gr. 93 (f. 159v–431v).

2) Сохранилось оглавление трактата с единой нумерацией от первой главы «Большого Апологетика» до последней главы «Третьего Антирретика»¹⁴⁶.

3) В различных сборниках эксцерптов из Никифора фрагменты из «Большого Апологетика» и «Антирретиков» соседствуют, при этом фрагменты из «Большого Апологетика» идут первыми: например, сборник «Из книги святого Никифора», дошедший в рукописях Bibliotheca Franzoniana, Urbani 27 и Ath. Vatop. 236, помещает сначала цитату из «Большого Апологетика» (AA. 781AB), а затем восемь фрагментов из «Антирретиков»¹⁴⁷.

¹⁴³ Alexander. Nicephorus. P. 184.

¹⁴⁴ Датировка П. О'Коннелла «между пасхой 815 и осенью 817 г.» (O'Connell. Ecclesiology. P. 58) основана на неверной интерпретации фразы Никифора, верную трактовку см. в: Alexander. Nicephorus. P. 185–186.

¹⁴⁵ Ibid. P. 186–187. В то же время, П. Александер предлагает как возможную и иную датировку – 818–820 гг.: Ibid. P. 187–188.

¹⁴⁶ Рукопись, использовавшаяся А. Маи, содержит в этом месте значительную лауну, однако частично оглавление все же сохранилось: PG. T. 100. Cols. 832A–833B.

¹⁴⁷ Declerck J. Les sept opuscules "Sur la fabrication des images" attribués à Nicéphore de Constantinople // Philomathestatos. Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth

4) В тексте имеются отсылки к другим частям трактата: в первой главе «Первого Антирретика» содержится отсылка к «Большому Апологетику», посвященному опровержению тезиса об идолопоклонстве иконопочитателей (АА. 208А), а флорилегий «Большого Апологета» (АА. 823С–832А) предваряет обращение к «Вопрошаниям» Константина V¹⁴⁸.

Отметим, что аргументы против единства «Большого Апологета» и трех «Антирретиков» сводятся к отсутствию в рукописях общего заглавия, а также к «существенному различию вопросов»¹⁴⁹, рассматриваемых в разных частях. Действительно, с точки зрения структуры и жанрового своеобразия трактат «*Apologeticus atque Antirrheticus*» весьма необычен, поскольку не может рассматриваться как богословско-полемическое сочинение в чистом виде. Представляется, что задача, которую ставил перед собой Никифор, была необычайно сложна: следуя в целом модели отвлеченного богословского трактата, он создавал произведение в расчете на конкретную политическую реакцию со стороны тех сил, которые инициировали реставрацию иконоборчества. Таким образом, его работы по необходимости вбирали в себя элементы политического памфлета (и соответственно еще античного псогоса, к которому восходит этот жанр) и исторического сочинения. Последнее диктовалось уже хотя бы тем, что, с точки зрения тактики, Никифору было необходимо действовать «на чужом поле», опровергая наиболее весомые аргументы своих оппонентов (иконоборцев начала IX в.) в защиту восстановления иконоборчества, которые, в свою очередь, апеллировали в большей степени к внерелигиозным факторам: военным победам, долголетию и успеху Константина V¹⁵⁰.

Рассмотрим *композицию* трактата¹⁵¹. Его первая часть, «Большой Апологетик», содержит 82 главы и посвящена, как явствует из заглавия, опровержению тезиса о том, что иконопочитание тождественно идолопоклонству. Полемика с подобным утверждением сразу же отсылает читателя к первому периоду иконоборчества и богословию Иерийского собора, осудившего иконопочитание как идолопоклонство. Согласно иконоборческому определению 754 г., Люцифер, ненавидя установленный Богом порядок и спокойствие, заставил человека «поклоняться твари вместо Творца» (τῆ κτίσει παρὰ τὸν Κτίσαντα

Birthday / Ed. B. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun. Leuven, 2004 (Orientalia Lovaniensia analecta 137). P. 108–109.

¹⁴⁸ См. Раздел 2.4.

¹⁴⁹ O'Connell. Ecclesiology. P. 57.

¹⁵⁰ См. Раздел 3.1.

¹⁵¹ В схематическом виде структура трактата представлена нами в Приложении 1.

προσκυνεῖν – ср. Рим. 1:25), однако Бог через спасительное Воплощение освободил человека от «идольского заблуждения и служения» (τῆς τῶν εἰδῶλων πλάνης καὶ λατρείας) и научил поклонению «в духе и истине» (Иоанн 4:23). Однако Дьявол не вынес такого благолепия и «под личиной христианства» (ἐν προσχήματι Χριστιανισμοῦ) вновь обманом ввел идолопоклонство, убедив «почитать Богом тварь, называя ее именем Христа» (Θεὸν τὸ ποίημα οἶεσθαι τῇ τοῦ Χριστοῦ κλήσει ἐπονομαζόμενον)¹⁵². В то же время иконоборческий собор 815 г., в остальных вопросах следовавший Иерийскому собору, однозначно заявил, что не считает иконы идолами: «Мы постановляем, что иконы не заслуживают поклонения, а их изготовление бесполезно, однако же мы избегаем называть их идолами, ибо и среди дурного существует градация»¹⁵³.

Каким образом Никифор объясняет свое решение обратиться к учению середины VIII в.? После риторического вступления (АА. 533В–537D) следуют два основополагающих тезиса: во-первых, «первым и последним дурным порождением греха является идолослужение и перенесение поклонения с Сотворившего на творения»¹⁵⁴, а во-вторых, церковное учение установлено раз и навсегда, дает исчерпывающие ответы на все возможные вопросы и не допускает дальнейших изысканий (АА. 537D–541В). Однако, по утверждению Никифора, есть люди, которые не могут удовлетвориться этим и в своих «неуместных изысканиях» (ζητήσεσιν ἐκτόποις) обращаются к «чудовищным мнениям» (δόξας τερατώδεις), которые давно уже «справедливо отброшены славными учителями Церкви» (τοῖς δοκίμοις τῆς Ἐκκλησίας ἐνδίκως ἀπεληλαμένας – АА. 541С). Очевидно, что речь идет о иконоборцах второго периода, признающих решения Иерийского собора, осужденного на Седьмом вселенском соборе. Описанию современных Никифору иконоборцев посвящены главы 5–9 (АА. 544В–560В) и 13–16 (АА. 564D–572D).

¹⁵² Mansi. T. 13. Cols. 212В–221D.

¹⁵³ ἀπροσκύνητόν τε καὶ ἄχρηστον τὴν τῶν εἰκόνων ποίησιν ὀρίζομεν, εἰδῶλα δὲ ταύτας εἰπεῖν φεισάμενοι ἔστιν γὰρ καὶ κακοῦ πρὸς κακὸν ἢ διάκρισις – REv. Cap. 71, 9–12 (= Alexander P. J. The iconoclastic Council of St. Sophia (815) and Its Definition // DOP 7 (1953). P. 60. Frg. 16). Подробнее о различиях в позиции иконоборцев по этому вопросу см.: Лурье В. М. (в соавторстве с В. А. Барановым). История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006. С. 451–461. Подробнее о различии иконы и идола в иконопочитательской мысли см.: Parry. Depicting the Word. P. 44–51.

¹⁵⁴ Ἀμαρτίας δὲ ἔκγονον πρῶτον μὲν καὶ ἔσχατον εἰδωλολατρία, καὶ τῆς προσκυνήσεως ἡ μετάθεσις ἀπὸ τοῦ πεποηκότος ἐπὶ τὰ κτίσματα – АА. 540С.

Это описание прерывается в главе 10, где формулируется второй тезис иконоборцев, который они почерпнули из сочинений «изобретателя и отца отступничества» (τοῦ εὐρέτου καὶ πατρὸς τῆς ἀποστασίας), т. е. Константина V: Христос «воспринял неопишемое тело» (ἀπερίγραπτον ἀνειληφέναι... σῶμα – АА. 560В). Это утверждение называется арианским и главы 11–12 (АА. 560D–564D) посвящены рассказу об этой ереси¹⁵⁵.

Следующие главы посвящены истории Вселенских соборов. В главе 17 Никифор повторяет, что дальнейшие рассуждения будут опровергать тезис иконоборцев об идолопоклонстве христиан, которое, по их словам, продолжалось до времен царствования Константина V (АА. 577D; ср.: АА. 592В, 601А, 613С), и рассказывает об иконоборческом Иерийском соборе. Главы 18–23 содержат пространное исповедание веры, суммирующее учение шести Вселенских соборов¹⁵⁶. Завершается раздел рассказом о Седьмом вселенском соборе (глава 25).

Главы 26–33 посвящены опровержению иконоборческого тезиса на наиболее простом уровне: Никифор подробно описывает, чем христианство отличается от язычества и почему идолопоклонство среди христиан невозможно по определению. Затем Никифор обещает доказать, что позиция иконоборцев противоречит Священному Писанию, используя при этом хронологический принцип: сначала будут приводиться свидетельства «первенствовавших по времени» (οἱ χρόνῳ πρεσβύτεροι), т. е. пророков, а затем «достойно предводительствующих в Церкви» (οἱ τῇ ἀξίᾳ κατὰ τὴν Ἐκκλησίαν ἡγεμονεύοντες – АА. 616В). Этой задаче посвящены главы 35–59. Последовательное изложение прерывается лишь однажды в главе 39 (АА. 648А–653А), в которой Никифор перечисляет богов языческого пантеона, приводя множество деталей, изобличающих их ничтожность.

В главах 60–65 Никифор формулирует основное обвинение против иконоборцев: «они напрасно претендуют на имя христиан» (μάτην τοῦ τῶν Χριστιανῶν ὀνόματος μεταποιούμενοι – АА. 748А)¹⁵⁷, поскольку в действительности их выступление против икон лишь маскирует истинную ненависть к первообразу, т. е. к Христу (АА. 749С–752А),

¹⁵⁵ Подробнее об истории обвинения иконоборцев в арианстве см.: *Gwynn D. M. From Iconoclasm to Arianism: The Construction of Christian Tradition in the Iconoclast Controversy // Greek, Roman, and Byzantine Studies* 47 (2007). P. 225–251.

¹⁵⁶ См. Раздел 5.2.

¹⁵⁷ Несомненно, Никифор таким образом отсылает к иконоборческому утверждению о «лжеименности» икон (Mansi. T. 13. Col. 268BC).

«так что их беснование против Его подобий доказывает, что они богоборцы и подняли брань против Христа»¹⁵⁸.

Главы 66–74 посвящены исследованию оснований иконопочитания в традиции. Рассказ о Скинии Завета, признающей святой и иконоборцами (АА. 765А), предваряется доказательством превосходства благодати над ветхозаветным законом, упразднившим язычество (АА. 757–768А): «А если Закон стоит выше идолослужения, то как же Благодать, стоящая гораздо выше Закона, может возвратиться к идолослужению?»¹⁵⁹. Описание Скинии прерывается рассуждением об изобразимости Херувимов (АА. 768С–780С). Известно, что эта проблема очень занимала Никифора и он полностью посвятил ей раннее сочинение «О сотворении Херувимов» («Περὶ τῆς ποιήσεως τῶν Χερουβίμ») ¹⁶⁰, отголоски этого интереса можно увидеть и в «Житии» Никифора, где приводится его диспут с императором Львом V по этому вопросу¹⁶¹.

В главах 74–82 Никифор обращается к логической аргументации: в качестве допущения он принимает посылку о том, что идолопоклонство было устранено только благодаря Константину V, однако тогда закономерно заключить, что Христос не избавил человечество от служения идолам (АА. 793В). В каком случае это могло произойти? «Одно из трех: либо Он не сумел, либо не пожелал, либо не сумел спасти»¹⁶². Затем каждая из альтернатив последовательно рассматривается и объявляется еретической, поскольку «тот, кто слаб хотя бы в одном из этого, не Бог»¹⁶³. Далее разбираются другие следствия из посылки иконоборцев, например, что все люди, жившие до Константина V и считавшие себя христианами, оказываются язычниками (АА. 809АВ).

Первую часть трактата Никифор завершает словами о готовности подвергнуться преследованиям и быть гонимым вместе с Христом (АА. 812С).

¹⁵⁸ ...ὥστε ἡ κατὰ τῶν ὁμοιωμάτων αὐτοῦ μανία, ἀπόδειξιν ἔχει τοῦ θεομάχου αὐτοῦ εἶναι, καὶ κατὰ Χριστοῦ ἐπανηρῆσθαι τὸν πόλεμον – АА. 753С.

¹⁵⁹ Καὶ εἰ ὁ νόμος τῆς εἰδωλολατρίας ὑπερανώκισται, ἡ χάρις ἢ παρὰ πολὺ τοῦ νόμου ὑπερανεστηκυῖα, πῶς εἰς εἰδωλολατρίαν παρενεχθήσεται; – АА. 760В.

¹⁶⁰ Издано в: *Declerck J. Les sept opuscules "Sur la fabrication des images" attribués à Nicéphore de Constantinople // Philomathestatos. Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / Ed. B. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun. Leuven, 2004 (Orientalia Lovaniensia analecta 137). P. 127–144.*

¹⁶¹ Vita Nicephori. Cap. 53. P. 184–185.

¹⁶² ...καὶ τριῶν ἐν· ἢ γὰρ οὐκ εἰδέναι, ἢ οὐ βουλευθῆναι, ἢ οὐ δεδυνῆσθαι σώζειν – АА. 793С.

¹⁶³ ...ἐνὶ γοῦν τούτων ἠττώμενος, οὐ Θεός – АА. 793С.

Связующим звеном между «Большим Апологетиком» и «Антирретиками» служит флорилегий (AA. 813D–829C), включающий 26 святоотеческих цитат и вопреки ожиданиям не связанный напрямую с вопросами иконопочитания. Во вступлении формулируется его основная задача – обосновать выдвинутый в главе 4 тезис о недопустимости изысканий в вопросах веры: «А добрые люди как послушные ученики Евангелия пускай не увлекаются сверх должного излишними изысканиями, поскольку принцип веры должен приниматься простым сердцем. Ибо свойство веры в том, чтобы верующий приступал к предмету веры без излишнего любопытства и принимал его простым умонастроением и свободным порывом, и вовсе не требовал доказательств...»¹⁶⁴. На наш взгляд, основная задача флорилегия заключалась в том, чтобы предварить «Антирретики», посвященные опровержению «Вопрошаний» Константина V, проникнутых пафосом исследования и поиска оснований христианской традиции¹⁶⁵.

В «Антирретиках» Никифор продолжает реализовывать программу, намеченную в главе 10 «Большого Апологетика»: доказать, что церковь свободна от идолослужения (что было сделано ранее), недостаточно, поскольку «врагами истины поднята двойная брань против благочестия»¹⁶⁶ и их второй тезис (о неопиcуемости – τὸ ἀπειρίγραπτον) также требует опровержения (ср.: AA. 560B), ибо он противоречит учению Вселенских соборов (в первую очередь, Ефесского – AA. 212BC). При этом подчеркивается, что современные Никифору иконоборцы почерпнули этот тезис именно у Константина V (Мамоны) (AA. 208C–209B), следовательно для опровержения необходимо рассмотреть его сочинения во всей полноте (AA. 212CD). Обратим внимание, что аргумент о невозможности создания иконы, верно отображающей Христа, в силу Его «неопиcуемости» встречается в постановлениях как Иерийского собора (Mansi. T. 13. Cols. 252AB), так и иконоборческого Собора 815 г.¹⁶⁷, так что вряд ли можно с уверенностью говорить о том, что в 815 г. он действительно был заимствован напрямую из произведений Константина V. Тем не менее, очевидно, что современные Никифору

¹⁶⁴ ...οἱ δὲ χρηστοὶ ὡς εὐπειθεῖς καὶ τοῦ Εὐαγγελίου μαθηταὶ, μὴ πέρα τοῦ δέοντος πρὸς περιεργότερας ἐρεῦνας ἀποφέροιντο, τοῦ καρδία ἀπλῆ παραδεχθῆναι δεδεημένου τῆς πίστεως λόγου· πίστεως γὰρ ἴδιον ἀπεριέργως πρὸς τὸ πιστευόμενον προσιόντα, ἀπλῆ τῆ γνώμη καὶ ὀρμῇ αὐθαιρέτῳ συντίθεσθαι, οὐ μὴν ἀποδείξεις ἐπιζητεῖν – AA. 813B.

¹⁶⁵ См. Главу 4.

¹⁶⁶ ...διττὸς παρὰ τῶν τῆς ἀληθείας ἐχθρῶν ὁ κατὰ τῆς εὐσεβείας συνέστηκεν ἀγών... – AA. 208A.

¹⁶⁷ REv. Cap. 37, 3–9 (= Alexander P. J. The iconoclastic Council of St. Sophia (815) and Its Definition // DOP 7 (1953). P. 59. Frg. 13).

иконоборцы были знакомы как с этими сочинениями, так и прилагавшимся к ним флорилегием, и в какой-то мере пользовались ими при подготовке Собора 815 г.¹⁶⁸

С главы 9 «Первого Антирретика» по главу 4 «Второго Антирретика» Никифор последовательно опровергает сочинения Константина V, при этом иногда сначала приводится достаточно обширная цитата (например, AA. 216BC), а затем она же разбирается по предложению (AA. 217CD, 220CD, 221B). Каждое из утверждений Константина V в результате анализа оказывается неизбежно приводящим к той или иной ереси, в доказательство чего в ряде случаев приводятся цитаты из ересиархов (AA. 300BD). Несколько раз анализ прерывается риторическими главами, состоящими по большей части из оскорблений и полемических выпадов *ad hominem* против Константина V (AA. 276AD), а также отступлениями философского характера, в которых Никифор разъясняет тот или иной аспект православного учения: сложность ипостаси Христа и природные свойства Божества и человечества (AA. 237C–248D); определение иконы и первообраза и отличие иконы от идола (гл. 28–31: AA. 276D–281C) и др.

Приведя последнюю цитату (AA. 340D), Никифор начинает строить предположения относительно того, что могло содержаться в иных, недоступных ему сочинениях Константина, в которых должна была идти речь «о других изображениях» (*περὶ τῶν ἄλλων εἰκόνων*), при этом особенно подчеркивается враждебное отношение Константина к мощам (AA. 344AB). Главы 7–11 посвящены уже затрагивавшейся в «Большом Апологетике» проблеме изобразимости ангелов.

Большая часть «Второго Антирретика» (гл. 11–19) посвящена исследованию вопроса о различии терминов *γραφή* («изображение») и *περιγραφή* («описание-ограничение»), которые Константин V воспринимает как синонимы, а Никифор до этого момента сам употреблял «как придется» (*ὡς ἔτυχε* – AA. 353D). Первая часть рассуждения (гл. 11–17) имеет философский характер, вторая (гл. 17–19) – богословский.

«Третий Антирретик» имеет более сложную структуру. В наиболее общем виде его можно разделить на две неравные по объему части: первая (гл. 3–61) посвящена поиску оснований иконопочитания в традиции, вторая (гл. 62–84) – характеристике современных Никифору иконоборцев, рассказу о правлении Константина V и зарождении иконоборческого учения.

Во вступлении Никифор приводит вопрос, задаваемый его оппонентами: «Откуда вами воспринят обычай создавать иконы и откуда идет традиция поклоняться им?»¹⁶⁹. В

¹⁶⁸ *Apologeticus minor pro sacris imaginibus* // PG 100. Col. 845AB.

ответ Никифор утверждает, что эту проблему необходимо рассматривать в контексте всей христианской традиции (АА. 376CD). Далее последовательно рассматриваются установления, основанные как на Евангелии (гл. 3–6), так и на неписанном предании (гл. 7–14). При этом подчеркивается, что упразднение хотя бы одного из этих установлений неминуемо ведет к упразднению всей традиции (АА. 385А). В ряде случаев рассуждение прерывается отступлениями философского характера (размышление о превосходстве изображения над словесным описанием – АА. 381С–384В). Выводом из этой части становится уже встречавшееся в «Большом Апологетике» утверждение, что иконоборцы не являются христианами (АА. 400АВ), которое будет повторяться и в дальнейшем (АА. 465D–468В; 480D–481В).

Главы 16–32 содержат святоотеческие свидетельства в пользу иконопочитания. Приводятся как рассказы о чудесах, совершившихся благодаря иконам (знаменитый пассаж из Григория Богослова об изображении целомудренного Полемона, использовавшийся также Феодором Студитом и другими иконопочитателями – АА. 401А¹⁷⁰), так и более отвлеченные рассуждения отцов (Василия Великого, Кирилла Александрийского, Климента Александрийского и др.), сопровождаемые пространными комментариями.

В главах 33–36 Никифор продолжает рассматривать элементы христианской традиции и останавливается на вопросе о почитании креста, которое принимают и его оппоненты (АА. 425CD). При этом, с одной стороны, Никифор, как и раньше, признает необходимость почитать как икону, так и крест (АА. 428АВ), а с другой – все же приводит десять аргументов в пользу «превосходства» (ὑπερφύεσ) иконы над крестом (АА. 428С–433В). Затем Никифор обращается к более частным возражениям против иконопочитания (гл. 37–61), особенно подробно останавливаясь на вопросе о неписуемости Христа после Воскресения (гл. 38–40, аргументация во многом повторяет ту, что приводилась в «Первом» и «Втором Антирретике») и об изображениях святых (гл. 49–53).

В главе 62 Никифор заканчивает опровержение богословских возражений и вновь, как и в начале «Большого Апологетика», говорит о необходимости рассказать о своих противниках: «Я полагаю, что сейчас самое время сказать также, кто они и каков их

¹⁶⁹ Πόθεν ὑμῖν ἀνιστορεῖσθαι τὰς εἰκόνας παρείληπται, καὶ ἡ τούτων προσκύνησις παραδέδοται; – АА. 376В.

¹⁷⁰ Подробнее об использовании этой и других цитат из Григория Богослова в иконоборческой полемике см.: *Demoen K.* The Theologian on Icons? Byzantine and Modern Claims and Distortions // BZ 91 (1998). Abt. 1. S. 1–19.

обычай и жизнь, и как в некоем перечне объявить их замыслы и предприятия»¹⁷¹. Таким образом, исторические главы обрамляют трактат, причем на этот раз рассказ о современных Никифору иконоборцах (гл. 62–64, 68–69) перемежается с повествованием о правлении Константина V, которого превозносят новые иконоборцы (гл. 65–67, 70–72). Завершается «Третий Антирретик» рассказом о благочестивых правителях (гл. 73–83) и историей зарождения и проникновения в Византию иконоборчества (гл. 84).

Трактат завершается вторым флорилегием, включающим 80 свидетельств, и на сей раз уже напрямую связанным с вопросами иконопочитания. Во вступлении Никифор намечает план расположения цитат: «Сначала мы приведем священные речи тех, кто знал и учил, дословно говоря, что Господне тело описуемо. Затем мы последовательно присовокупим те, что более подробно провозглашают способ домостроительства. А затем будут добавлены слова о том, что было после божественного Воскресения Господнего тела, подтверждающие священное Евангелие»¹⁷².

На наш взгляд, проведенный анализ убедительно подтверждает предположение о единстве частей трактата, которые вопреки традиционной практике не могут рассматриваться как самостоятельные произведения и должны анализироваться во всей полноте.

¹⁷¹ Ἄξιον δὲ οἶμαι ἐνστάντος καιροῦ καὶ τοῦτο εἰπεῖν, τίνες τε οὗτοί εἰσι, καὶ τῆς ποίας ἀγωγῆς καὶ βιώσεως, καὶ ὡς ἐν καταλόγῳ τινὶ τὰ τούτων ἀνακηρύξαι φρονήματά τε καὶ ἐπιτηδεύματα – AA. 488A.

¹⁷² Καὶ πρότερόν γε τῶν αὐτῆ λέξει περιγραφτὸν τὸ τοῦ Κυρίου σῶμα καὶ εἰδότην καὶ δοξασόντων τὰς φωνὰς τὰς ἱεράς ἐκθησόμεθα. Εἰθ' οὕτως τὰς περιεκτικώτερον τῆς οἰκονομίας τὸν τρόπον κηρυσσοῦσας ἀκολουθῶς ἐπισυνάψομεν. Ἐξῆς δὲ καὶ οἷα μετὰ τὴν θεῖαν ἀνάστασιν περὶ τοῦ Κυριακοῦ σώματος, ὅπαδοὶ τῶν ἱερῶν Εὐαγγελίων ὑπάρχοντες, δοξάζουσιν, συντετάξεται. – AAFlo. 339, 23–31.

Глава 2. Полемическая программа «Apologeticus atque Antirrheticus»

Сложная жанровая природа «Apologeticus atque Antirrheticus» предполагала реализацию определенной полемической программы: Никифору было необходимо, во-первых, представить своего оппонента в наименее выгодном свете, а во-вторых, так инкорпорировать в свое рассуждение цитаты противника, чтобы читатель не мог провести грань между первоначальными посылками и их логическим развитием у Никифора. Из сказанного следует, что гарантировать необходимое при реконструкции разграничение речи автора и цитируемого им источника (что является одной из задач нашей работы) способно исследование, в котором были бы проанализированы как лексический и стилистический аспекты трактата, так и своеобразие выстраивания аргументации. В настоящей главе мы обратимся именно к этим филологическим аспектам.

Ключевым в таком случае становится разграничение полемических задач и приемов опровержения, использованных Никифором. Первые в общем виде могут быть сформулированы уже сейчас: полемика с иконоборцами не была для Никифора исключительно догматическим спором, она являлась важным этапом в политической борьбе, от исхода которой зависела в том числе и его собственная судьба. Устанавливая прямую зависимость между вторым периодом иконоборчества и первым, важнейшей фигурой которого являлся Константин V, умерший более чем за 40 лет до написания трактата, Никифор демонстрировал, с одной стороны, богословскую беспомощность современных ему иконоборческих построений, а с другой – политическую недалекость претворяемых в жизнь иконоборческих мер.

2.1. Создание образа оппонента-иконоборца

Каким образом стоящие перед полемистом задачи могли быть решены на языковом уровне? На протяжении всего сочинения можно выделить повторяющиеся мотивы, которые Никифор вводит в текст при помощи специфических лексических средств и использует для создания нужного ему образа оппонента. В первую очередь, это *мотив максимально обобщенного и лишённого какой-либо конкретики еретичества и злодейства*. В абсолютном большинстве глав трактата Никифор предпочитает не говорить ни об «образе», ни о «почитании иконы». Он переносит дискуссию из плоскости теории образа и поклонения живописным изображениям в плоскость христологии, в которой, по определению, могут быть выдвинуты гораздо более серьезные обвинения, так как прямо об изготовлении икон говорит только 82-е правило Трулльского собора, в то время как

христологические ереси были непосредственным предметом обсуждения всех Вселенских соборов.

В конфликте, как его представляет читателю Никифор, принимают участие не «иконопочитатели» и «иконоборцы» (εἰκονοκλάσται), как того можно было бы ожидать, но «противники» или «враги истины» (οἱ τῆς ἀληθείας ἀντίπαλοι – АА. 324А; τῶν τῆς ἀληθείας ἐχθρῶν – АА. 208А), «новые сыны неверия» (οἱ νῦν τῆς ἀπειθείας υἱοί – АА. 693D), «враги благочестия и обвинители истины» (οἱ τῆς εὐσεβείας ἐχθροὶ καὶ τῆς ἀληθείας κατήγοροι – АА. 592В), «защитники неверия» (οἱ τῆς ἀπιστίας προασπισταί - АА. 376А), которые выступают против «избравших правый образ мысли» (τοῖς ὀρθὰ φρονεῖν ἠρημένοις – АА. 664А).

Кроме того, постоянно повторяется ряд эпитетов, несущих бóльшую смысловую нагрузку, чем просто обобщенные оскорбления: это наименование оппонентов «новыми» или «новоявленными» иудеями (οἱ νέοι Ἰουδαῖοι, οἱ ἀρτιφανεῖς Ἰουδαῖοι) или такие слова, как «христианообвинители» (Χριστιανοκατήγοροι) и «христорборцы» (Χριστομάχοι). Завершая «Третий Антирретик», Никифор особенно подчеркивает, что, в его понимании, «христианообвинители» и «иконоборцы» – это одно и то же, причем первое имя подходит им едва ли не лучше: «Ересь сто вторая: христианообвинители или же иконорухители. Они названы христианообвинителями, поскольку обвинили христиан, служащих Богу живому и истинному в Троице поклоняемому, в том, что те, подобно язычникам, служат честным иконам Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Владычицы нашей и Пресвятой Богоматери и святых как богам...»¹⁷³.

Несомненно, подобный прием (придание частному спору глобального характера), позволяющий представить конфликт не как внутренний, а как внешний, т. е. происходящий не между мыслящими по-разному христианами, а между христианами и нехристианами¹⁷⁴, не был полемической инновацией Никифора. В данном случае он

¹⁷³ Αἴρεσις ρβ'. Χριστιανοκατήγοροι ἢ εἰκονοκλασταί. Χριστιανοκατήγοροι ἐκλήθησαν, ἐπεὶπερ τῶν Χριστιανῶν λατρευόντων ἐνὶ Θεῷ ζῶντι καὶ ἀληθινῷ ἐν Τριάδι προσκυνουμένῳ, κατηγόρησαν φάσκοντες, ὅτι ταῖς σεπταῖς εἰκόσι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τῆς τε ἀχράντου Δεσποίνης ἡμῶν καὶ Παναγίας Θεομήτορος, καὶ τῶν ἁγίων ὡς θεοὶς καθάπερ Ἕλληνες λελατρεύεασι... – АА. 528С.

¹⁷⁴ Ср. анализ эпитетов, которыми наделяются императоры-иконоборцы в «Житии» Стефана Нового, которые делают их последовательно «чуждыми ойкумене (сирийцы, иудеи, манихеи, язычники), чуждыми по отношению к Богу (безбожники, бесноватые, диавольские отродья, колдуны) и чуждыми человеческой

следовал традиции, заложенной его предшественником и наставником Тарасием, поскольку само слово «христианообвинители» приобрело терминологическое значение и стало обозначать именно иконоборцев уже на Седьмом вселенском соборе. В этом же значении мы встречаем его в агиографических памятниках – «Житии» Стефана Нового и Никиты Мидикийского¹⁷⁵.

Достаточно интересным представляется и наименование «имяборцы» (ὀνοματομάχοι), где под «именем» подразумевается само слово «образ» (εἰκόν). Иногда это название может быть заменено на описательное выражение «отвергнувшие даже имя» (οἱ καὶ τοῦνομα ἠρνημένοι)¹⁷⁶. Такое определение гораздо шире простого «иконаборец», так как предполагает обвинение в том, что оппоненты Никифора отрицают саму природу подобия и, соответственно, творение человека по образу (κατ' εἰκόνα) Господа (АА. 484А). При анализе этого определения следует учитывать и явную отсылку к идее Константина V и Иерийского собора о «лжеименности» икон святых (АА. 405А; 481С; Mansi. T. 13. Col. 268BC)¹⁷⁷.

Никифор постоянно напоминает читателю о том, что его оппоненты, по сути, являются противниками не только икон, но и всей христианской веры. Переход к разбору следующего вопроса полемист также нередко сопровождает кратким напоминанием о том, что его оппоненты противостоят всем христианам, например: «Так как ты оказался злейшим врагом Христа и святых...» (Οπηνίκα οὖν ὤφθης Χριστοῦ καὶ τῶν ἁγίων ὁ ἔχθιστος – АА. 480С). Безбожие оппонента и его подразумеваемая ненависть ко всему святому не подвергаются сомнению, наоборот, они оказываются исходной точкой, и с их помощью оправдываются все новые и новые упреки. Никифор пишет: «Как мы видим, в большинстве своем они не причастны какому-либо знанию или образованию... Нечестивцы, как написано, сочтут ничем знание и мудрость»¹⁷⁸. Таким образом, логическая связь нарушается: говоря о том, что иконоборцы презирают всяческое учение,

природе, утратившими подобие Богу (дикие звери, дракон, лев и лошадь)» – *Auzépy*. *L'Hagiographie et l'Iconoclasme*. P. 80.

¹⁷⁵ *Rouan M.-F.* Une lecture "iconoclaste" de la Vie d'Étienne le Jeune // *Travaux et memoirs*. 1981. № 8. P. 436, n. 94.

¹⁷⁶ Ср.: «Они говорят это... чтобы устранить даже само слово "икона"» (Εκεῖνα δὲ λέγουσιν... ἵνα καὶ αὐτὸ τῆς εἰκόνοσ ὀνομα ἐκ μέσου ποιήσωσιν – АА. 405А)

¹⁷⁷ Об истории этого обвинения см.: *Alexander P. J.* The iconoclastic Council of St. Sophia (815) and Its Definition // *DOP* 7 (1953). P. 41–52.

¹⁷⁸ Ὡς ὀρωμεν γὰρ οἱ πλείους αὐτῶν γνώσεωσ ἢ παιδεύσεωσ τῆσ ὀλωσοῦν ἠκιστα μεταποιοῦμενοι... Παιδείαν γὰρ καὶ σοφίαν ἀσεβεῖσ ἐξουθενήσουσι, γέγραπται (АА. 488АВ). Ср. Притч 1:7; 1:29.

автор не опирается на какие-либо известные ему факты действительности, а аргументирует свое мнение тем, что они по определению нечестивцы, которые всегда отвергают образованность.

Надо отметить, что обвинение в ненависти ко всякому образованию представляет собой общее место во всей антииконоборческой полемике. Иконопочитательская пропаганда стремилась представить оппонентов людьми, положившими конец не прерывавшейся со времен Константина Великого традиции образования. Гонения первых лет иконоборчества превращались в устах хронистов-иконопочитателей в преследования аристократии, получившей качественное образование. По словам Феофана Исповедника, при Льве III «многие были наказаны за благочестие усечением членов, плетью, ссылками и штрафами, в особенности же те, кто отличался благородным происхождением и ученостью»¹⁷⁹. В рамках этой пропагандистской тактики зародился и так называемый иконопочитательский миф об уничтожении первым императором-иконоборцем Львом III высшего учебного заведения в Константинополе¹⁸⁰. Отметим также, что в таком виде подобное обвинение появляется у Никифора впервые: еще при создании «Бревиария» Никифор, сознательно отводя удар от родоначальников Исаврийской династии, поместил рассказ об упадке образованности перед сообщением о восхождении на престол Льва III, главную вину возложив на мятежные войска (*Breviarium*. Cap. 52. P. 120, 1–4).

Интересующий нас прием обобщения нашел свое отражение и в названиях работ Никифора (см. выше). Ни в заглавии «Большого Апологетика», ни в названии «Антирретиков» нет ни слова об иконах (хотя слова об идолослужении в заглавии «Большого Апологетика» непосредственно отсылают внимательного читателя к первому периоду иконоборчества). Обратим внимание, что другое произведение Никифора – так называемый «Малый Апологетик», созданный немного раньше и с иными целями, озаглавлен совсем по-другому: в нем говорится о «новом расколе против честных икон» (*περὶ τοῦ κατὰ τῶν σεπτῶν εἰκόνων νέου σχίσματος*), что полностью соответствует его теме и предполагает достаточно узкий круг вопросов, которых будет касаться автор.

При внимательном прочтении списка прегрешений иконоборцев, который предлагает читателю на всем протяжении своего произведения Никифор, становится очевидно, что в нем нет ничего такого, что помогло бы отличить иконоборцев от любых

¹⁷⁹ ...πολλοὺς αὐτῶν ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας τιμωρηθῆναι μελῶν ἐκκοπαῖς καὶ μάστιγι καὶ ἐξορίαῖς καὶ ζημίαις, μάλιστα δὲ τοὺς εὐγενεῖα καὶ λόγῳ διαφανεῖς – Theophanes. I. P. 405, 8–11.

¹⁸⁰ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971 (Bibliothèque byzantine 6). P. 89–94.

других еретиков, язычников или иудеев. Всем им приписывается ряд раз и навсегда закрепленных за ними качеств (они поработены мирскими страстями, не умеют и не желают отличить дурного от хорошего, любят бессмысленные споры, отвергают Святое Писание и т.п.), и читатель в этом отношении не ждет ничего нового. В данном случае не требуется никакой оригинальности или специфичности обвинений, любой противник писателя-полемиста по необходимости, вне зависимости от своих персональных взглядов, оказывается сторонником всех без исключения ересей и одновременно мыслит и по-иудейски, и по-эллински.

Несомненно, важным оказывается и собственно вопрос о ересь. Никифор постоянно указывает на то, что доктрина иконоборцев сводится к уже известным ересь и не несет ничего нового. Он обвиняет оппонентов в арианстве и манихействе (AA. 560C), что является достаточно сильным обвинением, поскольку арианство было перечислено и в списке ересей в постановлении Иерийского собора, который претендовал на то, что он следует православию первых шести Вселенских соборов и устраняет иконопочитание как противоречащее изначальной церковной традиции (Mansi. T. 13. Col. 233BD). Здесь необходимо отметить, что представление о том, что всякая новая ересь представляет собой лишь «новое издание» предыдущих, уже осужденных заблуждений, типично для всей византийской богословско-полемической литературы. Таким образом, опровержение положений оппонента строится на логическом доказательстве их генетического или типологического родства с учениями, которые по общему признанию (как полемиста, так и оппонента и аудитории, к которой он апеллирует) являются еретическими¹⁸¹. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что обвинение в арианстве с равным успехом возникает и в сочинениях иконопочитателей, и в сочинениях иконоборцев.

Все построения, в которых Никифор «сводит» положения оппонентов к той или иной ереси, строго логичны и показывают глубокое знание богословских положений этих ересей. Возможно, в такой манере опровержения следует видеть нечто большее, чем просто риторический прием. На наш взгляд, было бы верно говорить об убежденности Никифора в том, что на самом деле существует одна-единственная ересь, которая воспроизводит себя в разные времена в разных формах. В самом начале «Большого Апологетика», перечисляя заслуги защитников православной веры во все времена, он говорит в целом о еретиках, осужденных «как глаголавших и замышлявших нечестивое против небес» (аллюзия на Пс. 72:8) (ὡς ἀδικίαν κατὰ τοῦ ὕψους λαλοῦντων καὶ

¹⁸¹ Lemerle P. L'histoire des pauliciens d'Asie Mineure d'après les sources grecques // Travaux et Mémoires. 1973. Vol. 5. P. 124.

μελετῶντων – ΑΑ. 540В). Именно в этом и заключается единственно возможная для Никифора ересь, в которой «ариане смешиваются с манихеями» (Ἀρειανοὶ Μανιχαῖοις συμφύρονται), и от союза «манихейской ехидны и арианского аспида» (ἐκ τῆς Μανιχαϊκῆς ἐχίδνης καὶ τῆς Ἀρειανικῆς ἀσπίδος) и берет начало новая ересь иконоборчества – «иное двуглавое пресмыкающееся» (ἕτερός τις... ἐρπυστῆς ἀμφικέφαλος – ΑΑ. 209СD). Всякий еретик «вступает в войну с домостроительством Единородного» (αἴρεται αὐτῶ κατὰ τῆς τοῦ Μονογενοῦς οἰκονομίας ὁ πόλεμος – ΑΑ. 217В), и поэтому всякий еретик может быть назван «христорборцем». Ср. сходное авторское замечание в «Житии» Никиты Мидикийского о том, что Дьявол «придумывает иную ересь, первую и последнюю, соединяющую все, что были до нее, так что она только что не опровергает домостроительство Спасителя нашего Христа»¹⁸².

Каким же образом могут быть охарактеризованы эти еретики? При создании портрета оппонента Никифор пользуется, в первую очередь, *мотивом добровольной слепоты и глухоты*, который восходит к Посланию к Римлянам (11:8), где говорится: «Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат даже до сего дня» (Никифор цитирует это место в главе 43 «Большого Апологетика» – ΑΑ. 673ВC). Наиболее простым способом ввода этого мотива становится простое восклицание: «О слепота! О ожесточение!» (ὦ τῆς τυφλώσεως! ὦ τῆς πωρώσεως! – ΑΑ. 565В). В других случаях метафора оказывается более развернутой: «Им тяжело взирать на свет истины, как тем, чьи глаза не способны воспринимать блики отсветов, и чьи уши больны, так что они тяготятся звуками и голосами»¹⁸³. То, что речь идет именно о добровольном отказе от понимания истины, постоянно подчеркивается: «Они отказались (дословно: не избрали) очистить душевные очи от гноя» (τὴν λήμην τῶν τῆς ψυχῆς ὀμμάτων ἀποκαθήρασθαι οὐ προείλοντο – ΑΑ. 565Α). Вместо выражения «душевные очи» иногда употребляются другие – «мысленное зрение» (τὸ ὀπτικὸν τῆς διανοίας – ΑΑ. 273С), «душевное зрение» (τὸ τῆς ψυχῆς ὀπτικόν – ΑΑ. 637D), «сердечные уши и глаза» (τὰ ὦτα καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς καρδίας – ΑΑ. 724С).

¹⁸² Перевод цитируется по: Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. Исповедника Никиты / Пер. Д. Е. Афиногенова. М., 2001. С. 117.

¹⁸³ ...αὐτοὶ δὲ πρὸς τὸ φῶς τῆς ἀληθείας ἀναβλέψαι χαλεπαίνουσι, καθάπερ οἱ τὰς ὄψεις λελωβημένοι πρὸς τὰ λαμπρὰ τῶν ἀπαυγασμάτων, καὶ οἱ τὴν ἀκοὴν κεκακωμένοι πρὸς τοὺς ἤχους καὶ τοὺς ψόφους ἀεὶ δυσχεραίνουσι – ΑΑ. 804С. Ср. сходный пассаж в «Обличении и опровержении» – REv. Cap. 24, 11–14.

Мотив слепоты нередко смыкается с мотивом потери ориентации в темноте и падения. Никифор говорит о том, что его оппоненты «подобны... бредущим в глубокой тьме по неровной и крутой дороге, усыпанной множеством колючек и шипов, и подвергаются невыносимым страданиям и бесчисленным опасностям, проистекающим от падений, вызванных слепотой»¹⁸⁴. Сравним метафорику Никифора при описании язычников. Им используются те же самые выражения, что и при характеристике иконоборцев: «...блуждающие, чьи ноги не умели ступать прямо, спотыкались на неровностях и изгибах нечестия и, пронзаемые шипами греха, приходили на своих путях к сокрушению и бедствию»¹⁸⁵. Тем не менее даже на стилистическом уровне чувствуется разница: язычники не обладали самой способностью идти прямой дорогой. То есть в их случае речь не идет о свободном выборе, следствием которого становится отказ от истинного пути и слепота, иконоборцы же действовали сознательно.

Тем не менее, мотив слепоты не может не содержать в себе имплицитно и идею излечения от недуга, прозрения. Это тем более актуально в контексте христианской словесности. Никифор, отдавая себе в этом отчет, умело пользовался возникавшими ассоциациями. Достаточно часто в произведении он цитирует фрагменты из Св. Писания, посвященные исцелению слепоты или глухоты (например, Ис. 35:5 – «Тогда откроются глаза слепых и уши глухих отверзнутся» – АА. 669С). В то же время, в случаях, когда он прямо говорит о возможности для иконоборцев раскаяться и вернуться в лоно Церкви, он достаточно строг. Этому вопросу целиком посвящена глава 29 «Большого Апологетика»: Никифор говорит, что если человек по доброй воле или по принуждению (ἐκὼν ἢ βίασθεὶς) перейдет в другую веру, то божественные церковные установления предписывают, даже в случае осознания своего греха и раскаяния, не допускать его в церковь и не причащать в течение определенного срока и только после этого сопричислить его к сонму верующих (АА. 609СD).

С другой стороны, ряд фрагментов, где говорится о слепоте оппонентов, позволяет предположить наличие некоей градации, степеней слепоты и нечестия, в зависимости от которых и должно налагаться наказание. Ранее мы говорили о добровольной слепоте,

¹⁸⁴ ...εὐοίκασι... τοῖς ἐν σκότῳ βαθεῖ τραχεῖάν τινα καὶ προσάντη καὶ πολλαῖς ἀκάνθαις καὶ σκόλοψι κατεστορεσμένην ἰουδαίῳ ὁδῶν, οἷς συμβαίνει ἀπειροῖς τοῖς ἐκ τῶν διαπταισμάτων τῆς ἀβλεψίας κινδύνοις, καὶ ἀνηκέστοις ὀδύναις περιπεῖρεσθαι – АА. 785А.

¹⁸⁵ ...οἱ πλανώμενοι, ὧν οἱ πόδες ὀρθὰ βαδίζειν οὐκ εἰδότες, ταῖς τραχύτησι καὶ σκολιότησι τῆς δυσσεβείας περιπταίοντες, καὶ τοῖς σκόλοψι τῆς ἀμαρτίας περιπειρόμενοι, συντριμάτι καὶ ταλαιπωρίᾳ ἐν ταῖς ὁδοῖς αὐτῶν περιέπιπτον – АА. 625D–728А.

однако достаточно часто при описании противника Никифор говорит одновременно о *вольных* (οἱ μὲν αὐθαίρετοι... τὸ ὀπτικὸν ἀπομύσαντες) и *невольных* (οἱ δὲ ἀκούσιον τὴν πῆρωσιν ὑπομείναντες – АА. 600В) *слепцах*, явно проводя между ними различие. Одни лишились света «вследствие неверия, другие – вследствие незнания» (οἱ μὲν τῇ ἀπιστίᾳ, οἱ δὲ τῇ ἀμαθίᾳ – АА. 813А). В отношении второй группы акцент немного смещается – они хотят увидеть и не могут, но им и не была дана возможность выбирать, поэтому их прегрешение менее страшно. Говоря о них, Никифор вспоминает другие цитаты из Писания, например, Ис. 6:9: «Слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите» (АА. 673С).

Мотив слепоты тесным образом связан с *мотивом неизбежного обличения еретиков истиной и самой действительностью*. По мнению Никифора, построения его оппонентов настолько беспомощны, что серьезный анализ и соответственно серьезное опровержение их только усилит. Необходимо дождаться, пока истина сама выступит против еретиков и выявит внутренние противоречия в их логике. Кроме того, мотив неизбежного наказания играл важную роль и на актуально-политическом уровне произведения, показывая невозможность и бесперспективность иконоборческой политики в силу того, что она покоится на ложных и противоречивых основаниях.

Чаще всего этот мотив появляется в прямых указаниях на неизбежность физического возмездия: так, в главе 9 «Большого Апологетика» говорится, что Дух терпит дерзости иконоборцев, или чтобы дать им возможность раскаяться, или чтобы они, погрязнув еще больше в грехе, понесли достойное наказание (АА. 553D). Таким образом, нынешнее положение дел (преуспеяние иконоборцев) объясняется отнюдь не заслугами их учителей, а тем, что оно является неизбежным этапом на пути к естественному уничтожению и гибели.

Иногда говорится о правде или действительности, которая сама свяжет противников православной веры. Еретики раскаиваются, смиренные «самим истинным положением дел» (ὑπ'αὐτῆς τῶν πραγμάτων ἀληθείας – АА. 661С) или «стреноженные самой истиной» (ὑπ'αὐτῆς τῆς ἀληθείας στρεβλούμενοι – АА. 208В). Никифор прямо говорит о том, что иконоборцы «сами стали своими обвинителями... и не будут нуждаться в каких-либо внешних обвинителях или обличениях»¹⁸⁶. Сама природа вещей (τῶν πραγμάτων ἢ φύσις) выступает против иконоборцев потому, что она

¹⁸⁶ ...καὶ κατήγοροι αὐτῶν αὐτοὶ... οὐδὲ γὰρ τῶν ἕξωθεν κατηγορῶν οὐδέ τινων ἐλέγχων δεήσονται – АА. 593С.

оказалась ими подменена (παράκεχάραται – досл. «перечеканена» как монета – АА. 229С).

Несмотря на постоянные оговорки о бесполезности разумного спора с глупцом, на самом деле Никифор никогда не отказывается от опровержения, он просто хочет представить себя невольным участником спора, вынужденным отвечать на заведомо бессмысленные и слабые аргументы. После подобного замечания (например, цитаты из Притч. 26:4: «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему» – АА. 253А), Никифор всегда находит способ вернуться к анализу аргументов по существу. Он мотивирует продолжение тягостного для него самого опровержения тем, что в противном случае православная сторона будет сочтена слабой и неспособной к сопротивлению: «Но чтобы мнимые мудрецы и защитники отступничества не посчитали себя недоступными для опровержений благочестивых... мы, хотя постыдно и дурно противостоять таким слабым и нестойким аргументам... с силой нападём на изобретенные ими коварные ухищрения против истины»¹⁸⁷.

Очевидно, что риторический прием мнимого отказа от спора в трактате не может быть напрямую соотнесен с отказом православной оппозиции в более ранний период (прямо перед возобновлением иконоборческой политики) от участия в спорах с иконоборцами, организованных во дворце самим императором, которому было выгодно представить конфликт иконопочитателей с иконоборцами как внутрицерковное противоречие¹⁸⁸. Если тогда (в 814 г.) этот отказ имел важное значение с точки зрения общей стратегии борьбы, то теперь оговорки Никифора оказываются не более чем одним из множества приемов в рамках спора, который был начат самим Никифором.

Мотив неотвратимости наказания или, вернее, самоуничтожения аргументов после соприкосновения с действительностью соотносится с *мотивом внутренней противоречивости* сочинений иконоборцев. Никифор стремится доказать, что авторы еретических сочинений, во-первых, не в состоянии создать непротиворечивую теорию, а во-вторых, не способны при помощи логики вывести следствия из своих же собственных посылок.

¹⁸⁷ Ἀλλ'ἵνα μὴ δοκοῖεν οἱ δοκησίσοφοι καὶ τῆς ἀποστασίας ὑπασπισταὶ, ἐρήμην τῶν εὐσεβούντων καταθεῖν ὡσπερ τοῦ λόγου... εἰ καὶ αἰσχροὺν καὶ ἀκαλῆς τοῖς οὕτω σαθοῖς καὶ εὐχειρώτοις τιφέρεσθαι, ὅμως... τὰς κατὰ τῆς ἀληθείας αὐτοῖς ἐξευρημένας μηχανὰς καὶ δόλους... μάλα εὐσθενῶς ἐκπολιορκήσωμεν – АА. 253В.

¹⁸⁸ Афиногенов Д. Е. Тактика православного сопротивления в начале второго периода иконоборчества // Традиции и наследие Христианского Востока. М., 1996. С. 72–79.

Оппоненты Никифора «морочат сами себя, заблуждаясь» (ἐαυτοὺς πλανῶντες παραλογίζεσθε – АА. 373В), «противореча не только истине, но и самим себе» (τὸ ἀσύμβατον πρὸς τε ἐαυτοὺς καὶ τὴν ἀλήθειαν ἔχοντες – АА. 573А). Никифор, в свою очередь, демонстративно дистанцируется от спора, говоря: «Он проявил себя как враг самому себе и истине, не разумея ни того, что говорит, ни того, в чем уверяет»¹⁸⁹. Его противник оказывается связан своими же послылками, поэтому нередко в тексте появляется мотив сетей: «Он не избежал двойной пропасти, стянутый сетями своих слов»¹⁹⁰. Переходя к анализу нового аргумента, Никифор нередко предваряет свой разбор подобными словами: «И в этом они будут пойманы в свои же сети» (ἀλώσονται δὲ κανταῦθα τοῖς ἐαυτῶν δικτύοις – АА. 237А).

Надо отметить, что этот мотив не был изобретением Никифора: его основу, несомненно, следует искать в Св. Писании (напр., Притч. 6:2: «Ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих»¹⁹¹). Кроме того, он возникает и в «Деяниях» Седьмого вселенского собора (Mansi. T. 13. Col. 208В, 264D), но только у Никифора ему была отведена такая важная роль в общей системе приемов опровержения.

Таким образом, выстраивается совершенно особая схема опровержения аргументов противника: они не столько разбираются по существу (т. е. в отношении к церковной традиции, Писанию или святоотеческому наследию), сколько подвергаются строго логическому анализу на предмет выявления внутренних противоречий, причем, по мнению Никифора, этого достаточно, чтобы их отвергнуть. Ошибка в логике для него один из самых страшных промахов, он прямо говорит о том, что самообман – верный признак глупца (АА. 208С). Эти ошибки и противоречия должен был бы почувствовать сам его оппонент: «Он должен был бы, постыдившись хоть своих собственных слов, осознать нелепость своих построений»¹⁹²; теперь же, даже против своего желания (используются различные конструкции: καὶ μὴ βουλόμενος – АА. 305D; 297В; καὶ εἰ

¹⁸⁹ ...ἐναντίος οὖν ἐαυτῷ καὶ τῇ ἀληθείᾳ καθέστηκε, μήτε ἃ λέγει, μήτε περὶ τίνων διαβεβαιοῦται νοῶν – АА. 233А.

¹⁹⁰ Καὶ γὰρ τὸ ἀμφίκρινον οὐκ ἐξέκλινε, ταῖς τῶν οἰκείων λόγων συνδούμενος ἄρκυσιν – АА. 297В.

¹⁹¹ Синодальный перевод не дает точного представления о цитате в том виде, как ее знали в Византии, где пользовались Септуагинтой (греч.: Παγίς γὰρ ἰσχυρὰ ἀνδρὶ τὰ ἴδια χεῖλη, καὶ ἀλίσκεται ῥήμασιν ἰδίου στόματος). Церковнославянский перевод, оригиналом которого была Септуагинта, звучит следующим образом: «Сеть бо крепка мужу свои устне, и пленяется устнами своих уст».

¹⁹² Ἐδει αὐτὸν κἂν γοῦν τοὺς οἰκείους δυσωπηθέντα λόγους, συναισθῆσθαι τῆς ἀτοπίας τῶν παρ' αὐτοῦ παραγομένων – АА. 309А.

μὴ βούλοιντο – ΑΑ. 593С; κἄν μὴ βούλωνται – ΑΑ. 684Α), он вынужден смотреть, как Никифор, да и любой другой, способный «обратить свой ум и разобраться поточнее» (τὸν νοῦν προσέξει, καὶ ἀκριβέστερον ἐπιστήσειε – ΑΑ. 217С), находит в его словах бесчисленные противоречия и несуразности.

2.2. Речь автора и речь оппонента: риторическое оформление перехода

Однако в действительности при создании «Apologeticus atque Antirrheticus» Никифор ставил перед собой более сложные задачи: простой констатации противоречий было недостаточно, необходимо было развить посылки оппонентов и наглядно показать читателю, к чему они ведут. Для этого требовалось обосновать переход от слов противника к своим собственным и оформить его таким образом, чтобы это было естественно воспринято читателем. В этом переходе помогал все тот же прием: Никифор, теперь уже используя собственно логическую терминологию, показывал, что его оппоненты не могут совершить необходимые операции и сделать правильные выводы из своих же посылок. Следовательно, тот, кто займется опровержением, должен всего лишь объяснить и наглядно представить то, что и так содержится в речах еретиков, не привнося при этом ничего своего.

Каким образом оформляется такой переход? Например, Никифор говорит: «Также и в этом ясно видна слабость и нескладность его слов, так как он выводит следствия, противные собственным посылкам»¹⁹³. В интересующих нас контекстах всегда используются такие слова, как θέσις, ὑπόθεσις, συμπεραίνω, κατασκευάζεται, приобретающие в философском дискурсе терминологическое значение: «Они совершенно ошибаются в отношении истинности православных церковных догматов и не видят, в какую пропасть их уводят несуразности, вытекающие из их посылок»¹⁹⁴.

Необходимость перехода к собственному комментарию обосновывалась и с помощью иного приема – назовем его *приемом приписывания ложной мотивировки*. Современному читателю представляется очевидным, что иконоборец или какой-либо другой еретик создает свои богословские сочинения с тем, чтобы доказать свою правоту и

¹⁹³ Δείκνυται δὲ καὶ ἐνταῦθα τὸ ἐν τοῖς λόγοις αὐτοῦ σαθρὸν καὶ ἀνάρμοστον, καὶ ὡς ἐναντία ταῖς οἰκείαις συμπεραίνει θέσεσιν – ΑΑ. 232В.

¹⁹⁴ Πρὸς γὰρ τὴν ἀληθότητα τῶν ὀρθῶν τῆς Ἐκκλησίας δογμάτων τέλεον ἀποσφάλλονται οὔτε τὰς ἐκ τῶν ὑποθέσεων αὐτῶν ἀναφαινομένας ἀτοπίας προειδόμενοι, εἰς οἷον αὐτοὺς ἀπάγουσι κρημνόν – ΑΑ. 249.

способствовать торжеству истинного и единственно приемлемого (с его точки зрения) богословия. Так как период создания догматических сочинений исторически предшествует моменту окончательного разрешения спора, то в этот период представители обоих противоборствующих течений не могут быть названы ни еретиками, ни православными. Каждый, по крайней мере, для себя самого, защищает православие и каждый, в глазах противника, соответственно, оказывается еретиком.

Никифор, прекрасно осознававший это противоречие, стремился представить своих оппонентов как людей, изначально настроенных враждебно по отношению к христианской вере, которые «не стремятся к обретению истины» (οὐ γὰρ δὴ τὴν τῆς ἀληθείας διασκοποῦσιν εὐρεῖσιν – АА. 208С), но пытаются запутать слушателей, говоря от Антихриста (АА. 625А; 634А; 641В). Необходимо было показать, что аргументы иконоборцев неверны не потому, что они что-то неправильно поняли или неверно трактовали Евангелие, а потому, что сами авторы этих аргументов не верят в них и прекрасно знают, что правда на стороне иконопочитателей, и противятся им из природной склонности к злу.

Чаще всего ложная мотивировка вводится при помощи придаточного предложения цели с союзом «чтобы» (ἵνα). Глаголы в придаточном стоят в форме конъюнктива. Приведем наиболее характерные примеры: Никифор утверждает, будто его противники считают, что Христос не сумел спасти человечество от идолов, т. е. сомневаются в Его всесилии, и говорят это, «чтобы уничтожить подобающее Ему как Богу достоинство, представить Его побежденным, лишенным всех божественных превосходств, сделать Его его лишь человеком, как и мы, и ограничить присущую Ему власть над всеми»¹⁹⁵. По словам Никифора, иконоборцы противятся мыслям о царствовании Христа на земле, «чтобы и в этом казаться мыслящими сходно со своими учителями, последователями Мани»¹⁹⁶.

В главе 41 «Третьего Антирретика» перед ответом на вопрос, как осмеливаются иконопочитатели творить изображение Бога, Никифор помещает пространное вступление. Сначала он говорит: «Похоже, спрашивая об этом, вы выставляете свой вопрос как прикрытие неверия и нечестия» (εὐοίκατε ταῦτα πυνθανόμενοι, προκάλυμμα τῆς

¹⁹⁵ ...ἵνα τὸ προσὸν ὡς Θεῷ ἀξίωμα περιερόμενοι, ἠττημένον αὐτὸν παραδείξωσι, καὶ τῶν θείων πλεονεκτημάτων ἀπογυμνώσουσι, καὶ ψιλὸν αὐτὸν ἄνθρωπον καὶ τον καθ' ἡμᾶς ὄντα καταστήσονται – АА. 704D.

¹⁹⁶ ...ἵνα κὰν τούτῳ τοῖς διδασκάλοις αὐτῶν, τοῖς ἀπὸ τοῦ Μάνεντος, ὁμογνώμονες φαίνοντο – АА. 396А.

ἐαυτῶν ἀπιστίας καὶ δυσσεβείας προῖσχεσθαι), т. е. автор признается в том, что это всего лишь его предположение. Однако потом он с полной уверенностью утверждает, что они делают это, «чтобы возвести хулу на божественное домостроительство Спасителя» (ἵνα τὴν θείαν τοῦ Σωτῆρος οἰκονομίαν συκοφαντήσητε – АА. 457В).

Никифор утверждает, что аргументы оппонента не следует понимать буквально. То есть, какие бы слова тот ни использовал, он сам не понимает и не стремится понять, что стоит за этими словами, а оценивает их только с точки зрения полезности для борьбы с православием: «Но он говорил вовсе не об этом. Неописуемость выдумана им как инструмент, сподручный для реализации его нечестивой воли, которым он воспользовался, найдя его полезным для уничтожения домостроительства нашего Спасителя»¹⁹⁷.

Мотив коварства и злонамеренного обмана помогает Никифору представить оппонентов в невыгодном свете даже в том случае, если они высказывают какое-либо положение, согласное с православными догматами. Достаточно часто мы видим противопоставление того, что хотят сказать противники Никифора, и того, что на самом деле (в интерпретации полемиста, разумеется) скрывается за их словами. Чаще всего такое противопоставление вводится при помощи слов «на самом деле» (τῷ ὄντι): «Потому как на священных иконах Христа запечатлен и образ животворного креста, они уничтожают вместе <с иконами> и его, лукавствуя и в этом и притворяясь, что они почитают его таинства. На самом же деле, их безумство обрушивается и на то, и на другое в равной степени»¹⁹⁸. Оппонент Никифора, как оказывается, действует не как христианин, а «под прикрытием христианства» (ἐν προσχήματι... Χριστιανισμοῦ – АА. 213С) и, наоборот, «все христианское... с враждебностью уничтожил» (τὸ Χριστιανίζον ἅπαν... δυσμενῶς ἐξέπόρθησε). Обратим внимание, что подобное обвинение дословно воспроизвели и сами иконоборцы, утверждая, что иконопочитание было привнесено Дьяволом «под прикрытием христианства» (Mansi. T. 13. Col. 221CD).

¹⁹⁷ Τῷ δὲ οὐ περὶ τούτων προηγουμένως ὁ λόγος, ἀλλ' ἐπινενόηται αὐτῷ τὸ ἀπερίγραφτον, οἷον ὄργανόν τι ἐπιτήδειον ὑπερετοῦν τῷ δυσσεβεῖ θελήματι· ᾧ προσχορησάμενος, χρησιμεῦον πρὸς καθαίρεσιν τῆς τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν εὗρεν οἰκονομίας – АА. 285AB.

¹⁹⁸ Ἐπειδὴ γὰρ ταῖς ἱεραῖς τοῦ Χριστοῦ εἰκόσι καὶ ὁ τύπος τοῦ ζωοποιοῦ σταυροῦ συνδιαγράφεται, συγκαθαίρουσι καὶ αὐτὸν ἤδη οἱ περὶ τοῦτο κατασχηματιζόμενοι, καὶ πρεσβεύειν τὰ τοῦ σταυροῦ προσποιοῦμενοι, τῷ ὄντι γὰρ ἐπίσης τὰ τῆς μανίας αὐτῶν κατ' ἀμφοτέρων ἐξῆπται – АА. 748А.

Таким образом, противнику может быть приписан любой мотив, например, сознательное желание ввести читателя в заблуждение и запутать, высказываясь то по-еретически, то согласно с православным учением: «Когда он грубо по своему злостному обычаю обрушивается на истину, он не дерзает обнажить сразу свое нечестие, но, благопристойно излагая здравые суждения, замышляет уловить разум многих, казалось бы, православным и безупречным прославлением, с тем, чтобы потом, уже извергнув порождения своей хитрости, показаться убедительным и с легкостью увлечь убежденных своими измышлениями»¹⁹⁹.

Нередко Никифор, как будто бы мимоходом, замечает, что его противник «пока» (τέως) не говорит ничего еретического. Уже само это замечание предполагает, что когда-либо потом настоящее мнение оппонента (несомненно, еретическое) будет высказано, а теперешнее умолчание лишь дело тактики. Так, рассматривая вопрос об ипостаси Христа (AA. 297CD), Никифор замечает, что Константин V «пока не называет ее простой» (ἀπλῆν μὲν τέως οὐ λέγει εἶναι), однако вовсе не потому, что согласен с этим положением, а потому, что сейчас побоялся сказать это, «чтобы не показаться потрясающим наши таинства» (ὡς ἂν ἐκφανεῖη... κατασειῶν τὰ καθ' ἡμᾶς μυστήρια), т. е. чтобы не открылось его истинное лицо²⁰⁰.

Весьма примечательно, что идея, будто такая тактика (сначала высказать некое здоровое суждение, а только затем, усыпив бдительность читателя, приступить к изложению своего истинного мнения) характерна именно для иконоборцев, закрепилась и в позднейших источниках. Так патриарх Фотий, сравнивая ереси иконоборчества и арианства, особенно подробно рассматривает их с точки зрения полемических приемов, используемых еретиками: «Таков замысел еретичествующих... Сначала они также изображают благочестие и только затем понемногу обнажают нечестие, новыми и

¹⁹⁹ Ἦνίκα γὰρ δυστρόπως καὶ κακοήθως κατὰ τῆς ἀληθείας προσφέρεται, εὐθὺς οὐ παρρησιάζεται τὴν ἀσέβειαν· εὐγνωμόνως δὲ περὶ τὸν ὑγιᾶ διατίθεται λόγον, ἀπὸ τοῦ δόξαι ὀρθῶς καὶ ἀμέμπτως δοξάζειν, θηρᾶσθαι τῶν πλειόνων τὴν ἔννοιαν μηχανώμενος, ἵνα ἐν ᾧ μέλλοι τὰ τῆς οἰκείας ἐξερεύεσθαι πονηρίας, πιθανὸς ὀφθεῖς, ῥαδίως ἔλοι τοὺς πειθομένους αὐτοῦ τοῖς πλάσμασι – AA. 217AB.

²⁰⁰ Ср. сходный пассаж в «Обличении и опровержении»: «они не заявляют прямо и в самом вступлении о своем нечестии, но притворяются благочестивыми и как-то подкрашивают свои слова, поскольку это либо и привычно еретичествующим» (εὐθὺς μὲν καὶ ἐκ προοιμίων τὴν ἀσέβειαν οὐ παρρησιάζονται, κατασχηματίζονται δὲ τὴν εὐσέβειαν καὶ καταχρῶννύουσί πως τοὺς ἑαυτῶν λόγους, ἐπειδὴ τοῦτο φίλον καὶ σύννηθες τοῖς αἰρετίζουσιν – REv. Cap. 5, 1–4).

неоднозначными выражениями прикрывая дерзкое богохульство. Когда же они приучат слушателей к завуалированному нечестию, вот тогда-то они целиком выпустят уже чистый яд своего нечестия»²⁰¹.

Таким образом, необходимость перехода к собственным комментариям обосновывалась Никифором при помощи двух приемов: приписывания оппоненту ложной мотивировки и использования мотива его беспомощности и неумения делать выводы из своих собственных положений. В некоторых случаях мотивы хитрости и доказательной слабости возникали вместе, и тогда противнику предлагалось на выбор два варианта, оба из которых предполагали дальнейшее развитие иконоборческих посылок Никифором: «Здесь мнящий себя мудрейшим из всех либо даже не понял, что говорит, либо сознательно пытается кого-то обмануть. И я не знаю, в чем лучше его обвинить, в безумии или в хитрости»²⁰².

При этом переход от слов Константина к словам Никифора всегда четко отмечен, у автора полемического сочинения не было задачи как-либо исказить слова противника, наоборот, именно в подобном подходе он упрекает самих иконоборцев: «Часть <сочинений, на которые ссылаются> они укорачивают, другие – стачивают и обрезают, подобно стирающим неподлинные места в сочинениях или строителям, сбивающим лишние камни или доски»²⁰³. Опровержение, которое оперирует реальными фрагментами сочинений противника, по определению, оказывается более весомым, чем опровержение, где дается пересказ этих сочинений. Поэтому Никифор (опять же при помощи логической терминологии) разграничивает цитаты и комментарии к ним.

Он спрашивает: «Кто настолько безумен и дошел до такого предела сумасшествия, что вынесет несуразные и богоборческие речи, выводимые из ваших посылок?»²⁰⁴.

²⁰¹ Τοιαύτη γὰρ ἡ τῶν αἰρετιζόντων ἡ ἐπίνοια... πρῶτοι μὲν γὰρ καὶ οὗτοι κατασχηματίζονται τὴν εὐσέβειαν, εἶτα κατὰ βραχὺ προφαίνουσι τὸ δυσσεβῆμα, καινότεραις καὶ ἐπαμφοτεριζούσαις ταῖς λέξεσι τὸ τῆς βλασφημίας ἀναιδὲς ἐπικρυπτόμενοι· ἐπειδὴν δὲ τοὺς ἀκροατὰς τοῦ κατεσχηματισμένου δυσσεβήματος ἐνεθίσωσι, τότε τὸν ἰὸν ὅλον ἄκρατον τῆς ἀσεβείας εἰς μέσον ἐκπτύουσιν... – Φωτίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως λόγοι καὶ ὁμιλίες / Ἐκδ. Σ. Ἀριστάρχου. Κωνσταντινούπολις, 1900. Τ. 1. Σ. 283.

²⁰² Ἐν τούτοις ἡ οὐ συνῆκεν ὃ τι καὶ λέγει ὁ πάντων σοφώτατος εἶναι οἰόμενος, ἡ ἐκὼν πάλιν τινὰς παρακρούεται· καὶ οὐκ οἶδα πότερον παρανοίας ἢ πανουργίας αὐτὸν τις γράψαιτο – ΑΑ. 220D.

²⁰³ Τούτων γὰρ τὰ μὲν ἀκρωτηριάζουσι, τὰ δὲ περιξέουσι καὶ ὑποτέμνονται, καθάπερ οἱ τοὺς νόθους τῶν στίχων ὀβελίζοντες, ἢ τὰ περιττὰ τῶν λίθων καὶ ξύλων οἱ τέκτονες – ΑΑ. 401B.

²⁰⁴ Τίς οὕτως ἄφρων καὶ παραπληξίας εἰς ἄκρον ἐκβεβηκώς, ὅς τῶν ταῖς ὑμετέραις ἐπομένων ἀτόπων καὶ θεομάχων λόγων ἀξέξεται; – ΑΑ. 241D–244A.

Причастие «выводимый» (ἐπόμενος) может быть заменено на «естественным образом вырастающий» (φύομενος – АА. 797D) или «заключаемый» (περαίνόμενος – АА. 261B), что также укладывается в обозначенную схему: Никифор всегда считает необходимым провести границу между своими словами и цитатой.

При подобном переходе характерно использование специфической лексики, выбор которой подчеркивает, с одной стороны, неизбежность выводов Никифора, т. е. абсолютную невозможность понять слова оппонента как-то иначе, чем это делает он, и, с другой стороны, независимость этих выводов от самих авторов посылок: по мнению Никифора, с момента произнесения какого-либо слова сказавший его теряет право самовольно распоряжаться им, так как оно сталкивается с самой истиной и объективным образом подвергается проверке. Именно поэтому чаще всего Никифор употребляет такие конструкции, как «необходимо, чтобы они говорили так» (ἀνάγκη οὖν λέγειν αὐτοῦς – АА. 268D), «необходимо, чтобы он, даже сам того не желая, признавал» (ἀνάγκη οὖν καὶ μὴ βουλόμενον ὁμολογεῖν – АА. 293C), «они будут вынуждены выбрать одно из двух» (ἐκβιασθήσονται γὰρ δυεῖν ἐλέθει τὸ ἕτερον – АА. 729B) и т. п.

В то же время, в ряде случаев Никифор считает нужным прямо обозначить свой метод опровержения. Это делается при переходе к новому пункту обвинения или разбору новой цитаты оппонента: «Ничто не мешает и теперь, отталкиваясь от его предположений, снова привести его к противоречию и показать, что он явно противостоит сам себе»²⁰⁵; или «Нам должно, исследовав плоды их богохульства, проведя логическое умозаключение, утверждать следующее...»²⁰⁶. Завершая разбор очередного пассажа из Константина V, уже после того, как приведены все доказательства, Никифор считает нужным еще раз напомнить о примененном им методе, например, так: «Вот к какой нелепости и какому безбожию были логическим образом сведены их утверждения»²⁰⁷.

Таким образом, обычная схема опровержения аргумента выглядит так: Никифор использует реальные фрагменты сочинений Константина, никак не изменяя их, однако помещает их в такое окружение, что читатель, во-первых, теряет всякое доверие к автору иконоборческих аргументов (за счет приписывания ложной мотивировки), а во-вторых,

²⁰⁵ Οὐδὲν γὰρ κωλύει καὶ νῦν ἐκ τῆς τῶν λόγων αὐτοῦ ὑποθέσεως ὠρμημένους, πάλιν εἰς ἀντίφασιν αὐτὸν περιάγειν, καὶ ἑαυτῷ προφανῶς ἀντικαθιστάμενον δεῖξαι – АА. 296D.

²⁰⁶ Δεῖ γὰρ τὰ τῆς βλασφημίας αὐτῶν ἀνιχνεύοντας, οὕτως συλλογισαμένους ἀποφήνασθαι... – АА. 592B.

²⁰⁷ ...εἰς τοιαύτην ἀτοπίαν καὶ ἀθεΐαν τὰ παρ'αὐτοῖς δογματιζόμενα, κατὰ τὸ ἀκόλουθον περιέστησαν – АА. 704D.

вынужден при анализе этих фрагментов следовать логике Никифора, стремящегося свести положения оппонента к уже опровергнутым ересям. Эта логика, в глазах читателя, благодаря использованию мотива слепоты иконоборцев и непонимания ими собственных слов, оказывается приоритетной по сравнению с логикой, которую предлагает сам автор исходного сочинения. Для реконструкции этого сочинения подобная схема имеет как плюсы, так и минусы: с одной стороны, текст источника сохранен в первоизданном виде, так как перед автором опровержения не стоит задача исказить его, а с другой – этот текст пронизан комментариями Никифора, которые нередко разрывают фразу.

2.3. Иные приемы опровержения

Никифор использует и иные приемы как для создания негативного образа оппонента, так и для построения новых обвинений. С приемом приписывания оппоненту ложной мотивировки соотносится и еще один, чрезвычайно важный для Никифора прием, который наиболее точно можно обозначить как *переворачивание системы координат противника*. Позволяя себе комментировать высказывания Константина V, Никифор незаметно для читателя переносит своего противника в свою систему координат, просто меняя знак с плюса на минус.

Поясим на наиболее ярком примере: одним из самых известных аргументов защитников иконопочитания была идея о том, что честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу. Разумеется, Никифор также использовал это положение для опровержения построений своих противников, говоря, что поругание иконы ведет к поруганию первообраза, т.е. иконоборцы беснуются не столько против изображения, сколько против самого Спасителя: «Что же можно из этого заключить? Поскольку почитающие исповедают, что возносят честь первообразу, необходимо, чтобы и уничтожающие со всей неизбежностью говорили: мы возносим первообразу бесчестие»²⁰⁸. В то же время, совершенно очевидно, что для его противников это не было так, т. е. они не считали, что своими действиями как-либо оскорбляют Бога.

Решение использовать аутентичные цитаты из работ Константина V задавало Никифору достаточно узкие рамки: ему было необходимо показать, что на самом деле его противники согласны с положением о чести, восходящей к первообразу, и сознательно

²⁰⁸ Τί οὖν τὸ ἐντεῦθεν συναγόμενον; Ὅτι ἐπειδὴ οἱ τιμῶντες ὁμολογοῦσιν ἐπὶ τὸ πρωτότυπον ἀναφέρειν τὴν τιμὴν, ἀνάγκη καὶ τοὺς καθαιροῦντας, ἐκ τοῦ ἀκολούθου κατὰ τὸ ἀπαραίτητον λέγειν, ὅτι τὴν ἀτιμίαν ἐπὶ τὸ πρωτότυπον ἀναφέρομεν – ΑΑ. 404D–405A.

воюют против этого первообраза. Именно такая полемическая установка позволила Никифору ввести в свое сочинение, пожалуй, наиболее сильный аргумент против иконоборцев и Константина V – обвинение в том, что им «тяжко видеть Христа и на иконе». Это, естественно, подразумевает, что в реальности Христос был бы им еще более отвратителен, и они снова распяли бы его (здесь обвинение смыкается с определением иконоборцев как «новых иудеев» – см. выше, – которые хотят завершить дело старых и восстают даже против памяти Христа). Фраза «ему (т. е. Константину V) тяжело было видеть Его и на иконе» (βαρὺς ἦν αὐτῷ καὶ ἐν εἰκόνι βλέπομενος) с незначительными вариациями (вместо αὐτῷ может быть мн. ч. αὐτοῖς; глагол может стоять в наст. вр.) повторяется во всех частях сочинения, подытоживая каждый его раздел и суммируя все вышеизложенное: АА. 752А, 753С, 261D, 296В, 333А, 372С, 400А, 404С, 433С, 436В, 480В. Впервые это обвинение появляется в главе 63 «Большого Апологетика» (АА. 752А), при этом Никифор не скрывает, что оно представляет собой отсылку к Книге Премудрости Соломона (гл. 12), где сказано: «Тяжек нам есть к видению, яко неподобно иным житие его», однако только в антииконоборческих сочинениях Никифора это обвинение выходит по сравнению с остальными на первое место²⁰⁹.

Решение Никифора апеллировать именно к внутренней противоречивости логики противника вело к тому, что в некоторых случаях анализируемое положение сводилось не к какой-либо известной ереси, а просто к абсурдному утверждению. Постепенно подменяя использованные в источнике понятия, Никифор плавно подводил читателя к выводу, например, о том, что Господь, по словам иконоборцев, «будет противоречить Сам Себе... и не желает того, чего желает» (ἐαυτῷ ἀντικείμεται... ἃ βούλεται οὐ βούλεται – АА. 797А). Сила подобных утверждений, которые неизбежно разрушают саму посылку, постоянно подчеркивается Никифором, напоминая, что «относительно одного и того же в одно и то же время невозможны противоположные друг другу утверждения»²¹⁰. Подобным же образом, в начале «Первого Антирретика» Никифор выводит из постулата Константина о единосущности изображения первообразу (АА. 225А) утверждение, что его противник «полагает, будто отображения ничем не отличаются от того, чьими они

²⁰⁹ Ср. в «Обличении и опровержении»: «А если они сами промолчат об этой тайне, то камни возопиют, что и бесчестие по отношению к иконе восходит к первообразу (а этого-то им и надобно), равно как от нас честь» (ἀλλὰ κὰν αὐτοὶ σιγῶσι τὸ ἀπόρητον, οἱ λίθοι κεκράξονται, ὅτι καὶ ἡ ἀτιμία τῆς εἰκόνας ἐπὶ τὸ πρωτότυπον (ὅπερ ἐστὶν αὐτοῖς περισπούδαστον) διαβαίνει, καθὰ παρ' ἡμῖν ἡ τιμὴ – REv. Cap. 13, 93–94).

²¹⁰ Περί ἐν δὲ καὶ τὸ αὐτὸ κατὰ ταυτὸν τὰ ἀντικείμενα ἅμα συνυπάρξαι ἀδύνατον – АА.796D–797А.

являются отображениями», из чего делается вывод о том, что «мудрейший совершенно удалился от истины и далеко отпал от понимания сути вещей»²¹¹.

В других случаях Никифор предпочитает обратить аргумент противника против него самого, так переворачивая исходное обвинение, чтобы сам Константин оказался, в глазах читателя, сторонником ересей, которые приписывал иконопочитателям. Такая «игра на упреждение» объясняет уже упоминавшиеся наименования иконоборцев «истинными идолопоклонниками» и «истинными иудеями». Никифор и в этом случае не маскирует используемый прием и прямо говорит о том, что «это все обосновывается вашими словами, таким образом, что то, что вы направляете против нас, вы получите в обращенном виде против вас самих»²¹².

2.4. Апология «простой веры»

Описывая структуру трактата, мы обратили внимание на необычный подбор цитат для флорилегия, связывающего «Большой Апологетик» с «Антирретиками»²¹³, которые, в первую очередь, защищают «простой способ веры» (τὸ ἀπλοῖκὸν τοῦ τρόπου τῆς πίστεως). Весьма характерен, к примеру, приводимый Никифором фрагмент из «Диалогов о св. Троице» Кирилла Александрийского: «То, что принято верой, не должно испытывать дерзкими изысканиями, ибо вера не есть нечто, что достигается исследованием... То, что почтено верой, совершенно не подлежит испытанию»²¹⁴.

При этом apologia «простой веры» у Никифора выходит за рамки типичного для византийцев *teiectio rhetoricae* – для него это важный философский принцип, который получает свое обоснование. Вера, в его понимании, это «согласие, свободное от рассуждений и избыточного любопытства» (ἀπλῆ λογισμῶν καὶ ἀπερίεργος συγκατάθεσις – АА. 377С). Никифор доказывает неэффективность метода Константина, заключающегося в поиске первоосновы культа икон, говоря, что «искать начало начала и

²¹¹ Ὁ δὲ οὐδὲ τὰ ἀπεικάσματα κατὰ τι γοῦν τῶν ὧν εἰσιν ἀπεικάσματα παραλλάσσειν ἠγεῖτο... ἀπέροηκται οὖν πάντῃ τῆς ἀληθείας ὁ σοφώτατος, καὶ πόρρω που τῆς τῶν πραγμάτων καταλήψεως ἀποπέπτωκεν – АА. 228В.

²¹² ...τοῦτο γὰρ διὰ τῶν λόγων ὑμῶν κατασκευάζεται, ἵνα ὅπερ καθ' ἡμῶν προχειρίζεσθε, τοῦτο ἐφ' ὑμῖν αὐτοῖς ἀντιπεριστάμενον σχοίητε – АА. 240В.

²¹³ См. Раздел 1.2.

²¹⁴ Οὐ δεῖ τὸ πίστει παραδεχθὲν θρασυτέραις ὥσπερ ἐκβασανίζειν ἐρεῦναις· πίστις γὰρ οὐκέτι τὸ ζητούμενον... τὸ γὰρ πίστει τετιμημένον βασάνου πάντως ἐλεύθερον – АА. 824АВ.

подтверждение подтверждения» (τὸ δὲ ζητεῖν ἀρχῆς ἀρχὴν καὶ ἀπόδειξιν ἀποδείξεως) бессмысленно, поскольку каждое новое утверждение потребует еще новых доказательств и цепочка будет тянуться бесконечно. Следовательно, рассуждающий так «не будет иметь, где бы остановиться и опереть свой разум, поскольку найденный ответ будет вечно толкать его к новому исследованию, так что, что бы ни делал этот исследователь, он все же прибегнет к вере как к твердому началу»²¹⁵. То есть, по мнению Никифора, некоторые положения должны быть приняты лишь на основе традиции, а вопрос о первооснове ведет рассуждающего в дурную бесконечность.

Тем не менее, ряд особенностей трактата позволяет нам утверждать, что сам Никифор в своих рассуждениях не всегда полагался на защищаемую им «простую веру». На наш взгляд, сочинение Никифора характеризует некая *избыточность доказательств*: в ряде случаев автор предлагает два различных варианта опровержения построений противника, которые если и не противоречат друг другу, то при совместном использовании ослабляют доказательную силу друг друга.

Поясним на конкретном примере. Известно, что ключевыми в иконоборческих спорах стали вопросы христологии. По мнению обеих сторон, от решения вопроса об изобразимости Христа зависела судьба и всех остальных священных изображений²¹⁶. Константин V предложил следующее решение: Христос *неизобразим* (ἀγραπτος), поскольку *неописуем* (ἀπερίγραφτος), неописуемость при этом не подвергается сомнению, поскольку является одним из атрибутов Божества и отрицать ее значит утверждать, что Христос есть «всего лишь человек» (ψιλὸς ἄνθρωπος), т. е. впадать в несторианскую ересь: «Так как Он обладает и другой, нематериальной природой, соединенной с телом, и, при этих двух природах, Он один, и Его лицо, то есть Его ипостась, неотделимо от Его двух природ, то мы не полагаем возможным Его описание, потому что подлежаит начертанию одно лицо, и описывающий это лицо, со всей очевидностью, описывает и божественную природу, которая является неописуемой»²¹⁷.

²¹⁵ Οὐ γὰρ ἕξει ποτὲ οὐ στήσεται καὶ ἀπερείσει τὸν λογισμόν, ἀεὶ τοῦ ἐφευρισκομένου ἐφ' ἑτέραν ζητησὶν ἐπειγομένου· ὥστε ὅσα ἂν κάμοι τις ζητῶν, ἐπὶ τὴν πίστιν ὡς εἰς ἀρχὴν ἀσφαλῆ καταφεύξεται – ΑΑ. 380Α.

²¹⁶ Обоснование см. в: *Острогорский Г.* Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой православных апологетов раннего периода иконоборчества // *Seminarium Kondakovianum*. I. Praga, 1927. S. 35–48.

²¹⁷ Ἐπειδὴ καὶ ἑτέραν ἄῦλον φύσιν συνηνωμένην τῇ σαρκὶ ἔχει, καὶ μετὰ τῶν δύο φύσεων ἐκείνων εἰς ὑπάρχει, καὶ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ, ἡγουν ἢ ὑπόστασις αὐτοῦ, ἀχώριστον τῶν δύο φύσεων ἐστίν, οὐχ

С точки зрения логики возможны два пути опровержения этого тезиса: можно либо отрицать зависимость изобразимости от описуемости, либо, признавая эту зависимость, опровергать саму неопиcуемость Христа и доказывать, что Он изобразим в силу описуемости. Посмотрим, какой из путей выбирает Никифор²¹⁸. Сначала он пытается следовать по первому пути, доказывая отсутствие связи между этими категориями и критикуя оппонентов за неумение увидеть настолько очевидную разницу: «Все смешивая, соединяя и считая одинаковым, они сводят в одну вещи, весьма далеко отстоящие друг от друга, не ведая и не придавая им никакого различия»²¹⁹ Затем Никифор приводит примеры явлений неизобразимых, но описуемых (годовой круг, болезни, свойства живой природы, например, благоухание цветов и т. п. – АА. 360В–364С). Изображение понимается Никифором двояко: это либо словесное описание, либо искусство живописи (АА. 356АВ). В свою очередь описуемость есть способность быть ограниченным некими рамками (местом, временем и постижением – АА. 356ВС). Ср. определение Иоанна Дамаскина в главе 13 «Точного изложения православной веры»: «Описуемо то, что обнимается местом, или временем, или пониманием; неопиcуемо же – то, что не обнимается ничем из этого»²²⁰.

Таким образом, изображение Христа в красках не делает Его описуемым, а Его изображения допустимы не в связи с Его описуемостью или неопиcуемостью, но исключительно благодаря Его изобразимости: «Итак, мы Его не описываем, ибо как это возможно, если телесно Он не присутствует? Но мы изображаем Его не благодаря Его описуемости, но только в силу того, что по природе Он телесно изобразим»²²¹.

Уже эти рассуждения в полной мере опровергают логику Константина V, однако Никифор продолжает размышлять и переходит ко второй линии аргументации: в силу

ὕπολαμβάνομεν ὅτι δυνατῶς ἔχει περιγράφεσθαι, ἐπειδὴ καὶ τὸ χαρακτηρισζόμενον ἐν πρόσωπόν ἐστι, καὶ ὁ περιγράφων τὸ πρόσωπον ἐκεῖνο, δῆλον ὅτι καὶ τὴν θεῖαν φύσιν περιέγραψεν, ἥτις ἐστὶν ἀπερίγραπτος – АА. 236CD.

²¹⁸ Ср. изложение позиции Никифора по этому вопросу в: *Alexander. Nicephorus*. P. 206–211.

²¹⁹ ...πάντα γὰρ συγχέοντες καὶ συμφύροντες καὶ ἀδιάκριτα λογισάμενοι, εἰς ταὐτὸν ἄγουσιν, ἃ πολὺ ἀλλήλων διέστηκε, τὴν ὁπωσοῦν ἐν αὐτοῖς οὔτε εἰδότες οὔτε διδόντες διάκρισιν – АА. 353D.

²²⁰ Περιγραπτόν ἐστι τὸ τόπω ἢ χρόνω ἢ καταλήψει περιλαμβανόμενον, ἀπερίγραπτον δὲ τὸ μηδενὶ τούτων περιεχόμενον – *Die Schriften des Johannes von Damaskos. Expositio fidei / Besorgt von P. B. Kotter*. В.; N.-Y., 1973 (Patristische Texte und Studien 12). S. 39. Рус. пер. цитируется по: Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., 2002. С. 182.

²²¹ Οὐκοῦν οὐ περιγράφομεν αὐτὸν ἡμεῖς· πῶς γὰρ τόν γε σωματικῶς μὴ παρόντα; ἀλλὰ γράφομεν, οὐ καθὸ περιγράφεται, ἀλλὰ καθὸ γράφεσθαι πέφυκε σωματικῶς – АА.369С.

communicatio idiomatum Христос не может быть охарактеризован ни как «только описуемый», ни как «только неопиcуемый». Хотя Божество Христа неопиcуемо, признание неопиcуемости ипoстaси Христа приводит к ереси докетизма, поскольку делает призрачным Воплощение и крестное страдание, а значит невозможно и Спасение: «Хотя как Логос Христос, будучи вечно неизменен и бесстрастен, есть ограничение и предел всякой безграничности и беспредельности... Он плотью ограничил Себя и положил Себе предел»²²². Ср.: «Если Он воплотился, то Он был в некоем месте и был описуем. Ибо место есть предел содержания, поскольку содержит содержимое»²²³. В противном случае, Воплощения не было: «Неопиcуемое не присутствует в каком-либо месте; то, что не присутствует где-либо, – не тело; если же не тело – то тем более и не человек. А это значит, Он не вочеловечился и не воспринял падшую природу»²²⁴.

Таким образом, мы видим, что Никифор, изложив лингвистический аргумент, который, возможно, был ему ближе по духу, затем обращается к богословскому. При этом первый оказывается значительно более оригинальным, нежели второй, который (с некоторыми вариациями) встречается, например, у Феодора Студита²²⁵. В свою очередь, доказательство, строящееся на различии значений терминов, Феодору Студиту неизвестно. Так, обращаясь в одном из писем к игумену Евстратию, он пишет, что Христа нельзя назвать только неопиcуемым, «ибо это свойство только одной из его природ» (τοῦτο γὰρ μιᾶς φύσεως αὐτοῦ ἐστὶ σημαντικόν). Сказать так значит уподобиться манихеям, лишаящим Логос человечества, «а лишенный его и неизобразим, и неопиcуем, ибо это одно и то же» (ὁ γὰρ τῆσδε γυμνὸς ἀπερίγραπτος καὶ ἀνεξεϊκόνιστος· ταὐτὸν γὰρ ἀμφότερα)²²⁶.

Каким образом можно трактовать подобную особенность? С одной стороны, в ней можно усмотреть недостаточную проработанность трактата: стараясь обвинить противника во всех возможных ересях, Никифор сам запутывается и ослабляет

²²² Καίτοι ὡς Λόγος μὲν ὦν αἰεὶ, τοῦθ' ὅπερ ἐστίν, ἀπαθής, καὶ ἀπεριγραψίας καὶ ἀοριστίας ἀπάσης περιγραφή καὶ ὄρος ὦν... περιεγράφη καὶ περιορίσθη σαρκί – АА. 365CD.

²²³ ...εἴπερ ἐνσώματος ἦν, ἐν τόπῳ ἦν καὶ περιεγέγραπτο. Τόπος γὰρ πέρας ἐστὶ τοῦ περιέχοντος, καθὸ περιέχει τὸ περιεχόμενον – АА. 369В.

²²⁴ Τὸ γὰρ μὴ περιγραφόμενον, οὐδὲ ἐν τόπῳ ἐστίν· εἰ δὲ οὐκ ἐν τόπῳ, οὐδὲ σῶμα· εἰ δὲ οὐ σῶμα, πολλῶ πρότερον οὐδὲ ἄνθρωπος. Οὐκοῦν οὐδὲ ἐνηνθρώπησεν, οὐδὲ ἀνείληφε τὴν πεσοῦσαν φύσιν – АА. 368А. Подробнее об этом аргументе см.: *Лурье В. М.* (в соавторстве с В. А. Барановым). *История византийской философии. Формативный период.* СПб., 2006. С. 481–483.

²²⁵ *Parry.* *Depicting the Word.* P. 99–113; *Alexander.* *Nicephorus.* P. 191–193.

²²⁶ *Theodori Studitae epistulae / Rec. G. Fatouros.* В.; N.-Y., 1991. Bd. 2 (CFHB 31/2). S. 731–732.

доказательность своих аргументов. С другой стороны, возможно, мы наблюдаем здесь пример свободного интеллектуального поиска: Никифор никогда не удовлетворяется одним вариантом аргументации и не может отказаться от возможности посмотреть на тот же вопрос под другим углом. Возможно, именно эта черта, которую Никифор знал за собой, в какой-то мере заставила его так подчеркивать безыскусность и простоту своего метода²²⁷. Обратим внимание на то, что ближайшие сподвижники Никифора прекрасно осознавали, в чем особенности его доказательного метода и даже в «Житии», образчике достаточно консервативного жанра, Игнатий Диакон прославляет Никифора именно за то, что он «опровергал слова противников логическими приемами и доказательствами»²²⁸.

²²⁷ Ср. во вступлении к «Третьему Антирретику» Феодора Студита: «При рассмотрении предмета рассуждения я воспользуюсь некоторыми силлогизмами, но не теми, что искусно сплетены согласно аристотелевскому искусству или же вернее болтовне, а теми, что опираются на простейшее высказывание и силу истины» (Συλλογισμοῖς δέ τισι χρῆσομαι πρὸς τὴν τοῦ λόγου ὑπόθεσιν, οὐκ ἔχουσι μὲν ἔντεχνον τὴν πλοκὴν κατὰ τὴν Ἀριστοτελικὴν τεχνολογίαν, εἴτ' οὖν φλυαρίαν· ἀπλοῖκωτέρω δὲ φθέγματι, τῷ κράτει τῆς ἀληθείας ἐρηρισμένοις – Theodori Studitae Antirrhethici tres adversus iconomachos // PG 99. Col. 389A).

²²⁸ λογικαῖς μεθόδοις καὶ ἀποδείξεσι τὰ τῶν ἀντιπάλων ἀνασκευάζων λογύδρια – Vita Nicephori. P. 210.

Глава 3. История двух периодов иконоборчества и актуальная политика

Предпоследняя глава «Apologeticus atque Antirrheticus» открывается следующим примечанием издателя: «В этом месте Никифор обращается в целом к иконоборцам своего времени, или даже, не называя имени, к императору Льву Армянину, возобновившему ересь»²²⁹. Таким образом, у читателя складывается впечатление, что обращение к правящему императору (Лев V правил с июля 813 по декабрь 820 г.) представляет собой лишь краткий эпилог к пространным богословским рассуждениям и инвективам в адрес иного императора, Константина V, скончавшегося за 40 лет до начала работы над трактатом. В то же время, внимательное прочтение всего произведения заставляет предположить, что Никифор обращался ко Льву V не только на последних страницах своего сочинения. На наш взгляд, в «Apologeticus atque Antirrheticus» наряду с богословской может быть выделена также и политическая линия аргументации, адресатом которой был именно правящий император²³⁰. В некотором отношении эти линии соотносимы с двумя временными пластами, аргументами присутствующими в трактате, который был создан после возобновления иконоборчества в 815 г., но опровергал богословскую доктрину иконоборцев VIII в.²³¹

Необходимо заметить, что новейшие исследования со всей очевидностью демонстрируют, что некоторые сочинения иконоборческой эпохи, ранее рассматривавшиеся как богословские, в действительности имели и актуально-политические цели. Так, например, «Житие» Стефана Нового, составленное Стефаном Дияконом в 809 г., по мнению М.-Ф. Озепи, было заказано константинопольским патриархатом (что примечательно, во главе патриархата в этот момент стоял именно Никифор, провозглашенный патриархом 12 апреля 806 г.) с определенными политическими целями. Было необходимо, во-первых, поднять авторитет патриархата, представив патриарха Германа (11 августа 715 – 30 января 730 г.) пламенным борцом с иконоборцами, а во-вторых, предложить в качестве главного мученика первого иконоборчества фигуру компромиссную для всех направлений монашества²³².

Аналогичным образом, согласно предположению Д. Е. Афиногенова, утраченный антииконоборческий источник Феофана Исповедника и Георгия Монаха, существование

²²⁹ «Nunc alloquitur generatim sui temporis Iconomachos Nicephorus; vel ipsum, tacito nomine, Leonem Armenum imp. haereseos instauratorem» (AA. 526, n. 4).

²³⁰ Впервые предположение в таком виде было сформулировано в: *Афиногенов*. Патриархат. С. 7.

²³¹ Т. н. «Вопрошания» Константина. См. Главу 4.

²³² *Auzépy*. L'Iconographie et l'Iconoclasme. P. 90–91.

которого постулировали ранее многие исследователи, в действительности был направлен не только и не столько против иконоборческой династии Исавров, но против клана императрицы Ирины и был составлен в окружении патриарха Тарасия (24 декабря 784 – 25 февраля 806 г.), на определенном этапе поддержавшего Константина VI в его конфликте с матерью²³³.

Несомненно, Никифор был прекрасно знаком с подобной традицией («Житие Стефана Нового» создавалось под его руководством, а с Тарасием его связывали очень тесные, возможно, родственные²³⁴, отношения), и было бы естественно ожидать, что в своих сочинениях он также будет использовать подобный прием и за богословской аргументацией будут скрываться конкретные политические задачи. В первом разделе настоящей главы будет предложен опыт прочтения исторических глав «*Apologeticus atque Antirrheticus*» с точки зрения их полемической направленности. Второй раздел будет посвящен собственно реконструкции зашифрованного в трактате политического «послания» Льву V.

3.1. Исторические главы

Историческими традиционно называют обрамляющие главы «*Apologeticus atque Antirrheticus*», т. е. главы 5–9 и 13–16 «Большого Апологетика» (в них описывается социальный состав «иконоборческой партии»)²³⁵ и заключительные главы (гл. 62–84) «Третьего Антирретика», в которых Никифор прекращает разбирать богословские аргументы иконоборцев и переходит к описанию истории иконоборчества и судьбы Константина V.

Необходимо уточнить, что эти части ни в коей мере не могут рассматриваться как историографические в чистом виде: автору нет необходимости создавать иллюзию объективности, он не скрывает того, что все части трактатов объединены общей полемической целью и все примеры из истории иконоборчества должны служить именно этой задаче. Собственно, историческая часть трактата содержит аргументы несколько иного характера, чем первая: они рассчитаны уже не на победу в теоретическом споре, а на переубеждение тех, кто ратовал за восстановление иконоборчества, ориентируясь на представления о времени иконоборческих императоров как эпохе процветания империи. Объективная оценка предпринятых Константином V реформ выходит за рамки настоящей

²³³ *Afinogenov D.* A Lost 8th Century Pamphlet Against Leo III and Constantine V? // *Eranos* 100 (2000). P. 16–17.

²³⁴ *Афиногенов.* Патриархат. С. 39.

²³⁵ Анализ этих глав с точки зрения реконструкции исторических фактов, «спрятанных в богословском контексте», см. у П. Александра: *Alexander.* Nicephorus. P. 111–125.

работы²³⁶, однако важно учитывать, что миф о благоденствии при иконоборческих императорах, сложившийся к началу IX в., был серьезным аргументом новых иконоборцев и требовал адекватного ответа со стороны иконопочитателей.

Особое внимание следует уделить тем эпизодам «*Apologeticus atque Antirrhetici*», в которых автор отсылает читателя к событиям, описанным им же за много лет до этого в «Бревиарии». На наш взгляд, определенные изменения в манере описания событий первого иконоборчества по сравнению с «Бревиариумом» не могут быть сведены исключительно к эволюции политических взглядов самого Никифора²³⁷. Разумеется, период более чем в 30 лет, разделяющий два произведения, был для Никифора во многих отношениях решающим: став патриархом, он пережил две михианские схизмы и в результате перед самым началом второго иконоборчества сумел объединить противоборствующие внутрицерковные группировки. Однако основным фактором, оказавшим влияние на смещение акцентов, стала новая установка Никифора. В период создания «Бревиария» он служил в имперском секретариате и следовал официальным установкам²³⁸, которые на тот момент не предполагали осуждения иконоборческих императоров²³⁹, родоначальников находящейся у власти династии, что могло бы скомпрометировать как императрицу Ирину, инициировавшую в 787 г. Седьмой вселенский собор, так и всю императорскую власть в целом²⁴⁰. Опальный патриарх мог себе позволить гораздо больше: у власти находилась новая династия, которая, хотя и апеллировала к военным успехам иконоборческих императоров VIII в., не была с ними связана напрямую.

²³⁶ Подробный анализ внутренней политики Константина V см. у И. Рохов: *Rochow. Konstantin*. S. 21–42. Высокой оценки в новейших исследованиях удостоилась градостроительная деятельность Константина: *Iconoclast Era*. P. 17–18. Наиболее скептической точки зрения относительно реформ Исаурийской династии в целом и Константина V в частности придерживался Г. А. Острогорский: *Ostrogorsky G. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurer* // *BZ* 30 (1929–1930). S. 394–400.

²³⁷ Такова позиция Е. Э. Липшиц: *Липшиц Е. Э. Никифор и его исторический труд* // *ВВ* 3 (1950). С. 99–105.

²³⁸ Разумеется, это никак не отменяет того факта, что Никифор с детства был приверженцем почитания икон, за которое, если верить «Житию», при Константине V пострадал его отец (*Vita Nicephori*. P. 142–143; *Pratsch Th. Nikephoros*. S. 110–112). Это, впрочем, не мешало ему проявлять определенную лояльность проводившемуся после смерти Константина V курсу.

²³⁹ Ср. позицию Седьмого вселенского собора, не предавшего анафеме императоров-иконоборцев: *Afinogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet Against Leo III and Constantine V?* // *Eranos* 100 (2000). P. 15, n. 73; *Treadgold. Revival*. P. 87.

²⁴⁰ К. Н. Успенский называет манеру Никифора в «Бревиарии» «сухо-корректной» и «сдержанно-бесстрастной»: *Успенский К. Н. Феофан и его Хронография* // *ВВ* 3 (1950). С. 434.

Обратимся к конкретным примерам: и в «Бревиарии», и в «Третьем Антирретике» Никифор описывает страшную чуму, охватившую Константинополь в 747–748 г., стихийные бедствия, голод во время осады Константинополя (742–743 г.), битву у города Анхиал и смерть Константина.

Что касается первых двух ситуаций, то их описания достаточно схожи: упоминаемые сложности с погребением умирающих, которых грузят на животных и хоронят без отпевания, повторяются едва ли не дословно²⁴¹. Существенным представляется только один момент: согласно «Бревиарию», чума была в Константинополе в 747 г., всего через 6 лет после прихода к власти Константина, задолго не только до массовых репрессий, которые начались в 762 г., но и до собора 754 г.; в «Третьем Антирретике» акценты несколько смещены: постоянные упоминания о «божественном гневе» не оставляют никаких сомнений в том, что бедствия оказываются справедливым наказанием за безбожие императора. То, о чем в «Бревиарии» говорится как о личном мнении всего лишь некоторых людей²⁴², в «Антирретике» выдается за действительное положение дел, поскольку Константин V прямым текстом назван «причиной гнева» (ὁ τῆς ὀργῆς αἴτιος). Так как вся первая часть произведения была посвящена разбору ереси Константина, а во второй речь идет об обрушившейся на город чуме, у читателя складывается ощущение, что хронологически написание Константином иконоборческих произведений и Иерийский собор предшествовали этому бедствию. Таким образом, если не хронологически, то функционально этот эпизод выступает как своеобразное логическое завершение, справедливый суд над нечестивцем²⁴³. Примечательно, что Феофан Исповедник, также описывающий чуму и стихийные бедствия и опирающийся на тот же источник, что и Никифор, в своем изложении значительно более близок «Антирретике», нежели «Бревиарию»²⁴⁴.

В других случаях методы манипуляции остаются такими же. Никифор нигде прямо не искажает факты (или, по крайней мере, то, что представлялось ему фактами при

²⁴¹ Соответствующие фрагменты: AA. 496A–497A и *Breviarium. Cap. 67*. P. 138–140. Исторический анализ этих и иных источников см. в: *Stathakopoulos D. Ch. Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire. A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics*. Aldershot, 2004 (ВВОМ 9). P. 384–385.

²⁴² «Люди, способные мыслить здраво, полагали, что эти беды обрушились из-за божественного гнева» (ταῦτα ἐκρίνετο τοῖς ὀρθῶ φρονεῖν εἰδόσιν ἐκ θείας ἐπισκῆπτειν ὀργῆς – *Breviarium. Cap. 67*, 38–49. P. 140).

²⁴³ Впервые отмечено в: *Gero. Constantine*. P. 22.

²⁴⁴ Соответствующий фрагмент: *Theophanes*. I. 422, 29 – 424, 3. Отмечено в: *Успенский К. Н. Феофан и его Хронография // ВВ 3 (1950)*. С. 425–427.

создании «Бревиария»), но представляет их в удобном ему свете или снабжает некими комментариями, призванными переубедить читателя. Тот факт, что он пишет не собственно историческое произведение, дает ему определенное пространство для маневров: так, он комментирует смерть Константина на корабле во время очередного похода, упоминая, что сама земля не захотела принять его тело (AA. 505D).

Наиболее яркий пример подобной манипуляции – вопрос о продолжительности жизни и правления Константина. Никифору было чрезвычайно важно затронуть в своей работе именно этот аспект, так как высокий авторитет иконоборческих императоров в своей основе имел страх перед нестабильностью и шаткостью неиконоборческих режимов (как предшествовавших воцарению Исаврийской династии, так и пришедшихся на период после 775 г.). Константин V стал первым после Ираклия императором, кто сумел продержаться у власти более 30 лет, его правление длилось с 740 по 775 г., а его отец, Лев III, – первый император за долгое время, который сумел передать власть сыну.

Дж. Херрин, анализируя исторический контекст установления первого иконоборчества, указывает на череду правителей с 695 по 717 г., которые оказались императорами «без истории», и объясняет, как выигрышно на таком фоне воспринимались представители Исаврийской династии, активно приступившие к армейским и административным реформам и вернувшиеся к практике долгих правлений в рамках одной династии²⁴⁵. Эту ситуацию можно спроецировать и на начало IX в., когда вновь наступил период военных поражений (неудача в битве при Версиникии и реакция на нее стали одним из катализаторов скорейшего обращения к иконоборческой политике) и общество чувствовало усталость от частой смены правителей и внутренних конфликтов. Д. Тернер, немного утрируя, в заключении своей статьи, посвященной восхождению на престол Льва V, говорит о том, что у любого «солдатского» императора, оказавшегося у власти в тот период, не было никаких шансов отказаться от проведения иконоборческой политики²⁴⁶.

Обратим внимание на то, что для византийцев была очевидна прямая связь между правильной религиозной политикой императора и его политическими и военными

²⁴⁵ *Herrin J.* The Context of the Iconoclastic Reform // *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975* / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 17. О кризисе в управлении армией в 685–717 гг. см.: *Kaegi W. E. (jr.) Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation.* Amsterdam, 1981. P. 186–208.

²⁴⁶ *Turner D.* The Origin and Accession of Leo V (813–820) // *JÖB* 40 (1990). S. 201.

успехами²⁴⁷. Уровень ожиданий был чрезвычайно высок, население (в первую очередь, армия) было готово идти, казалось бы, против здравого смысла, предлагая в качестве кандидатов на трон слепых сыновей Константина V, старых и больных людей, неспособных осуществлять управление империей в условиях вооруженных конфликтов с соседями, однако причастных династии, которая когда-то – более полувека назад – успешно справилась с подобной задачей²⁴⁸. Для проиконоборчески настроенных военных частей в 813 г., по выражению Н.-К. Кутраку, Константин был неким «военным святым» («*saint militaire*»)²⁴⁹, а армия во времена иконоборчества была основным адресатом государственной пропаганды²⁵⁰.

Итак, факт, который мог только усиливать позиции иконоборцев второго периода²⁵¹, нельзя было обойти молчанием, поэтому Никифор пытается всячески заретушировать его, постоянно напоминая о том, что Константин прожил *всего* 58 лет (οὐ πλείοσι γὰρ ἢ ὀκτὼ πρὸς τοῖς πεντήκοντα ἔτεσι) и «вся продолжительность его жизни была не особенно велика» (ὁ δὲ τῆς ζωῆς αὐτοῦ πᾶς χρόνος οὐκ εἰς μακρὸν τι πάνυ διήλασεν – АА. 505D). Обратим внимание, что тремя строками ниже Никифор говорит о том, что Константин прожил все же достаточно долго, объясняя это божественным промыслом, уготовавшим ему часть мучений уже на земле: «И даже этот срок не по благоволению, а по поущению Божьему, ибо он недостойн благодеяния от Бога. Или, вернее сказать, поскольку Бог отсрочивал время и справедливо судил, чтобы тот уже здесь отчасти вкусил расплату за свои дерзости и оборвал свою мерзкую жизнь в боли и

²⁴⁷ *Mango C.* Historical Introduction // *Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975* / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 2.

²⁴⁸ *Theophanes.* I. 496, 16–27; *Winkelmann F.* Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert. B., 1987 (BBA 54). S. 65; PMBZ N. 487 (Anthimos), N. 1635 (Eudokimos). О семье Константина V см.: *Rochow.* Konstantin. S. 7–15; *Speck P.* Die Frauen und Söhne Konstantins V. und die Sicherung der Nachfolge // *BZ* 93 (2000). Heft 2. S. 568–585.

²⁴⁹ *Koutrakou.* Propagande. P. 187.

²⁵⁰ *Ibid.* P. 380. В первую очередь, речь идет о константинопольских тагмах: *Kaegi W. E. (jr.)* Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation. Amsterdam, 1981. P. 267–268. Подробнее о легендарном образе Константина V – победителя болгар, регулярно возникавшем в византийской литературе и через несколько столетий после восстановления иконопочитания, см.: *Rochow.* Konstantin. S. 123–126.

²⁵¹ «Ибо они кичатся, что за поношение Христа и Церкви Мамоне были отмерены долгие годы и продолжительная и сладостная жизнь» (κατακομψεύονται γὰρ διὰ τὴν εἰς Χριστὸν καὶ τὴν Ἐκκλησίαν ὕβριν, χρόνους μηκίστους καὶ παρατεταμένην ζωὴν, καὶ βίον εὐπαθῆ ἐκμεμετοῆσθαι τῷ Μαμωνᾷ – АА. 504C).

страданиях...»²⁵². Речь идет о проказе, от которой скончался Константин²⁵³. Описание болезни, полное отвратительных физиологических подробностей (АА. 504С–505В), требуется Никифору, чтобы еще раз показать распущенность (причиной болезни стали «плотские страсти») и жестокость (во время болезни казни и пытки только умножились) Константина. Нельзя также забывать, что уже с ранневизантийского времени в полемической литературе одним из доказательств нечестия того или иного деятеля была неподобающая, «некрасивая» смерть²⁵⁴. Однако затем автор будто бы начинает противоречить сам себе, приводя примеры *других* нечестивых правителей (Иеровоам, Манассия, Озия), которые *тоже* жили долго и преуспели, но, тем не менее, были прокляты и после смерти осуждены на вечные мучения (на этом строится вся глава 74 «Третьего Антирретики»). Противопоставляются же им праведники, окончившие свою жизнь в неизвестности, но прославившиеся благочестием (АА. 512С–513С).

Следует обратить особое внимание на описание битвы при Анхиале. Это единственный случай, когда сведения, сообщаемые «*Apologeticus atque Antirrheticus*», оказываются, на первый взгляд, диаметрально противоположны тому, что мы читаем в «Бревиарии». Там Никифор упоминает две битвы при этом городе, произошедшие в 763 и в 766 г. (*Breviarium. Cap. 76. P. 148–150* и *Cap. 82. P. 156* соответственно). В обоих случаях их исход оказался в военном отношении благополучным для Константина. При описании первого сражения Никифор прямо говорит о хане Телеце, предводителе болгар, как о проигравшем: «И побежденный в битве, он обратился в бегство»²⁵⁵. Во втором случае мир также был заключен, несмотря на то, что по случайности множество солдат Константина пострадало от разыгравшейся бури и он, по свидетельству Никифора, приказал сетями ловить тела погибших в море.

²⁵² Καὶ αὐτὰ γε ταῦτα Θεοῦ συγχωρήσαντος, οὐκ εὐδοκήσαντος· ἀνάξιος γὰρ τῆς παρὰ Θεοῦ εὐεργεσίας· ἢ οὐκ ἐϊότερον εἰπεῖν, ἀναβαλλομένου τὸν χρόνον καὶ ἀξίως δικάζοντος, ἵνα κἀνταῦθα τῶν τετολημένων ὅσον ἀπογεύσασθαι δίκας εἰσπραττόμενος, πικρῶς καὶ ὀδυνηρῶς τὴν αἰσχίστην ἀποθρήνη ζωήν – АА. 508А

²⁵³ Подробнее см.: *Rochow. Konstantin. S. 18–19.*

²⁵⁴ Наиболее известен сюжет о смерти Ария, впервые появляющийся у Сократа Схоластика, а позже заимствованный другими авторами. О топосах нечестивой и благочестивой кончины см.: *Agapitos P.A. Mortuary Typology in the Lives of Saints: Michael the Synkellos and Stephen the Younger // Les Vies des saints à Byzance. Genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international philologique, Paris 6-8 juin 2002. P., 2004 (Dossiers Byzantins 4). P. 103–135.*

²⁵⁵ ...καὶ ἡττηθεὶς μάχη εἰς φυγὴν ἐτρέπετο – *Breviarium. Cap. 76, 13–14. P. 148.* Об историческом значении этой победы и ее восприятии византийцами см.: *Rochow. Konstantin. S. 95–96.*

В «*Apologeticus atque Antirrheticus*», напротив, автор утверждает, что Константину незаслуженно приписывают множество военных побед (ἐπιπλάττουσι... νίκας), и приводит в качестве примера именно битву при Анхиале, причем не вполне очевидно, какую именно из битв описывает Никифор в данном случае²⁵⁶. В соответствующем фрагменте (AA. 508AB) нет прямых указаний на то, что сражение было проиграно, однако за счет определенных деталей и умалчивания о некоторых фактах создается именно такое ощущение. Никифор пишет: «сами факты свидетельствуют о том, какой конец имела для него эта война», до сих пор рядом с городом можно наблюдать кости павших воинов, поскольку «почти все войско ромеев стало добычей скифского меча»²⁵⁷. Впоследствии Никифор все же вынужден упомянуть исход войны в целом, однако представляет победу Константина чистой случайностью (AA. 508CD). Характерно, что рассмотренный фрагмент вызвал недопонимание и у современных исследователей, которые не смогли разобраться в хитросплетениях риторических приемов Никифора²⁵⁸.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что Никифор всегда первым (опережая своих гипотетических оппонентов) обращается к тем историческим фактам, которые могли бы быть использованы ими в своей полемике, и тем самым избегает ожидаемых обвинений в искажении исторической картины, которые последовали бы, обойди он эти факты молчанием. Однако Никифор старается интерпретировать их удобным для себя образом, нередко выдвигая взаимоисключающие объяснения, которые объединяет только одно – они неизбежно выставляют Константина V в самом неприглядном виде, с каких бы позиций ни оценивалось его правление, светских или церковных.

3.2. Константин V и Лев V

3.2.1. Два периода иконоборчества

Чтобы разобраться в том, когда адресатом инвектив Никифора становится не покойный Константин V, а здравствующий Лев V, необходимо определить, как соотносятся в трактате первый и второй периоды иконоборчества.

²⁵⁶ Ibid. S. 96.

²⁵⁷ ...ὁποῖον αὐτῷ τὸ τοῦ πολέμου τέλος κατώρθωτο, μαρτυρεῖ τὰ φαινόμενα... ἔργον γὰρ τῆς Σκυθικῆς μαχαίρας, ἅπαν σχεδὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων ἐγένετο στράτευμα – AA. 508B.

²⁵⁸ Н.-К. Кутраку приводит рассказ Никифора о битве как пример искажения исторических фактов, до которого доходил в полемическом задоре автор, т. е. воспринимает как повествование о поражении то, что на самом деле является рассказом о победе со смещенными акцентами, т. е. действует именно так, как того ждал Никифор (*Koutrakou. Propagande. P. 107, n. 276*).

Чаще всего Никифор подчеркивает сходства между правлением Константина и Льва V, поскольку для Никифора олицетворением первого иконоборчества был скорее Константин V, нежели Лев III²⁵⁹. Иногда он делает это прямо: говоря о голоде, вызванном осадой Константинополя во время войны с Артаваздом, он как бы ненароком упоминает о том, что голод этот оказался едва ли не так же страшен, как легендарный голод в Иерусалиме, и «ничуть не уступает нынешнему» (οὐτε τοῦ νῦν ἐντεῦθεν ἐναρξάμενου... ἐλαττούμενος – АА. 500С). При том, что все природные катаклизмы и бедствия древности и первого периода иконоборчества объясняются нечестием правителей²⁶⁰, можно сделать вывод, что Никифор, хотя прямо и не говорит об этом, считает преступления Льва V едва ли не более страшными, чем те, что совершил Константин V, ведь при сравнении как данное и не подлежащее сомнению дается именно новое бедствие, а голод при Константине сопоставляется с ним.

Разобраться в действительном отношении Никифора к двум периодам иконоборчества помогает «Большой Апологетик», где уже в первых главах выстраивается своеобразная иерархия нечестивцев: иудеи, распявшие Христа, иконоборцы времен Константина V и иконоборцы времен Льва V. Первые выступают образцом для последующих, однако степень нечестия возрастает. Иудеи виновны лишь в «первых и так сказать первообразных страстях Христа» (τῶ πρωτίστῳ καὶ ὡς ἄν τις εἴποι ἀρχετύπῳ πάθει), а подражающие им новые еретики уже «при нашем поколении» (ἐπὶ τῆς καθ' ἡμᾶς γενεᾶς) обвиняются во вторых и третьих страстях (καὶ δεύτερον ἔτι καὶ τρίτον), которые Христос претерпевает через поругание священных символов Своего спасительного Воплощения (АА. 552А). В последнем примере слово «первообразный» сказано не случайно, для Никифора вообще характерно использование в историческом контексте специальной лексики, приобретшей во время иконоборческих споров терминологическое значение: «Насколько ныне поносимые и уничтожаемые символы запечатлевают Господа, настолько же явно и они <иконоборцы> изображают распявших иудеев и совершенное ими убийство»²⁶¹.

²⁵⁹ В более позднем трактате вклад Льва III оказывается уже более весом, поскольку именно он «заложил основы отступничества и... *первым* поносит святых» (τὰ βάθρα τῆς ἀσεβείας πηξάμενος πρῶτος καθυβρίζει τὰ ἅγια – REv. Cap. 6, 30–31).

²⁶⁰ См. выше.

²⁶¹ ...καθόσον νῦν τὰ ὑβριζόμενά τε καὶ καθαιρούμενα χαρακτηρίζει τὸν Κύριον, κατὰ τοσοῦτον καὶ αὐτοὶ τοὺς σταυρώσαντας Ἰουδαίους, καὶ τὴν ἐκείνων μαιφονίαν περιφανῶς εἰκονίζουσιν – АА. 549С.

Если любые иконоборцы хуже иудеев, то иконоборцы второго периода хуже иконоборцев первого. Обоснование такого отношения приводится Никифором в главах 17 и 25 «Большого Апологетика». Вторые иконоборцы действуют вопреки решению Седьмого вселенского собора, признавшего постановление Иерийского собора 754 г. недействительным, т. е. «бегут к безбожно созванному им <Константином> вопреки всем каноническим установлениям богомерзкому и безбожному синедриону... который эти глупцы не стесняются называть собором»²⁶². В свою очередь, преступление самих участников иконоборческого собора было менее страшным (ἤττον γὰρ ἂν ἦν αὐτοῖς τὸ ἀδίκημα), поскольку надлежащего обсуждения вопроса об иконопочитании еще не было, т. е. гипотетически возможность для сомнений еще была (AA. 596C). Обратим внимание, что в данном случае Никифор не учитывает цитирующееся им в других ситуациях (AA. 212AB; REv. Cap. 18, 6–24) 82-е правило Трулльского собора 692 г., предписывающее исключительно антропоморфное изображение Христа²⁶³.

Преступление нынешних иконоборцев гораздо более серьезно: они отвергли постановления законного собора²⁶⁴, т. е. стали сомневаться уже «после подробного исследования» (μετὰ τὴν πολλὴν ἐκείνην ἐξέτασιν – AA. 596D)²⁶⁵. Особенно подчеркивается, что начиная с 787 г. все архиереи были обязаны приносить письменную

²⁶² ...ἐπὶ τὸ ἀθέως καὶ παρὰ πάντα κανονικὸν λόγον ἀθροισθὲν ὑπ'ἐκείνου θεοστυγὲς καὶ ἀνίερὸν συνέδριον καταφεύγουσι... ὃ καὶ σύνοδον ὀνομάζειν οἱ ἀνόητοι οὐκ ἐγκαλύπτονται – AA. 580A. В «Обличении и опровержении» Никифора цитаты из определения иконоборческого собора 815 г. о признании Иерийского собора вселенским, подтверждающие его решения, приведены полностью: Alexander P. J. The Iconoclastic Council of St. Sophia (815) and Its Definition // DOP 7 (1958). P. 58, fr. 2–5.

²⁶³ The Council in Trullo Revisited / Ed. G. Nedungatt, J. M. Featherstone. R., 1995 (KANONIKA 6). P. 162, 16 – 164, 5. См.: Brubaker L. In the beginning was the Word: Art and Orthodoxy at the Councils of Trullo (692) and Nicaea II (787) // Byzantine orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Durham, 23–25 March 2002 / Ed. A. Louth and A. Casiday (Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 12). Aldershot; Burlington, 2006. P. 95–101. К. Пэрри отмечает, что это правило еще не предписывало поклонение иконе, но только определяло, как следует изображать Христа: Parry. Depicting the Word. P. 10.

²⁶⁴ Подробную аргументацию в защиту каноничности Седьмого вселенского собора см.: AA. 596D–597B. Анализ представлений Никифора о Вселенских соборах и их роли в церковной жизни см.: O'Connell. Ecclesiology. P. 108–119.

²⁶⁵ Ср.: «Лукавый догмат, что был прежде окончательно осужден и вынужден был замолчать по решению прежних божественных мужей, они снова обновляют и распаляют» (...δόγμα πονηρόν, καλῶς πάλαι κατακριθὲν καὶ σιγήθὲν ἀποφάσει τῶν προηγησαμένων θείων ἀνδρῶν, πάλιν ἀναζωπυροῦντες καὶ νίξουσι – REv. Cap. 4, 61–64).

присягу верности Седьмому Вселенскому собору, что являлось обязательным условием рукоположения. Сам Никифор все еще занимает свою кафедру именно вследствие того, что в свое время поставил свою подпись под этим соборным определением (АА. 600А). Обратим внимание, что таким образом Никифор не признает каноничным свое низложение и намечает линию аргументации, при помощи которой он сумеет доказать неправомочность поставления патриархом Феодота Мелиссены (патриарх с 1 апреля 815 г.)²⁶⁶.

Однако при внимательном прочтении всего произведения складывается впечатление, что отношение Никифора к императору, инициировавшему второе иконоборчество, было не столь однозначным. Рассмотрим главу 67 «Третьего Антирретика», где автор, говоря о божественном правосудии, сравнивает наказания, которые понесли иудеи за грехи Манассии, с бедствиями, которые обрушились на империю из-за ереси Константина и делятся «по сей день». Одна деталь не позволяет сделать вывод, что поведение императоров не изменилось: в части, где рассказывается о бедах иудеев, говорится, что бедствия продолжались «и при правителях, отличавшихся благочестием и справедливостью»²⁶⁷. Явная параллель с фразой о том, что жители Империи «даже и ныне» (ἔτι καὶ νῦν) терпят бедствия за грехи Константина, заставляет видеть в этом достаточно осторожном в политическом плане высказывании попытку если не примирения с Львом, то, по крайней мере, возвращения к обсуждению.

В целом тон трактата по отношению ко Льву (в тех случаях, когда мы можем с уверенностью утверждать, что Никифор обращается именно к нему) гораздо более спокоен, нежели, например, в т. н. «Малом Апологетике», который был создан в период сильнейшего обострения отношений патриарха с императором²⁶⁸. Чтобы разобраться в реальном отношении Никифора к Льву V, необходимо прежде понять, как решались Никифором две важнейшие проблемы: вопрос о светской и церковной власти и вопрос о причинах иконоборчества.

²⁶⁶ Подробнее о нем см.: *Pratsch Th. Theodotos I. (815–821) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999. (BBS 5). S. 148–155.*

²⁶⁷ ...καὶ ταῦτα καθ'οὗς χρόνους οἱ ἐπ'εὐσεβείᾳ καὶ δικαιοσύνῃ μεμερτυρημένοι ἡγεμόνευον – АА. 501А.

²⁶⁸ *Alexander. Nicephorus. P. 163–165, 182; Афиногенов. Патриархат. С. 118.*

3.2.2. Образ императорской власти в трактате

Первая проблема оказалась в центре внимания Никифора уже хотя бы потому, что самого Константина V он называет не иначе как Мамоной, что сразу же отсылает читателя к противопоставлению мирского и церковного²⁶⁹. Исходя из этого, логично было бы предположить, что императорская власть воспринимается Никифором однозначно негативно. Однако при более внимательном анализе текста мы убеждаемся, что это не совсем так. Несколько раз в произведении автором используется распространенный в среде защитников иконопочитания аргумент о том, что честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу (ἡ τῆς εἰκότος τιμὴ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει – АА. 401С, 404А, 408D, 420В, 476С). Этот знаменитый аргумент, восходящий к трактату Василия Великого «О Святом Духе» (CPG 2839)²⁷⁰, первоначально не был связан с вопросом об иконопочитании, поскольку понятие «иконы» рассматривалось Василием применительно к отношениям ипостасей Сына и Отца, однако оказался весьма удобен и иконопочитателям²⁷¹. Обратим внимание, что Никифор прекрасно осведомлен об этом, поскольку уточняет, что приводимая цитата уместна «не только лишь в отношении богословия» (οὐκ ἐπὶ τῆς θεολογίας μόνον – АА. 420В). Поскольку в цитате упоминается император²⁷², аргумент строится в частности на том, что все подданные поклоняются портрету государя и надругательство над портретом является преступлением против изображенного на нем. Вспомним, что Стефан Новый был обвинен в оскорблении величия императора (а не прямо в почитании икон) именно после того, как решился доказать на практике идею о чести, восходящей к первообразу, и наступил на монету с изображением императора²⁷³.

²⁶⁹ «Не можете Богу работати и Мамоне» (Мф 6:24). О значении образа Мамоны в трактате см.: *Афиногенов*. Патриархат. С. 123–124.

²⁷⁰ *Basile de Césarée. Sur le Saint-Esprit* / Ed. В. Pruche. P., 1968 (Sources chrétiennes 17 bis). Cap. XVIII. 45, 19–20. В то же время первым к метафоре с портретом императора прибег Афанасий Александрийский в своем «Третьем слове против ариан» (CPG 2093), отмечено в: *Ladner G. B. The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic controversy* // DOP 7 (1953). P. 8, 24.

²⁷¹ Об использовании цитаты в различных иконопочитательских флорилегиях см.: *Alexakis A. Codex Parisinus Graecus 1115 and Its Archetype*. Wash. DC, 1996 (Dumbarton Oaks Studies 34). P. 151–152. О первоначальном контексте: *Parry. Depicting the Word*. P. 22–23.

²⁷² «И образ императора называется императором, а не два императора» (Ὅτι βασιλεὺς λέγεται καὶ ἡ τοῦ βασιλέως εἰκὼν, καὶ οὐ δύο βασιλεῖς – Cap. XVIII. 45, 15–16).

²⁷³ *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre* / Ed. M.-Fr. Auzépy. Aldershot, 1997 (ВВОМ 3). Par. 55. Анализ эпизодов, в которых мученик и император почти меняются ролями и Стефан, перехватывая

В «*Apologeticus atque Antirrhethici*» эта идея получает дальнейшее развитие, и это дает основания полагать, что для Никифора принцип «Богу – Богово, кесарю – кесарево» является не просто отвлеченной теорией, но осознанной жизненной позицией. Упоминание в главе 26 «Третьего Антирретика» о существовавшей в древности традиции изображать императоров и выказывать знаки почтения этим изображениям (АА. 416С), намекает, что раньше и сами императоры были достойны такого почитания. Несколько глав исторической части «Третьего Антирретика» посвящены прославлению императоров, одержавших великие победы и расширивших территорию империи (АА. 517С–525А; ср. сходный пассаж во «Втором Антирретике»: АА. 329С). Кроме цели противопоставления их подвигов жизни Константина V, такие описания имели задачу показать Льву V определенный идеал правителя.

Характерно, что сам Никифор дистанцируется от взгляда, предполагающего прямую зависимость между преуспеванием в государственных делах и правильной религиозной политикой. Однако он готов посмотреть на историю государства и с точки зрения своих противников («если ты судишь о вере по победам над врагами и роскошеством этого мира»²⁷⁴), но даже и в этом случае окажется, что любые достижения Константина V не превзошли достижений его благочестивых предшественников: Август правил Римской державой столько, сколько длилась вся жизнь Константина (АА. 512А), постройки Феодосия прекраснее и долговечнее построек Константина (АА. 520С) и т. п. Очевидно, что когда Никифор в подобном контексте использует местоимение второго лица, речь идет именно о Льве V: «Поразмысли о числе лет, ведь это тебе любезно и желанно, и о длительности его <императора Феодосия> правления, о любитель долголетия и мирского!»²⁷⁵. Заметим, что у *Scriptor Incertus* слова о том, что все иконоборческие императоры умерли своей смертью, в то время как все правители,

инициативу, выходит победителем после допроса, см.: *Auzépy. L'Hagiographie et l'Iconoclasme*. P. 27–28, 44–45. О политических причинах казни Стефана см.: *Ibid*. P. 45–46.

²⁷⁴ ...ἐπεὶ σοὶ κριτήριον πίστεως αἱ κατ'ἐχθρῶν νίκαι, καὶ τοῦ παρόντος κόσμου αἱ περιφάνειαι – АА. Col. 524В. Ср.: «Если же веру должно измерять победами, свершениями, долголетием и всем прочим, что определяет благополучие и счастье нынешней жизни...» (Εἰ δὲ χρὴ νίκαις, καὶ ἀνδραγαθήμασι, καὶ χρόνων μακρῶν περιόδοις, καὶ τοῖς ἄλλοις οἷς ἢ τοῦ παρόντος βίου εὐδαιμονία καὶ εὐπραγία γινώσκεται, πίστιν μετρεῖν... – АА. Col. 509А).

²⁷⁵ ...λογίζου τὸν ἀριθμὸν τῶν χρόνων, ὅς σοι φίλος καὶ περισπούδαστος, τῆς ἐκείνου βασιλείας τὸ μήκιστον, ᾧ φιλόχρονε σὺ καὶ φιλόκοσμε – АА. 520D.

поклонявшиеся иконам, были либо свергнуты, либо убиты в битве, вложены также именно в уста Льва V²⁷⁶.

Таким образом, мы видим, что сама по себе мирская (императорская) власть не воспринималась Никифором исключительно в негативном ключе²⁷⁷. В произведении часто повторяется наименование Христа «царем царей», при этом метафора получает продолжение: если Христос царь, то у него должны быть и достойные и соответствующие ему подданные, земные цари (AA. 681D). Ключевым для Никифора оказывается понятие «царской стези» (ἡ βασιλικὴ τρίβος): иногда это словосочетание употребляется просто в значении «верный, прямой» или же «средний путь» (AA. 232B), в то время как в других контекстах изначальная семантика слова «царский» сохраняется. В том случае, когда эти слова употреблены по отношению к императору, следует быть особенно внимательным. В главе 42 «Первого Антирретика» Никифор, говоря о Константине V, выдвигает против него такое обвинение: «Ему кажется, что он постиг таинство Христа, но при этом он не знает и не видит, что у него под ногами. Ибо, раз отклонившись с прямой и царской дороги, он движется к разверзшимся с обеих сторон обрывам»²⁷⁸.

Последний пример показывает, что претензии Никифора и к Константину (в сфере политической, а не богословской), и ко Льву заключались в том, что они оба попытались вместо своих прямых обязанностей взять на себя груз догматических решений, что является прерогативой Церкви. Никифора не устраивает ситуация, при которой государство начинает вмешиваться во внутрицерковные отношения и вероучительные вопросы. Благочестивых государей отличает умение во всех богословских вопросах следовать мнению Церкви, т. е. не пытаться самим исследовать их, в то время как еретичествовавшие правители «устраивают изыскания, им не подобающие» (ἐξερευνῶντες ἐξερευνήσεις οὐδὲν αὐτοῖς προσηκούσας – AA. 573A). Именно так поступил и Константин V, «вопреки всякому праву и нашим священным законоположениям восстал

²⁷⁶ Scriptor Incertus / Introduzione di E. Pinto, testo critico, versione italiana, note e indici a cura di Fr. Iadevaia. 2 ristampa. Messina, 1997. P. 46, 238 – 47, 252.

²⁷⁷ Ср. в «Обличении и опровержении» описание периода мира и спокойствия, когда иконы получали должное поклонение, а «императоры заботились о благочестии более, чем о диадеме, золоте и ярко сияющих индийских камнях и были украшены не пурпуром, но прямою догматов» (ὅτε καὶ βασιλεῖς μέγα ἐφρόνουν ἐπ' εὐσεβείᾳ μᾶλλον ἢ τῷ διαδήματι καὶ χρυσῷ καὶ λίθοις τοῖς Ἰνδικοῖς λαμπρὸν ἀπαστρέπτουσιν, εὐθύτητι δὲ δογμάτων ἢ τῷ ἀλουργῷ ἐκαλλωπίζοντο χρώματι – REv. Cap. 2, 21–24)

²⁷⁸ Δοκεῖ γὰρ κατεληφέναι τὸ Χριστοῦ μυστήριον, μηδὲ τὰ ἐν ποσὶν εἰδῶς ἢ βλέπων. Καθάπαξ γὰρ τῆς εὐθείας καὶ βασιλικῆς ἀπονενευκῶς τρίβου, ἐπὶ τοὺς ἐφ' ἐκάτερά πως ἀποκεκλιότας κρημνοὺς ἵεται – AA. 305D.

против того, чего ему не следовало касаться и рассматривать», при том что ему было положено «заниматься общественными и царскими делами»²⁷⁹. При этом в равной мере осуждаются и те церковные иерархи, что добровольно подчиняются мирским установлениям. В главе 69 «Третьего Антирретика» мы видим прямые указания на такую позицию Никифора: он упрекает иконоборческих епископов в том, что они «забыли о всякой церковной благопристойности и порядке, пользуются мирскими законами и вещами и подпали под власть мирских начальников»²⁸⁰.

Необходимо отметить, что ряд исследователей уже обращали внимание на подобную позицию Никифора. Так, П. Карлин-Хайтер предполагает, что благодаря однозначно жесткой позиции Никифора по вопросу о пределах императорской власти в среде иконопочитателей сформировалась группа («кучка экстремистов, известных как "мученики" и "исповедники"»), готовая идти на прямое неподчинение светским властям, представляющая угрозу общественному порядку и сыгравшая важную роль при выборе в 843 г. Мефодия в качестве нового патриарха²⁸¹. По мнению Д. Е. Афиногенова, рассмотренный аспект имеет по сравнению с чисто богословским первостепенное значение, поскольку Никифор полагал, что «основное содержание иконоборчества заключается скорее в превышении светской властью своих полномочий, нежели в вероучительных отклонениях»²⁸².

3.2.3. Ответственность за иконоборчество

Вопрос о причинах иконоборчества, как их понимает Никифор, необходимо рассматривать в контексте других источников. В самом конце произведения, причисляя

²⁷⁹ ...οἷς οὐκ ἐξῆν αὐτῷ ἐγχειρεῖν ἢ προσβλέπειν, τούτοις παρὰ πάντα τὸν τοῦ δικαίου λόγον καὶ τὴν ἰεράν ἡμῶν θεσμοθεσίαν ἀντικαθίσταται... τοῖς δημοσίοις καὶ βασιτικοῖς ἐνασχολεῖσθαι πράγμασιν – ΑΑ. 217BC. Ср.: «Ибо не пристало благочестивым императорам привносить от себя какие-либо положения веры и в особенности переворачивать те из них, что уже давно устоялись... но их дело – следовать решению и постановлению тех, кому вверены кормила Церкви» (οὐδὲ γὰρ βασιλέων εὐσεβούντων παρ'ἑαυτοῖς δόξας κινεῖν τε καὶ ἀνελίττειν τὰς εὖ καθεστηκυίας μάλιστα... ψήφῳ δὲ καὶ ἐπικρίσει τῶν πεπιστευμένων τῆς ἐκκλησίας τοὺς οἰάκας ἔπεσθαι – REv. Cap. 14, 41–47).

²⁸⁰ ...πάσης τῆς ἐκκλησιαστικῆς εὐκοσμίας καὶ τάξεως ἐπιλεησμένοι, πολιτικοῖς νόμοις καὶ πράγμασι χρῶνται, καὶ ἄρχουσι τοῖς κοσμικοῖς ὑποπεπτῶκασιν – ΑΑ. 504A.

²⁸¹ *Karlin-Hayter P. Methodios and his synod // Byzantine orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Durham, 23–25 March 2002 / Ed. A. Louth and A. Casiday (Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 12). Aldershot; Burlington, 2006. P. 60–62.*

²⁸² *Афиногенов. Патриархат. С. 124.*

иконоборчество к списку известных ересей под номером 102²⁸³, Никифор приводит рассказ о еврее Тессаракондапихе (Τεσσαρακοκοντάπηχης), на которого возлагается ответственность за иконоборчество как на арабском Востоке (при халифе Язиде II), так и в Византии (АА. 528С–532А). Таким образом, во-первых, предлагается теория заимствования извне, а во-вторых, четко определяется виновник бед, обрушившихся затем на империю, – кто-то чуждый, пришедший из другого государства и обманувший императора²⁸⁴.

История о Тессаракондапихе (или Сарандапихе) содержится в ряде других источников («Хроника» Феофана Исповедника, «Хроника» Георгия Монаха, пространная редакция «Adversus Constantinum Saballinum», Деяния Седьмого вселенского собора, где она вложена в уста диакона Иоанна, посланца восточных патриархов, и др.) и восходит к реконструируемому памфлету, условно называемому «Historia Leonis»²⁸⁵. Интересен тот факт, что исходный текст памфлета, отличавшегося антииконоборческой направленностью, не был резок по отношению к Льву III и Константину V, поскольку основная вина возлагалась на Висира-Сарандапиха. Автор этого памфлета (предположительно, патриарх Тарасий или кто-то из его окружения) не мог открыто критиковать династию, к которой принадлежал Константин VI, поскольку в нем видели единственную альтернативу Ирине²⁸⁶. Уже Феофан, включивший эту историю в свое сочинение, не чувствовал необходимости преуменьшать роль Исавров в установлении иконоборчества.

В изложении Никифора акценты смещены так же, как и в изначальном тексте. Никифор прямо утверждает, что причиной возникновения иконоборчества были «не

²⁸³ Таким образом, Никифор продолжил нумерацию, созданную Иоанном Дамаскиным в книге «О ересях» (CPG 8044), включавшую в своем первоначальном варианте 100 глав. Вероятно, в распоряжении Никифора имелась расширенная версия книги, включавшая 101 главу. Встречающаяся в ряде рукописей глава 102 «Христианообвинители» представляет собой, по мнению Б. Коттера, упрощенный и сокращенный текст Никифора: Die Schriften des Johannes von Damaskos. Liber de haeresibus. Opera polemica / Besorgt von P. B. Kotter. В.; N.-Y., 1981 (Patristische Texte und Studien 22). S. 4–5.

²⁸⁴ В настоящей работе мы не затрагиваем вопрос о роли внешнего, в частности мусульманского, влияния в становлении византийского иконоборчества. Подробнее об этих вопросах см.: *Vasiliev A. A. The Iconoclastic Edict of the Caliph Yazid II, A. D. 721 // Dumbarton Oaks Papers 9 (1956). P. 23–47; Grabar O. Islam and Iconoclasm // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 45–52.*

²⁸⁵ Обзор источников см. в: *Afinogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet Against Leo III and Constantine V? // Eranos 100 (2000). P. 3–5; Iconoclast Era. P. 264–265.*

²⁸⁶ Ibid. P. 17.

императорский, но иудейский замысел и коварство» (οὐ βασιλικὸν, ἀλλ' Ἰουδαϊκὸν τὸ φρόνημα τοῦτο καὶ κακούργημα – АА. 528В). Интересно, что в других иконопочитательских сочинениях акценты расставлены совсем иначе. Так, автор «Жития» Никиты Мидийского (ΒΗΓ 1341) специально подчеркивает, что «другие ереси имели начало от епископов и менее высоких пресвитеров, а эта от самих властителей... и те составились от догматических учений и споров, постепенно набирая силу, а эта от царской власти»²⁸⁷. В более поздних источниках, например, у патриарха Фотия, обвинения смыкаются: с одной стороны, ересь иконоборчества прямо названа «исаврийским богоборческим учением» (τῆς ἰσαυρικῆς καὶ χριστομάχου γνώμης), что предполагает именно императорскую инициативу, с другой – сохраняется и мотив внешнего влияния, поскольку «богоборческое учение» было привнесено «пробравшимися в ромейскую власть полуварварскими и незаконнорожденными племенами» (τῶν ὑφερπυσάντων ἀρχῇ τῇ Ῥωμαίων μίξοβαρβάρων καὶ νόθων γενῶν), что, вне всякого сомнения, намекает на «восточное» происхождение Исавров²⁸⁸.

Упоминания о Льве III (реальном инициаторе иконоборческих мер) в «*Apologeticus atque Antirrheticus*» почти отсутствуют: о нем Никифор говорит только в главе 71 «Третьего Антирретика», не называя по имени, указывая только на то, что Константин мучается в Аду вместе со своим отцом и сонаследником (АА. 508А). А в главе 84 он представлен, скорее, как случайная жертва, поскольку сказано только, что «корень этой горечи, привившийся и в Ромейском государстве, достиг и тогдашнего правителя...»²⁸⁹. Таким образом, складывается ощущение, что иконоборчество могло бы распространиться и без участия императора.

Однако причины, по которым Никифор предпочитает выстроить именно такую схему, не совпадают с мотивами автора изначального памфлета. Задача Никифора в

²⁸⁷ ...αἱ ἄλλαι μὲν αἰρέσεις ἀπὸ ἐπισκόπων καὶ κατωτέρων πρεσβυτέρων τὴν ἀρχὴν εἰλήφασιν, αὕτη δὲ ἐξ αὐτῶν τῶν κρατούντων... καὶ ἐκεῖναι μὲν ἀπὸ τοῦ δογματίζειν καὶ ἀντιφιλονεικεῖν συνεκροτήθησαν, κατὰ μικρὸν τὴν ἰσχὺν προσλαβόμεναι· αὕτη δὲ ἐκ βασιλικῆς δυναστείας – Vita s. Nicetae confessoris // AASS. Aprilis. T. 1. Cap. 27. P. XXVII. Перевод цит. по: Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. Исповедника Никиты / Пер. Д. Е. Афиногенова. М., 2001. С. 119

²⁸⁸ Φωτίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως λόγοι καὶ ὁμιλίες / Ἐκδ. Σ. Ἀριστάρχου. Κωνσταντινούπολις, 1900. T. 2. Σ. 298, 300; The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople / English Translation, Introduction and Commentary by C. Mango. Cambr. Mass., 1958. P. 289, 291.

²⁸⁹ ...τῆς πικρίας ἐκείνης ἢ ῥίζα τῇ Ῥωμαϊκῇ ἐμφυεῖσα πολιτεία, φθάνει καὶ μέχρι τοῦ τότε κρατοῦντος – АА. 532А.

другом – он должен, показав примеры удачных правлений благочестивых императоров и доказав, что он не является противником царской власти как таковой, показать иконоборческому императору шаткость его опоры, разделив таким образом противников на два лагеря. Именно поэтому постоянно подчеркивается главенство епископов, а не самого императора в деле установления второго иконоборчества.

Отметим, что иногда Никифор высказывается в подобном смысле и о Константине V, который, казалось бы, должен быть представлен как абсолютно самостоятельный и своевластный правитель. Никак иначе нельзя объяснить регулярно появляющиеся в тексте трактата упоминания о «предводителях» Константина (οἱ ἄγῶντες), которым тот подчиняется. Так оказывается, что даже он действовал «повинуясь советам предводителей» (ταῖς τῶν ἀγώντων ὑπαγόμενος εἰσηγήσει – АА. 217С) или же «по обману своих предводителей» (τῇ τῶν ἀγώντων ἐξάπατῃ – АА. 233А). Возможно ли, что Никифор вновь отсылает читателя к легенде о Сарандапихе? Один фрагмент позволяет думать, что это именно так: в главе 45 «Первого Антирретика» Никифор, описывая этих «предводителей» (ἄγουσιν) Константина, употребляет слово «прорицатели» (χορησμοδοῦσι), которое напоминает о предсказании Сарандапиха, обещавшего Язиду долголетие и процветание в обмен на уничтожение икон (АА. 317С).

Указанные и другие сходные фрагменты (АА. 313В, 344С), конечно, не могут свидетельствовать о каком-либо прощении Константина, однако сама тенденция прослеживается весьма отчетливо: реальная ответственность за иконоборчество лежит не на императоре (даже таком нечестивом, как Константин)²⁹⁰. Обратим внимание, что в «Обличении и опровержении» Никифор замечает, что вина разных иконоборцев неодинакова, те, кто увлек других против их воли, понесут двойное наказание, как за себя, так и за тех, кого они совратили, поскольку те «были принуждены идти к нечестию против воли» (ὡς ἠναγκασμένων ἵεναι καὶ ἀκουσίως πρὸς τὴν ἀσέβειαν – REv. Cap. 1, 25–26).

Истинные проводники иконоборчества второго периода обозначены очень условно, очевидно, что это иереи, лишенные сана за некие канонические преступления, однако дальше их образ приобретает совершенно невероятные черты. В главе 68 «Третьего

²⁹⁰ В этом аспекте мы расходимся с Д. Е. Афиногеновым, утверждающим, что Никифор «считает иконоборчество прежде всего императорской ересью, в которую отдельные представители клира увлекаются с помощью насилия, запугивания или подкупа» (Афиногенов. Патриархат. С. 120). На наш взгляд, такая трактовка скорее подходит для других произведений Никифора (например, «Обличения и опровержения»), нежели для «Apologeticus atque Antirrheticus».

Антирретика» говорится, что некие приспешники Константина V после восстановления православия при Ирине были изгнаны из Константинополя и примкнули к некоей манихейской секте, чтобы при Льве V вернуться и сбить с истинного пути священнослужителей и императора (AA. 501BC). На них и возлагается вся ответственность за современное Никифору положение дел в Церкви и в империи в целом. С другой стороны, в самом начале «Большого Апологетика» (AA. 544CD) говорится, что от людей опытных тайный план истинных проводников иконоборчества не укрылся. Они, «будучи прежде мирянами» (ἐν λαϊκοῖς τὸ πρὶν τελοῦντες), движимые стремлением к пустой славе, специально приняли постриг, чтобы «тайным образом достичь священства и занять место в церковной иерархии» (εἰς τὴν ἱεροσύνην καὶ τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς καταλόγου λαυθάνοντες εἰσεφθάρησαν) и тогда разрушить Церковь изнутри (AA. 544CD).

3.2.4. Предостережение Льву V

Вся логика рассуждения Никифора ведет к тому, что иконоборческая политика оказалась во всех отношениях губительной для Империи, и именно это обвинение выносится в самый конец произведения, перед выводом о том, что иконоборчество является ересью: «из-за этого случилось так, что на Ромейскую империю обрушились несчастья и она умалилась»²⁹¹. Таким образом, рушится вся аргументация иконоборцев второго периода, ориентировавшихся на политические успехи Константина V²⁹². Византия в изображении Никифора представлена чуть ли не единственным местом, где до сих пор сохраняется иконоборчество, и, таким образом, оказывается в недружелюбном окружении, что грозит обострением отношений с соседями и окончательным распадом державы: «Множество стран, больших городов и народов, у которых сохранилась наша благочестивая вера, и в особенности те, кто живет на Западе, отступились от нас»²⁹³. То есть для Никифора потеря империей территорий оказывается однозначно негативным фактом, даже несмотря на то, что именно отпавшие территории сохранили правую веру, защитником которой он выступает.

²⁹¹ ...ἐξ ὧν... κεκακῶσθαι τὰ τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς καὶ ἠλαττώσθαι συμβέβηκε – AA. 525D.

²⁹² Сходная трактовка полемической задачи Никифора предложена в: *Caegi W. E. (jr.) Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation.* Amsterdam, 1981. P. 264.

²⁹³ ...πλεῖσται ὅσαι χῶραι καὶ πόλεις μεγάλαι καὶ λαοὶ, οἷς τὸ εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς πίστιν εὐσεβῆς τετήρηται, καὶ τούτων μάλιστα τὰ πρὸ ἡλίου καταδυόμενον πρόσοικα γένη πρὸς ἀπόστασιν εἶδον – AA. 525C.

Это место можно сравнить с эпизодом из «Жития» Стефана Нового, где идет речь о начале гонений на иконопочитателей при Константине V. Стефан собирает монахов своего монастыря и рассказывает о патриархах, осудивших иконоборческую ересь, советуя бежать из Византии. Также он подробно перечисляет все те места в пределах империи, где можно укрыться от преследований, однако создается впечатление, что таких мест мало и по большей части все территории подчинились Константину («Ибо не осталось кроме того²⁹⁴ ни одного города во владениях дракона, который бы не подчинился его пустословию»)²⁹⁵. Это объясняется иной задачей автора: создателя «Жития» интересует личный подвиг веры святого, добровольно отказавшегося от попыток скрыться или как-либо еще избежать казни. Поэтому монахи, спасшиеся на Кипре или в Риме, описываются с жалостью и сочувствием, их решение по сравнению с решением Стефана выглядит недостойно²⁹⁶.

Кто именно, по мнению Никифора, угрожает благополучию империи и на кого именно нельзя опираться Льву V?

Во второй части «Третьего Антирретика» подробно описывается ненадежная социальная база иконоборчества. С одной стороны, ее составляют просто люди, достаточно низко стоящие на социальной лестнице: в главе 64 дается красочное описание того, как Константин поставил на значимые места в Церкви «свинопасов, овчаров и пастухов быков, взяв их из хлевов, бычьих загонов и с козьих пастбищ»²⁹⁷. Одним из самых частых эпитетов, которыми Никифор наделяет иконоборцев, является слово «κτηνώδης» (звероподобный) или «ἄγριος» (дикий).

Вторая группа представляет гораздо больший интерес. Это отставные военные, совершившие некие преступления и поэтому лишенные права носить оружие; они нищенствуют и, образуя шайки, грабят простых граждан и подстрекают их на мятежи и

²⁹⁴ То есть кроме трех ранее названных Стефаном регионов: Северного побережья Черного моря, Рима и Южной Италии и Кипра.

²⁹⁵ οὐ γὰρ ὑπολείπεται ἄλλος τις τόπος, ὅστις ἐστὶν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τοῦ δράκοντος, μὴ πειθαρχήσας αὐτοῦ τῇ κενοφωνίᾳ – *La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre* / Ed. M.-Fr. Auzépy. Aldershot, 1997 (ВВOM 3). Par. 28.

²⁹⁶ Подробнее о географии иконоборчества в связи с речью Стефана см.: *Auzépy. L'Hagiographie et l'Iconoclasme*. P. 270–284; *Ahrweiler H. The Geography of the Iconoclast World // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975* / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 21–27.

²⁹⁷ ...αὐτοὺς σοφορβοὺς, μηλοβότας τε καὶ βοονόμους, τῆς σοβορίας καὶ τῶν βοοστασίων καὶ αἰπολίων – AA. 493C.

волнения (АА. 292А)²⁹⁸. Они и оказываются главными виновниками бед, обрушившихся на Византию. Упомянуть их в числе ответственных за установление иконоборчества было необходимо, чтобы показать Льву V, пришедшему к власти при поддержке армии, всю шаткость его положения.

Рассмотрим подробнее, как именно описывает Никифор эту социальную группу. Сам выбор лексики для характеристики отставных военных должен был вселять неуверенность в их надежности: они представлены «вечными любителями мятежей и новшеств» (στάσεσι τε γὰρ καὶ καινοτομίαις ἀεὶ χαίρουσιν – АА. 492А), готовыми в любой момент обратиться против своих прежних благодетелей, если вдруг их материальное положение ухудшится. Возникает ощущение, что опасна эта неуправляемая толпа, в первую очередь, не столько защитникам иконопочитания, сколько правителям, и особенно императору. Никифор сравнивает этих солдат с египтянами, которые восстали против своих властителей (АА. 492D). При этом, разумеется, он не может прямо угрожать социальными потрясениями, которые последуют, если Лев V не откажется от проводимой им иконоборческой политики. Автор делает это при помощи намеков: формально все его фразы о том, что эти шайки солдат верны, лишь пока получают в достатке средства, завершаются указанием на то, что они обратились к иконоборчеству именно потому, что им перестали выдавать пищу. Однако не вызывает сомнений, что, соверши Лев V хоть малейшую оплошность, его бывшие приверженцы обратятся против него, так как иконоборчество для них не только и не столько духовное учение, сколько способ лучше устроиться в материальном плане, ведь веру они «измеряют не правотою догматов, а изобилием пищи» (ἀδρότητι βρωμάτων ἢ ὀρθότητι δογμάτων ταύτην ταλαντεύοντες – АА. 492С).

В других главах Никифор также периодически предостерегает Льва от излишней самоуверенности. После обычной философской фразы о том, что мирская слава приходит и увядает подобно полевым цветам, он говорит также и о вполне земных причинах исчезновения великих империй: это «φρονήματα πλήθους» (мнения толпы) и «γνώμαι διαστασιάζουσαι» (враждующие точки зрения – АА. 396А). Последнее слово отсылает к «στάσις» (восстание), что так же, как и в предыдущем случае, можно трактовать как некое предупреждение. Понять, что для Никифора скрывается за словом «διαστασιάζουσαι», можно исходя из одной его ремарки при описании победы

²⁹⁸ П. Александер предполагает, что реальной социальной опорой иконоборцев второго периода оказались военные подразделения, набранные при Никифоре I и демобилизованные при Михаиле Рангаве за свои иконоборческие убеждения (*Alexander. Nicephorus. P. 121–125*).

Константина V над болгарами. Никифор утверждает, что слава победителя приписывается императору незаслуженно, так как он сумел покорить противников только благодаря внутренним конфликтам в их племенах. В этой фразе также употреблен интересующий нас глагол: «Константин застал этот народ борющимся со своими собственными властителями»²⁹⁹. Затем Никифор добавляет: «И такое происходит с ними часто, поскольку они воспитаны в варварских обычаях»³⁰⁰, т. е. любовь к восстаниям приписывается именно варварам. Если соотнести это высказывание с тем, что говорилось о солдатах, поддержавших Константина V и ставших опорой Льва V, то станет понятно, что Никифор предостерегает императора от судьбы варварских народов³⁰¹.

Таким образом, мы приходим к выводу, что почти вся аргументация, обращенная к Льву V, строится в политической плоскости. Приводя Константина V в качестве примера нечестивого императора, Никифор предостерегает Льва от ошибок, совершенных его предшественниками. Он показывает, что обращение к тираническим методам правления, опора на ненадежные и непостоянные армейские слои и вторжение императора в сферу деятельности Церкви ведет к совершенно конкретным политическим обострениям и в конечном итоге к мятежу и развалу страны³⁰². В то же время Никифор показывает себя человеком, для которого целостность и благополучие империи являются ценностями первостепенной важности. Он не покушается на авторитет императорской власти как института и приводит примеры православных правителей, стяжавших славу и укрепивших державу.

Никифор прямо говорит о том, что примирение со Львом возможно, если тот откажется от политики иконоборчества. Он делает это перед рассказом об истории этой ереси: «Но если ты еще не настолько поработен неверием, ты попытаешься выбраться из обмана, в который ты погружен теперь, и устремись к правоте истины»³⁰³. Подобным

²⁹⁹ τὸ ἔθνος περὶ τοὺς οἰκείους ἡγεμόνας διαστασιάζον κατέλαβε – AA. 508C.

³⁰⁰ καὶ γὰρ τοῦτο πολλάκις ποιεῖν αὐτοῖς εὐπετέες, ἅτε βαρβαρικοῖς ἤθεσιν ἐντρεφομένοις – Ibid.

³⁰¹ Ср. сходный пассаж в «Обличении и опровержении»: «...они <иконоборческие императоры> и для себя не выбрали мира, ибо вся их жизнь была наполнена гневом и волнениями (οἱ γὰρ οὐδὲ καθ' ἑαυτοὺς τὸ εἰρηνεύειν προείλοντο· ἅπας γὰρ αὐτοῖς ὁ βίος θυμῶν καὶ ταραχῶν ἐπίμεστος ἦν – REv. Cap. 24, 35–37).

³⁰² Невозможно согласиться с гипотезой П. Александра, что фигура Константина V выбрана Никифором исключительно для того, чтобы обезопасить себя от новых репрессий (*Alexander . Nicephorus...* P. 187–188).

³⁰³ ἄλλ' εἰ μὴ τοσοῦτον προκατεσχέθης τῇ ἀπιστίᾳ, ἐκπονηθήσεται δέ σοι τῇ πλάνῃ καταδύεντι ποτὲ ἀνανήξασθαι, καὶ πρὸς τὴν τῆς ἀληθείας ἀποσκοπήσαι εὐθύτητα – AA. 528B.

же обращением он завершает и все произведение: «Теперь от вас, обладающих полнотой власти, зависит, что выбрать: благое и спасительное, или же дурное и вредное»³⁰⁴.

Однако, по всей видимости, такое обращение предполагало со стороны императора не только формальное признание православных догматов об иконопочитании, но и некие политические шаги (удаление иконоборческого клира, отказ от прежних союзников, признание большей независимости Церкви от государства и т.п.), на которые Лев V пойти не мог. Низложенный патриарх Никифор остался в ссылке, а приобретший к 820 г. множество врагов и недоброжелателей и крайне непопулярный император³⁰⁵, был убит своим бывшим союзником Михаилом Аморийским. Правление Льва V продолжалось, как это и предсказывал Никифор, крайне недолго, всего 7 лет – с 813 по 820 год.

³⁰⁴ ἐφ' ὅμιν λοιπὸν κεῖται αὐτεξουσίαις γε οὖσι, τὸ ἀγαθὸν καὶ σῶζον, ἢ τὸ φαῦλον καὶ βλάπτον ἐλέσθαι – АА. 533А.

³⁰⁵ Афиногенов. Повесть. С. 35–38.

Глава 4. «Apologeticus atque Antirrheticus» как источник для реконструкции «Вопрошаний» Константина V

Анализируя «Apologeticus atque Antirrheticus», нельзя обойти молчанием вопрос о возможности реконструкции не известного по иным источникам сочинения (или же сочинений), приписываемого Никифором Константину V. Хотя история исследования этого вопроса уже была кратко изложена нами во Введении, напомним, что благодаря реконструкциям Б. М. Мелиоранского, Г. А. Острогорского, Г. Хеннепхофа и И. Рохов, а также критическим замечаниям С. Геро и П. Шпека сам состав фрагментов, восходящих к утраченному произведению, в общих чертах установлен и не вызывает сомнений³⁰⁶. Уточнения возможны только относительно отдельных цитат: так, например, ряд фрагментов, выделенных Г. Хеннепхофом, в действительности, представляет собой даже не пересказ источника, а рассуждения Никифора (*Hennephof. Frg. 175, 185*). С другой стороны, на наш взгляд, список фрагментов может быть незначительно расширен за счет выделения новых цитат: например, AA. 233AB: inc. προελθῶν γὰρ Θεὸς... des. ...τῶν ἐναντίων; AA. 376AB: inc. πόθεν... des. ...παρείληπται.

Значительно более серьезным упущением является отсутствие обобщающего исследования, которое бы позволило рассмотреть выделенные фрагменты как цельный текст, изучив его жанровую природу, композицию и стилистику. На наш взгляд, полноценный анализ его богословского содержания возможен только после филологического осмысления.

4.1. Название, жанр и датировка «Вопрошаний»

При опровержении иконоборческих положений Константина Никифору приходилось каким-то образом постоянно обозначать их, однако проблема установления оригинального названия так и не решена. Очевидно, что полемическая направленность трактата диктовала автору свои условия: чаще всего используются уничижительные наименования, которые ни при каких условиях не могли бы употребляться по отношению к этим работам самим Константином. Уже заглавие «Антирретиков» предлагает один из таких невозможных вариантов: они названы «пустопорожним вздором (κενολογηθέντα ληρήματα) против спасительного Воплощения Бога-Слова» (κατὰ τῆς σωτηρίου τοῦ Θεοῦ Λόγου σαρκώσεως)).

³⁰⁶ См. Приложение 2.

Ничто даже отдаленно напоминающее это не могло стоять в заглавии работы Константина, о чем свидетельствует хотя бы то, что Никифор вскоре замечает, что его оппонент все же «притворяется», что почитает Воплощение, а на деле (ἔργῳ δὲ) отвергает его (АА. 209В). В других случаях самыми частыми определениями работ Константина оказываются слова «пустопорожние речи» (κενολογηθείσας φωνάς – АА. 212D) и «лживые рассказы» (ψευδομυθήμασιν – АА. 208D).

Авторы реконструкций работ Константина V предложили условное название Πεύσεις, т.е. «Вопрошания»³⁰⁷. Такой вариант основывается на единственном замечании Никифора, помещенном им в самое начало «Второго Антирретика», где говорится, что Константин «завершив, как ему кажется, свой первый вопрос, а вернее даже приказание, в котором он делал своевольные заявления, переходит к другому вопросу»³⁰⁸.

В то же время, выбор именно этого слова для названия не очевиден: Константин сам никогда не говорит о структуре своей работы. Лишь однажды, опять же в начале «Второго Антирретика», упоминается о том, что он «предпринял и вторую главу, чтобы задать вопрос» (ὑπελάβομεν δὲ καὶ ἕτερον κεφάλαιον ἐρωτῆσαι ὑμᾶς – АА. 329А), при этом используется нейтральное слово κεφάλαιον, а на месте ожидаемого πυνθάνομαι (от которого образовано слово πεῦσις) стоит ἐρωτῆσαι. Обратим внимание и на то, что в подзаголовке «Второго Антирретика» («Начало второго вопроса Мамоны») стоит существительное, образованное именно от последнего глагола, – ἀρχὴ τῆς δευτέρας ἐρωτήσεως τοῦ Μαρμωνᾶ.

Никифор использует и другие слова для указания на работы Константина, например, существительное «изыскание» (ζήτησις – АА. 312D). Однако наиболее часто мы встречаем образования от глагола προβάλλω («выставлять», «выдвигать вперед» и, следовательно, «предлагать в качестве вопроса»). Это может быть как перфектное причастие (προβεβλημένας φωνάς – АА. 213D), так и существительное

³⁰⁷ Предложенное Б. М. Мелиоранским название «Инструкция» (Πρόγραμμα), не было принято другими исследователями: *Мелиоранский Б. М.* Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета 59). С. 118.

³⁰⁸ ἀπαρτίσας... ὅπως αὐτῷ δοκεῖ τὰ τῆς προτέρας πεύσεως μᾶλλον δὲ προστάξεως καθ' ἣν τὰ ἐπέξεουσίας ὄντως ἀπεφαίνετο ἐφ' ἑτέραν πεῦσιν μετάγει τὸν λόγον (АА. 329А). Ср. АА. 296С, где также употреблено слово πεῦσις, когда говорится о том, что Константин уже не притворяется больше, будто задает вопрос, но открыто излагает свое мнение.

(προβλήματα – АА. 213CD, 213D, 215А, 241А, 240С, 257С, 265С, 289АВ, 312В, 312С).

Именно это последнее слово и кажется нам предпочтительным. Тем не менее, в качестве русского варианта названия мы предлагаем слово «Вопрошания», которое может соответствовать в большей или меньшей степени всем приведенным выше греческим вариантам.

Кроме того, оно достаточно точно передает манеру Константина, к которой высказывает претензии Никифор: он говорит о том, что Константин поступает нечестно, «ведя рассуждение в форме вопроса (ἐν σχήματι γὰρ ἐρωτήσεως προάγων τὸν λόγον), но на деле лишь притворяясь, что ищет ответа на свои недоумения (ὑποπλάττεται τὰς λύσεις τῶν ἠπορημένων ἐπιζητεῖν), и с большим своеволием, самодовольством и себялюбием (κατὰ πολλὴν ἐξουσίαν, αὐθαδεῖα πάση καὶ φιλαυτία) выставляет уже заранее составленные удобные ему положения (τὰ αὐτῷ κεχαρισμένα προδιηνυκῶς ἤδη)».

Встретившееся в последнем примере «своеволие» довольно частый пункт обвинения по отношению к Константину у Никифора. Причем применительно к «Вопрошаниям» это слово – ἐξουσία – значит, скорее, не властное действие, понимаемое как проявление императорской власти, но насилие над фактами, необоснованное утверждение, передергивание, противопоставленное правильным умозаключениям, которые всегда опираются на Писание, святоотеческое предание или же на логику: κατὰ τὴν λογικὴν μέθοδον κατὰ γραφικὴν καὶ πατρικὴν ἀπόδειξιν противопоставлено ἄσπερ αὐτῷ ἡ ἐξουσία ἐπέτρπε – АА. 296С. Обвинение в тирании, выдвинутое против Льва V, позволило Никифору применить то же самое слово (τυραννικῶς) по отношению к Константину, однако в данном случае речь опять же идет о насилии не в политической или идеологической сфере, а о насилии над логикой: «Откуда у вас, о таковые, это своеволие: не замечать все остальные свойства тела и тиранически лишать его одной только описуемости?»³⁰⁹.

Все предлагавшиеся до сих пор реконструкции сочинений Константина ставили своей задачей не исследование их как текста, а исключительно получение сведений исторического характера. Нежелание учитывать жанровую специфику вело к тому, что без каких-либо на то оснований сочинения, легшие в основу трактата, отождествлялись с

³⁰⁹ Πόθεν ὑμῖν, ὦ οὗτοι, ἡ ἐξουσία αὕτη, τὰ μὲν ἄλλα τοῦ σώματος παροῦσιν ιδιώματα, τὸ περιγραπτὸν δὲ μόνον τυραννικῶς ὑποσπᾶσαντας ἀποστερεῖν; – АА. 244BC (Ср.: АА. 301С, 348А).

сочинениями, приписываемыми Константину V, о которых мы знаем из других источников.

Рассмотрим эти источники подробнее. Наиболее интересное сообщение о литературной деятельности Константина содержит «Житие» Никиты Мидикийского, в котором после перечисления невероятных еретических взглядов Константина (например, ему приписано знаменитое сравнение Богородицы с пустым кошельком, который не обладает ценностью после того, как из него вытряхнули монеты) говорится о том, что автор «и сам читал тринадцать словес – λογύδια, – лишенных всякого смысла, которые он обнародовал в течение двух недель»³¹⁰.

Очевидно, что тексты, упоминаемые Феостириком, не могут быть отождествлены с источником Никифора: удивляет их количество, предлагается невозможно короткий срок создания, за который в принципе невозможно составить сколько-либо серьезные богословские сочинения³¹¹. Тем не менее подобные утверждения с завидным постоянством появляются в научной литературе. Так, Хеннепхоф в разделе Testimonia перед реконструкцией «Вопрошаний» Константина помещает свидетельство именно из «Жития» Никиты Мидикийского, а Н.-К. Кутраку, опираясь все на то же свидетельство Феостирикта, утверждает, что Константином было написано 13 Πεύσεις³¹².

По всей видимости, следует разграничить два типа сочинений, принадлежавших Константину. С одной стороны, это короткие провокационные работы, возможно, предназначенные для устного воспроизведения (само слово, выбранное Феостириком, отсылает, скорее, к речи, а не к богословскому трактату), которые были составлены за короткий срок и представлены публике³¹³. Вспомним тягу Константина к массовым зрелищным мероприятиям: всенародные клятвы (*Theophanes. Chronographia. P. 437, 11–*

³¹⁰ Αὐτὸς ἐγὼ ἀνέγνων τριακαίδεκα λογύδια, ἅπερ παρέδωκεν ταῖς δυσὶν ἐβδομάδαῖς, πρεσβείαν μὴ ἔχοντα – Vita s. Nicetae confessoris // AASS. Aprilis. T. I. P. XXVIII. Рус. пер. цитируется по: Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. Исповедника Никиты / Пер. Д. Е. Афиногенова. М., 2001. С. 122. «Πρεσβείαν μὴ ἔχοντα» следует понимать именно как «лишенные смысла», те, которым не следует доверять. Таким образом, трактовка, связывающая это высказывание Феостирикта со слухами о том, что Константин отвергал заступничество (πρεσβεία) Богородицы, невозможна (*Martin E. J. A History of the Iconoclastic Controversy. L., 1930. P. 61*).

³¹¹ Gero. Constantine. P. 38–39.

³¹² Koutrakou N.-K. La Propagande Impériale Byzantine: Persuasion et Réaction (VIIIe – X siècles). Athènes, 1994. P. 104.

³¹³ Ср. замечание Никифора о том, что богохульство Константина сохранено не только в речах (οὐ λόγους μόνον), но и в письменных работах (καὶ ἀνάγραφτον – AA. 220A).

12)³¹⁴ и предшествовавшие Иерийскому собору ежедневные пропагандистские «силенции» (*Theophanes. Chronographia. P. 427, 20–21*). Конкретное содержание этих речей неизвестно, однако сомнительно, чтобы в них присутствовала какая-либо богословская аргументация в защиту иконоборчества. Они носили исключительно пропагандистский характер; возможно, именно в них впервые прозвучало слово «ἀμνημόνευτο» по отношению к монахам.

С другой стороны, очевидно, что источник «*Apologeticus atque Antirrheticus*» воспринимался его создателем как достаточно серьезное богословское рассуждение. Уже то, что, по его словам, его противники, создающие иконы, «не достигли глубин учения о неслитном соединении во Христе двух природ» (μη εἰσελθῶν εἰς τὸ βάθος τοῦ δόγματος τῆς ἀσυγχύτου ἐνώσεως τῶν δύο φύσεων τοῦ Χριστοῦ – AA. 329A), свидетельствует о том, что сам Константин был уверен в глубине своих богословских изысканий. А аудитория Константина отнюдь не константинопольские тагмы, или простые горожане, а епископы, к которым он в заключении второго «Вопрошания» обращается с подчеркнутым уважением: «Если мы убедили вас, что верно рассуждаем, на примере одной этой иконы (т. е. иконы Христа), тогда мы представим вам соображения и относительно других икон, чтобы вы рассудили и о них. Мы будем рады вашему суждению, если вы придете к согласию с другими епископами и на разумных основаниях представите свидетельства»³¹⁵.

Логично было бы предположить, что именно с сочинениями первого типа следует соотнести упомянутые Никифором «иные» работы Константина, о которых сам Никифор не имел достаточных сведений и знал только, что по сравнению с его источником они были гораздо более радикальны. Крайне расплывчатая и неконкретная отсылка к другим сочинениям (говорится просто – ἐν ἑτέροις) возникает всякий раз, когда Никифор не находит ничего противного православному учению в тексте, который взялся опровергать. Наиболее яркий пример – вопрос о почитании Девы Марии, о которой говорится, что, хотя в рассматриваемом тексте о ней не сказано ничего дурного, «в иных» работах Константин «желал показать ее всячески обесчещенной» (πολυτρόπως ἡτιμωμένην δεικνύειν ἐβούλετο – AA. 216D–217A). Метод, при помощи которого вводится такая

³¹⁴ Подробнее об источниках, сообщающих о клятве, см.: *Alexander. Nicephorus. P. 13, n. 2.*

³¹⁵ ἐὰν εἰς τοῦτο τὸ ἐν εἰκόνημα πληροφορήσωμεν ὑμᾶς ὅτι καλῶς λέγομεν, τότε καὶ περὶ τῶν ἄλλων εἰκόνων σκοποῦς προαγαγεῖν ἔχομεν ἐνώπιον ὑμῶν, καὶ ὡς κρίνετε καὶ περὶ ἐκείνων. Τῇ γὰρ κρίσει ὑμῶν ἔξομεν ἀσμενίσαι, ὅτε μέλλετε καὶ μετὰ τῶν ἄλλων ἐπισκόπων συμφωνεῖν, καὶ ἐξ εὐλόγων προφάσεων μαρτυρίας παριστᾶν – AA. 340D.

отсылка, и отсутствие всякой конкретики ставят под сомнение не только реальное знакомство Никифора с этими «иными» сочинениями, но и сам факт их существования.

О крайне серьезном отношении Константина к своим богословским сочинениям можно судить по постоянным ремаркам Никифора, который с большой иронией называет своего оппонента то «мудрейшим» (ὁ σοφώτατος – АА. 228В, 257В, 284В), то «пустым богословом» (ὁ κενὸς θεολόγος – АА. 256D), то «великим философом» (φιλοσοφώτατε – АА. 228ВС), то «догматичнейшим» (δογματικώτατος – АА. 269С), то «необоримым и искусненным составителем речей» (ἄμαχος καὶ δεινὸς λογογράφος – АА. 237А) или же просто «великим учителем» (ὁ μέγας διδάσκαλος – АА. 253D) и «мудрецом» (σοφός – АА. 308D, 336А).

Никифор постоянно подчеркивает несоответствие между тем, что думал о своих работах Константин, и тем, чем они являются на самом деле для опытного богослова. По словам Никифора, на первый взгляд необоримые доводы позволили Константину «много о себе полагать и бахвалиться» (μέγα φρονεῖν καὶ βρενθύεσθαι – АА. 316А), так как он думал, что один сумел достичь даже не третьего, а четвертого неба и получить представление о том, что «никто и никогда не познавал» (μυθηῖναι ἃ μηδεὶς μεμάθηκε πώποτε – АА. 329В). Обращаясь к «наиразумнейшему» (συνετώτατος), который «желает рассуждать о догматике» (δογματίζειν βουλόμενος – АА. 221А), Никифор не забывает каждый раз с иронией отмечать «умозрительную возвышенность и высоту догматов» (τῶν δογμάτων τὸ ἐν θεωρίᾳ ἐπηρμένον καὶ ὑψηλόν – АА. 289А).

На самом же деле, все разумное, что есть в его сочинениях, взято им от других (в начале «Первого Антирретика» Никифор рассказывает басню о галке, разукрасившейся чужими перьями, – АА. 224С). Все же, что отражает его собственные взгляды, не серьезнее и не ближе к реальному богословию, чем детский лепет: «И вышло, что его серьезные и искусные аргументы, от которых, как он полагал, нельзя ни уклониться, ни спрятаться, ничем не отличаются от детского лепета. Истинно, все это не лучше ребяческих мыслей и подобающего скорее младенцу рассуждения»³¹⁶. Все измышления Константина, согласно Никифору, могут вызывать лишь смех (АА. 225В), ибо на поверку

³¹⁶ ...καὶ ἐκβέβηκε τὰ τῶν σοβαρῶν καὶ δεινῶν προβλημάτων, ἅπερ ᾤετο ἀδιεξίτητον καὶ ἀναπόδραστον ἔχειν τὴν ἔφοδον, παιδικῶν ψελλισμάτων εἰς μηδὲν διαφέροντα. Νηπιώδους γὰρ ὄντως ταῦτα φρενὸς, καὶ βρεφοπρεποῦς διαθέσεως οὐδὲν βέλτιον διακείμενα – АА. 241АВ.

это «рассказни, не лучше тех, что распевают в женских покоях во время долгих встреч пьяные старухи»³¹⁷.

Старательное опровержение Никифором именно богословской состоятельности работ Константина свидетельствует не только и не столько об их действительной теоретической слабости, сколько о том, что сам автор этих сочинений хотел казаться опытным богословом и это желание ощущалось читателем в самом тоне его работ³¹⁸.

Тем не менее, Константин либо не сумел, либо не захотел до конца соответствовать жанровому канону, на который ориентировался. Фрагмент его сочинения, сохранившийся, к сожалению, только в пересказе, резко выбивается из всего остального повествования, перенося дискуссию из богословской сферы в политическую: «К концу своего сочинения, подводя итог, он замечает следующее. Во-первых, он утверждает, связывая себя клятвой, что ничто из того, о чем была у него речь, не может вызвать подозрений в отчуждении от Христа и проистекающем отсюда бесновании против Его образа. На это он предлагает защитительную речь, в которой рассказывает, почему ему было это приписано. Он говорит, что эта клевета разлетелась не раньше, чем его родственники и близкие, восстав, произвели нововведения. <Клеветники> заявляли о его отчуждении от Бога, и таким образом его осудили многие. Затем множеством страшных клятв... он попытался убедить, что ни на словах, ни на деле таковым не является, и что он позволяет собравшимся епископам вынести решение и суждение об этом учении и примет их постановление»³¹⁹.

³¹⁷...οὐδὲν ἄμεινον εἶναι τῶν ἐν τοῖς γυναικωνίτισι παρὰ τοῖς κωθωνιζομένοις γραῖδιαις κατὰ τὰς μακρὰς ὁμιλίας ἀδομένων μυθολογήματα – ΑΑ. 229В.

³¹⁸ В науке XX в. также можно встретить высокие оценки богословских аргументов Константина (*Martin E. J. A History of the Iconoclastic Controversy. L., 1930. P. 4, 70, 126*).

³¹⁹ ...πρὸς τὸ τέλος τοῦ συντάγματος συμπεραίνων τὸν λόγον, τοιάδε τινὰ διέξεισι. Πρῶτον μὲν κατακρίσει περιδεσμῶν, μηδένα ὧν νῦν ὁ λόγος αὐτῷ γεγένηται, ὑπόληψιν ἐσχηκέναι ὡς ἠλλοτριῶται τοῦ Χριστοῦ. Κάκειῖθεν μαίνεσθαι κατὰ τῆς εἰκόνας αὐτοῦ, ἐν οἷς ἀπολογίαὺν προτείνει, ὅθεν αὐτῷ τοῦτο προστέτριπται. Λέγει γὰρ ὅτι ἐξ οὗ αὐτῷ οἱ πρὸς γένους καὶ οἰκεῖοι ἐπαναστάντες ἐνεωτέρισαν, καὶ μὴν καὶ πρὸ τοῦδε, ὁ μῶμος οὗτος περὶ αὐτοῦ εἰς τοὺς πολλοὺς διαπεφοίτηκεν ὡς ἐδήλου αὐτοῦ τὴν ἐκ Θεοῦ ἠλλοτριῶσιν, καὶ οὕτως αὐτὸν παρὰ τοῖς πλείοσι κρίνεσθαι. Εἶτα ὅρκους ὡς φοβεροῖς καὶ πλείστοις <...> πείθειν ἐσπούδαζεν <...> μήτε ἐν λόγῳ, μήτε ἐν πράξει γενέσθαι τοιοῦτον, καὶ τὴν περὶ τοῦ δόγματος αὐτοῦ ψῆφον καὶ κρίσιν τοῖς παροῦσιν ἐπισκόποις ἀναθεῖς, ὡς δέξεται τὰ παρ' αὐτοῖς δεδογμένα... – ΑΑ. 340ВС.

Наиболее интересный момент в приведенной цитате – объяснение природы слухов³²⁰ об отступничестве Константина, о которых он знает, и опасается, что они могут навредить ему, т. е. за его текстом епископы увидят нечто большее, чем просто обоснование иконоборчества. Ответственность за распространение этих слухов возлагается на «родственников и близких». Самой очевидной трактовкой было бы отождествление этих людей с Артавасдом (входит в категорию родственников) и патриархом Анастасием, коронованным Артавасдом и его сына Никифора (*Theophanes. Chronographia*. P. 408, 17–18; 417, 24–25). При подобной трактовке, которой придерживается ряд исследователей³²¹, время возникновения слухов о еретических взглядах Константина, предполагавших нечто большее, нежели просто обвинение в иконоборчестве, переносится в 741–743 гг. С другой стороны, подобная датировка вступает в противоречие с принятым большинством исследователей мнением о том, что, вопреки сообщениям историографов, восстание Артавасда не носило иконопочитательского характера, поскольку вопрос об иконах на данном этапе вообще не интересовал противоборствующие стороны³²².

Это обстоятельство заставляет предложить иную датировку кампании диффамации Константина V – середина 760-х гг. Именно в этот период (через 10 лет после Иерийского собора) Константин приступает к репрессиям, описываемым хронистами и агиографами как гонения на иконопочитателей и монахов³²³, в действительности же ставшим ответом на крупномасштабный заговор, в центре которого стояли Стефан Новый³²⁴ и братья Константин и Ставракий Подопагуры, казненные 21 августа 765 г. (*Theophanes. Chronographia*. P. 437, 25–438, 26). Также в заговоре принимал участие патриарх Константин, бывший близкий друг (οἰκεῖος?) Константина³²⁵, в уста которого Георгий Монах вкладывает обвинение Константина в том, что тот не считает Христа Богом, а Марию – Богородицей³²⁶. Феофан сообщает, что 30 августа 766 г. Константин был

³²⁰ О слухах как о методе пропаганды см.: Koutrakou N.-K. *La Propagande Impériale Byzantine: Persuasion et Réaction (VIIIe – X siècles)*. Athens, 1994. P. 181–192.

³²¹ Speck P. *Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren*. Bonn, 1981. S. 245–266; *Rochow. Konstantin*. S. 23–24; *Iconoclast Era*. P. 255–256.

³²² *Gero. Constantine*. P. 14–22.

³²³ *Rochow. Konstantin*. S. 59–65.

³²⁴ *Auzépy. L'Hagiographie et l'Iconoclasme*. P. 58–60, 85.

³²⁵ *Rochow I. Konstantinos II. (754–766) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999. (BBS 5). S. 30–31.*

³²⁶ *Georgii Monachi Chronicon*. II. P. 756.

низложен и сослан по обвинению в участии в заговоре (*Theophanes. Chronographia*. P. 438, 26–439, 5), а 15 октября 767 г. казнен (*Theophanes. Chronographia*. P. 442, 7).

На наш взгляд, есть все основания связывать упоминаемые Константином слухи с описанным заговором: во-первых, высокопоставленные (Константин Подопагур был патриkiem и логофетом дрома) заговорщики представляли серьезную угрозу, о чем свидетельствует жестокая расправа и репрессии, продолжавшиеся еще несколько лет, во-вторых, как мы видели, заговорщики распространяли слухи о радикальных взглядах Константина V, желая дискредитировать его в глазах иконоборческой партии. Таким образом, Константин был вынужден не только наказать противников, но и представить в качестве ответа на эти слухи своеобразное оправдание, которым и стали «Вопрошания». Собравшиеся епископы, которым они были представлены, должны были подтвердить свою верность императору, а он, в свою очередь, – уверить их в том, что он не собирается отступать от официальной иконоборческой доктрины, провозглашенной Иерийским собором.

На данном этапе каждая из предложенных датировок нуждается в проверке, а вопрос об инициаторах пропагандистской кампании против Константина остается открытым и требует дальнейшего изучения. Соответственно не может быть с абсолютной точностью определено и время создания «Вопрошаний». В любом случае, мы видим, что теория Г. А. Острогорского и С. Геро, связывающая «Вопрошания» с подготовкой к Иерийскому собору³²⁷, не может быть признана убедительной. В свою очередь, их жанровая специфика определяется однозначно: это не было богословское сочинение в чистом виде. В таком случае, «Вопрошания» необходимо рассматривать под иным углом зрения, чем это делается обычно: независимо от реальных убеждений автора в них просто не может содержаться никаких положений, которые бы позволили выдвинуть обвинение в «отступничестве».

4.2. Стиль, риторика и структура «Вопрошаний»

Наблюдения над языком и риторической манерой «Вопрошаний» почти не интересовали авторов предыдущих реконструкций. Некоторые соображения на этот счет были высказаны С. Геро, отметившим, что языку Константина не хватает точности и выверенности формулировок опытного богослова; что его работа изобилует повторами,

³²⁷ Gero. Constantine. P. 38.

однако в ней чувствуется желание писать высоким, афористичным стилем, ведущее к появлению лаконизмов, которые подчас не могут быть адекватно поняты³²⁸.

На наш взгляд, основным источником в данном случае должны стать филологические комментарии Никифора. При этом нас будут интересовать те места, в которых Никифор высказывает претензии к «Вопрошаниям» именно как к теоретическому рассуждению, осуждая не их еретическое содержание, а способ его выражения, т. е. ошибки методологического характера. Такое отношение Никифора, заявленное в самом начале «Первого Антирретика»³²⁹, представляет собой достаточно редкое и интересное явление во всей антииконоборческой полемике и позволяет судить не только о тексте источника, но и об установках самого Никифора – какие приемы он считал невозможными в рассуждении, каких слов рекомендовал избегать, когда советовал употреблять метафоры и т.п.

При этом Никифор предъявляет достаточно высокие требования к сочинению, что еще раз косвенным образом указывает на то, что оно позиционировалось автором как богословское и ученое. Наряду с очевидным обвинением в тавтологии³³⁰ и непоследовательности³³¹, Никифор высказывает и менее очевидные претензии. Так, он указывает на то, что в богословском рассуждении нельзя пользоваться общими понятиями и определениями, как это свойственно Константину, поскольку это делает предмет разговора неконкретным и открывает простор для манипуляций: «Он пользуется общим определением (τῷ καθολικῷ δὲ προσδιορισμῷ κέχρηται), чтобы все подумали, что он ведет речь вообще о всякой иконе (περὶ πάσης εἰκόνοσ τὸν λόγον ποιεῖσθαι), и никто не мог его заподозрить... (АА. 225А)». Рассуждая о важных богословских вопросах, требующих большой точности, необходимо, по мнению Никифора, употреблять слова в их основном, терминологическом значении (ταῖς κυρίαις τῶν λέξεων σημασίαις), а не

³²⁸ Ibid. P. 38–44. Ср. замечание П. Брауна о стиле Константина как о стиле «Иван Грозный à la Эйнштейн»: *Brown P. A Dark Age Crisis: Aspects of the Iconoclastic Controversy // English Historical Review 88 (1973). P. 4.*

³²⁹ Никифор указывает, что его будет интересовать и то, «каким образом» (ὡς τρόπον) обращается Константин к своей аудитории (АА. 216В).

³³⁰ Константин «говорит одно и то же и снова повторяет одно и то же об одном и том же» (ταυτοειποῦντι... καὶ τὰ αὐτὰ περὶ τῶν αὐτῶν διεξιόντι – АА. 313А). Ср.: АА. 329А, 340В.

³³¹ «И в этом можно только поражаться неосновательности и шаткости его ума: то, о чем он только что утверждал как об истинном теле Христа в собственном смысле, ныне он называет образом Его тела» (Καταπλαγεῖη δ' ἄν τις αὐτοῦ καὶ ἐν τούτοις τὸ ἀπαγὲς τοῦ νοῦσ καὶ ἀστάθερον· ὅτι γε ὅπερ πρό μικροῦ κυρίως καὶ ἀληθῶс σῶμα Χριστοῦ δισχυρίζετο λαμβάνειν, τὸ αὐτὸ νῦν εἰκόνα τοῦ σώματος αὐτοῦ καταγράφει – АА. 336А).

использовать синекдоху или иной троп (κατὰ συνεκδοχήν, ἢ καθ' ἕτερον τρόπον – ΑΑ. 236ΑΒ). Сравним сходный фрагмент в «Обличении и опровержении»: «Разумные могут заметить здесь скрытое коварство и примитивность и несуразность способа выражения мысли: взявшись строить свою речь против икон, они рассуждают вообще и неопределенно, а каких <первообразов> эти иконы и чьи они, и кого изображают и чью память сохраняют, этого они вовсе не добавляют, оставляя это слово как бы висеть в воздухе... Им следовало бы – поскольку слово «икона» есть понятие относительное, которое никогда не помыслится отдельно, особенно когда употреблено в собственном смысле (потому что всегда с ним мыслится и то, к чему оно относится), – четко сказать, чья это икона и подобие, чтобы стало ясно, что они имеют в виду»³³².

Отметим, что сам Никифор всякий раз после такого неточного, нетерминологического употребления, допущенного им самим, считает необходимым поправиться и пояснить, почему это было сказано именно так: «мы и сами выше пользовались этими словами как придется, чтобы не нарушить последовательности речи, иногда в прямом смысле, сохраняя присущее значение слова, а иногда ведя рассуждение, не обращая внимания на их различие; но мы обещали представить знание о них и провести различие между ними, показав, чем они отличаются друг от друга»³³³.

Отсюда вытекает и общая претензия к стилистике Константина: он не владеет необходимым философским инструментарием, например, не понимает, чем отличаются «подобие» (ὁμοίος) и «тождество» (ταὐτόν), что в свою очередь ведет к смешению двух понятий: «иной и иной» (ἄλλος καὶ ἄλλος), предполагающего природное различие, и «иное и иное» (ἄλλο καὶ ἄλλο), употребляющегося по отношению к ипостасям

³³² ...ἔξεστιν συνιδεῖν ἐνταῦθα τοῖς συνιοῦσιν τοῦ δόλου τὸ κεκρυμμένον καὶ τοῦ τρόπου τὸ ἀγεννὲς καὶ ἀλλόκοτον. κατ' εἰκόνων γὰρ τὸν λόγον ἐπικεχειρηκότες ποιεῖσθαι, ἀπλῶς καὶ ἀδιορίστως προΐασιν· ὁποίων γὰρ τοὶ καὶ τίνων εἰκόνες χρηματίζουσιν καὶ τίνας εἰκονίζουσιν καὶ ὧν τὴν μνήμην ὑπαγορεύουσιν, οὐδαμῶς ὅλως προστιθέασιν, ἐν μετεώρῳ δὲ τὸν λόγον καταλελοίπασιν... ἐχρῆν γὰρ αὐτούς, ἐπειδὴ τῶν πρὸς τι τὸ ὄνομα, ὃ μοναχῶς οὐποτε νοηθήσεται ὅταν γε κυρίως μάλιστα λέγοιτο (συνεπινοούμενον γὰρ ἔχει καὶ πρὸς ὃ τὴν ἀναφορὰν κέκτηται), φράσαι σαφῶς καὶ οὐτινος ἢ εἰκῶν εἶη καὶ τὸ ὁμοίωμα, ὡς εὐδιάγνωστον εἶναι καὶ τὸ ἀπ' αὐτῶν δηλούμενον – REv. Cap. 7, 6–2.

³³³ ...ἐν τοῖς ἀνόπιν εἰρημένοις, ὡς ἂν τοῦ λόγου τὸ συνεχὲς μὴ διακόπτοιο, ὡς ἔτυχε ταῖς φωναῖς καὶ αὐτοὶ κατεχρησάμεθα· ἔνθα μὲν κυρίως, καὶ τὸ ἴδιον τῆς λέξεως τηρήσαντες σημαίνόμενον, ἔνθα δὲ πρὸς τὸ ἀδιάφορον ἰδόντες, τὸν λόγον ποιησάμενοι· ἐπηγγέλμεθα δὲ τὴν τούτων παραστῆσαι καὶ διαρθρῶσαι γινῶσιν τε καὶ διάκρισιν, καὶ ὅτῳ πρὸς ἄλληλα διαφέρουσιν... – ΑΑ. 353D–356A.

(АА. 281АВ)³³⁴. Он не знает, что есть причина, а что следствие (αἰτίου καὶ αἰτιατοῦ – АА. 229В), а эти понятия чрезвычайно важны при рассуждении об иконе (АА. 277С). С другой стороны, Константин объясняет вещи, не подвергающиеся сомнению, самоочевидные и не нуждающиеся в каких-либо доказательствах (μηδὲ ἀποδείξεως τῆς περὶ τούτων ὀπωσοῦν δεηθεῖς – АА. 337D-340A). Он употребляет слова, невозможные в теоретическом рассуждении, такие как «если бы мы пожелали» (ἂν θελήσωμεν), а это ведет к тому, что автор сочинения поступает по произволу, «постановляет и утверждает по своему желанию» (ὡς ἂν ἐθέλοι νομοθετῶν καὶ δογματίζων – АА. 336АВ).

Вывод, который делает Никифор на основании своих размышлений над манерой Константина, заключается в том, что тот не обладает ни «следами благочестия» (ἐναυσμα εὐσεβείας), ни «хотя бы крупницей логики» (λογικῆς ἐπιστήμης καὶ βραχὺ γοῦν τι – АА. 229В), что для Никифора одинаково плохо.

Серьезным аргументом в пользу невозможности какой-либо реконструкции сочинений Константина на основе «Apologeticus atque Antirrheticus» могло бы стать доказательство того, что Никифор располагал не полным текстом опровергаемой работы, а только выдержками из нее. Подобная гипотеза была высказана С. Геро после внимательного изучения «Первого Антирретика» и цитат из Константина, с которых собственно начинается опровержение³³⁵. Суть аргумента заключается в том, что в тексте Константина, как он сохранился у Никифора, наблюдается явный пропуск, который не может быть объяснен простым нежеланием Никифора включать в опровержение пропущенный фрагмент. То, как Никифор комментирует сбой в логике рассуждения, свидетельствует о том, что он сам был удивлен тем, что встретил в опровергаемом тексте, и не смог прийти к какому-либо однозначному решению, объяснив для читателя этот сбой неспособностью Константина дальше сдерживать свое нечестие (АА. 224В).

Рассмотрим подробнее, как ведет себя Никифор в данном случае и как он оформляет другие пропуски из сочинений Константина, когда не желает цитировать все полностью. Разумеется, довольно часто Никифор не приводит рассуждения своего оппонента полностью, особенно в тех случаях, когда тот повторяется. В такие моменты Никифор всегда считает нужным указать на пропуск: так, в самом начале «Первого Антирретика» он предуведомляет читателя, что опустит «многословный вздор и напористую болтовню» (τὸν πολὺν ὕθλον καὶ τὴν ἐγκεκλιμένην φλυαρίαν), чтобы

³³⁴ Ср.: Die Schriften des Johannes von Damaskos. Dialectica / Besorgt von P. B. Kotter. В.; N.-Y., 1969 (Patristische Texte und Studien 7). P. 88.

³³⁵ Gero. Constantine. P. 40, n. 19.

«прямо» (ὁμόσε) обратиться «к тому, что кажется самым важным» (ἐπ' αὐτὰ τὰ δοκοῦντα καίρια – АА. 216А), из чего можно заключить, что предисловие к «Вопрошаниям» приводится не полностью. Сходным образом объясняются и другие переходы – в главе 19 «Первого Антирретика» фраза повторяется почти дословно: «А мы, опуская некоторые слова из-за их постыдности и докучливости, обратим свою речь к тому, что кажется им самым главным»³³⁶. В начале «Второго Антирретика» также заранее говорится, что будет приведен не полный текст опровергаемой работы: Никифор предупреждает, что его оппонент сказал очень много, и поэтому он считает нужным «прцитировать» (εἰς μέσους ἀγαγεῖν) только некоторые из этих положений (ὧν τινα – АА. 329А).

Фрагмент, интересующий нас в данном случае, оформлен иначе. Фрагмент Константина, посвященный подтверждению официальной христологической доктрины Вселенских соборов, с которого начал свои «Вопрошания» Константин (АА. 216ВС)³³⁷, резко обрывается, и после слов «сущего в одном лице» (ἐν ἐνὶ προσώπῳ ὄντα) без всякого перехода говорится об иконе, которая понимается как производная от первообраза (καὶν πᾶσα εἰκὼν παράγωγος πρωτοτύπου τινὸς γνωρίζεται). Никифор, приведя эту цитату полностью, приступает к анализу вступления, последовательно доказывая, что Константин только притворяется почитающим решения Вселенских соборов. Дойдя до сбоя в логике, Никифор несколько раз демонстрирует читателю свое удивление и непонимание, откуда в тексте неожиданно появились слова об иконах. Он говорит, что переход сделан «вопреки всякому порядку и связи» (ἀτάκτως πως καὶ ἀσυναρτήτως – АА. 224А), «вопреки порядку, стройности и последовательности изложения» (παρὰ τὴν τάξιν, καὶ παρὰ τὴν ἀρμονίαν, καὶ παρὰ τὴν ἀκολουθήσιν τῆς τοῦ λόγου ἐκθέσεως), «прежде чем вообще зашла речь об иконах» (πρὶν ἢ κατάρξαι τοῦ περὶ εἰκόνων λόγου – АА. 224D).

Недоумение Никифора, таким образом, кажется вполне искренним, что позволяет поставить вопрос о целостности текста, которым располагал Никифор. Возможно, следует говорить не о собрании отрывков из сочинений Константина, но о том, что в руках Никифора был не первый список текста. Что в любом случае вызывает дополнительные

³³⁶ Ἡμεῖς δὲ τινα τῶν ἐν μέσῳ διὰ τὸ ἀηδὲς καὶ ὀχληρὸν τῆς λέσχης παραδραμόντες, ἐπὶ τὰ δοκοῦντα αὐτοῖς σπουδαιότερα τῷ λόγῳ μέτιμεν – АА. 232А.

³³⁷ Никифор говорит о том, что с точки зрения структуры работы Константина – это «τὰ προοίμια» (АА. 216С).

трудности, поскольку на данном этапе нельзя с уверенностью сказать, кому и в каких условиях понадобилось бы делать выписки из Константина V или переписывать его работы. Кроме того, можно лишь строить догадки об общем количестве копий «Вопрошаний» и о том, насколько они были доступны и распространены в середине VIII или в первой четверти IX в.

Какова структура «Вопрошаний»? Почему посвященное им опровержение разделено на три части? Если в первых двух «Антирретиках» сохранились элементы рамочного текста «Вопрошаний» (вступление, переходы, заключение), благодаря которым можно точно провести границу между первым и вторым сочинением Константина, то «Третий Антирретик», хотя и содержит ряд цитат, не позволяет сделать никаких определенных выводов о композиционной организации источника. Этот факт приводил в замешательство многих исследователей, которые или вообще отказывались видеть в «Третьем Антирретике» полемику с Константином³³⁸, или намекали на незавершенность сочинения, которое Никифор не успел дописать до смерти Льва V, а потом, в новой политической обстановке, не счел нужным продолжать³³⁹.

На наш взгляд, может быть предложено следующее решение: источник «Третьего Антирретика» принадлежал перу Константина V, однако по времени создания отстоял на достаточный срок от сочинений, ставших основой для первого и второго «Антирретиков», и имел несколько другие задачи. Об особой природе третьего сочинения Константина мы можем судить по ряду фрагментов из него (например, AA. 393C), которые объединены общим принципом построения: они выглядят как возражения Константина на уже представленные аргументы и святоотеческие цитаты, предложенные если не убежденными иконопочитателями, то, по крайней мере, все еще не определившимися епископами. Таким образом, оказывается, что один из этапов дискуссии представлял собой возражения епископов, к которым Константин обращается в конце второго «Вопрошания». После того, как эти возражения были сформулированы, Константин, в свою очередь, обратился к их опровержению. При этом чувствуется, что сам тон его работ изменился, они стали более резкими, менее стройно организованными (что объяснялось тем фактом, что сам предмет спора был очевиден обеим сторонам, не требовалось ни особых вступлений, ни пояснений). Изменение тональности не укрылось от Никифора: характеризуя манеру Константина в третьем «Вопрошании», он уже не говорит о «форме вопроса», не употребляет слов *πεῦσις* и *ἐρώτησις*, но использует слово «постановляют»

³³⁸ См. в разделе «История вопроса».

³³⁹ *Alexander. Nicephorus. P. 173.*

νομοθετοῦσιν – АА. 376В), отсылающее к юридическому контексту, призванное продемонстрировать властное решение Константина, который уже не спрашивает, но запрещает.

Логика аргументации, которую можно восстановить применительно к первым «Вопрошаниям», в третьем сочинении не очевидна: Константин обращается к разным аргументам, но не развивает их, а только намечает линии, по которым может в будущем строиться доказательство. При этом в сочинении появляются аргументы или совершенно непроработанные, не получающие в дальнейшем никакого развития (фрагмент о «попираемом аде», который изображен на иконе и которому по незнанию поклоняются христиане – АА. 436В), или противоречащие утверждениям из первых «Вопрошаний» (фрагмент о неопикуемости Христа после Воскресения – АА. 437В – противоречит тщательно выстраиваемым на протяжении многих страниц доказательствам о неопикуемости Христа по природе³⁴⁰).

В некоторых случаях Константин как будто бы оправдывается: именно так выглядит фрагмент, где говорится о почитании креста (АА. 425D); он представляет собой очень краткий и бездоказательный ответ на закономерный вопрос, который, несомненно, был задан Константину. С другой стороны, видя уязвимость своих аргументов, продемонстрированную ему епископами, Константин, создававший «Вопрошания» в полной уверенности в своем богословском даровании, начинает приказывать: пафос третьего «Вопрошания» в запрещении, а не в попытке доказать свою правоту. Именно об этом свидетельствует рефреном повторяющееся «не позволено» (οὐκ ἔξεδὸν), приводимое Константином после каждого аргумента или ответа (АА. 420А, 436В, 445D).

Подобное сочетание стремления оправдаться, с одной стороны, и запретить любые дальнейшие рассуждения, с другой, как нельзя лучше характеризует положение, в котором оказался Константин V после того, как столкнулся с реакцией на свои сочинения даже в сочувствующей иконоборчеству среде. На основании нашего предположения может быть сделан вывод о том, что в определенный период интерес Константина (возможно, ввиду шаткости его положения) заключался в том, чтобы поддерживать иллюзию свободной дискуссии. Он был готов слушать различные мнения и позволил

³⁴⁰ Ср. мнение о том, что именно в этом вопросе заключались расхождения между иконоборцами первого и второго периода: *Лурье В. М.* (в соавторстве с В. А. Барановым). *История византийской философии. Формативный период.* СПб., 2006. С. 451–462.

критиковать свои сочинения, однако затем, испугавшись подобной критики, вынужден был обратиться к авторитарным мерам и вскоре уже не допускал разногласий³⁴¹.

4.3. «Вопрошания» и «радикальное богословие» Константина V

В какой мере можно пользоваться полученным в результате реконструкции текстом при анализе мировоззрения и доктрины Константина V? Особенно ценными, на наш взгляд, являются данные об отношении Константина к вопросам, не связанным напрямую с иконоборческой полемикой, поскольку позднейшие легенды о его «радикальном богословии»³⁴² ставили ему в упрек не только и не столько иконоборчество, которое воспринималось как данность, сколько иные взгляды, которые выходят за рамки иконоборчества: отказ от почитания креста, запрет на закладывание мощей в основания храмов, отрицание заступничества Богородицы и святых, наименование Христа «лишь человеком», а Богородицы – «христородицей» и т. п.³⁴³ Некоторые из этих легенд уже были опровергнуты исследователями: не были подтверждены ни утверждения поздних историков об уничтожении мощей Константином³⁴⁴, ни сообщения о лютой ненависти и жестоких расправах над монахами³⁴⁵, которые во многом являются следствием пропагандистской деятельности Константинопольского патриархата в начале IX в.³⁴⁶ В отношении других высказывались определенные сомнения, однако реальной доказательной базы было недостаточно³⁴⁷.

В задачи нашей работы на данном этапе не входит детальный содержательный анализ «Вопрошаний», однако необходимо сформулировать те трудности, которые он вызовет у исследователя в дальнейшем, и показать, как конкретно реконструированный текст может помочь при решении вопроса о радикальных взглядах Константина V. Ситуация осложняется тем, что в тексте трактата есть утверждения, на первый взгляд, подтверждающие обоснованность обвинений. Однако, как нам кажется, они относятся к плану домыслов Никифора, т. е. к тому уровню текста, который в Главе 2 мы назвали

³⁴¹ О различных мнениях по вопросу свободы высказываться на Иерийском соборе см.: *Gero. Constantine*. P. 61–63.

³⁴² Термин предложен С. Геро: *Ibid.* P. 143–151.

³⁴³ О посмертной славе Константина см.: *Rochow. Konstantin*. S. 123–171.

³⁴⁴ *Wortley J. Iconoclasm and Leipsanoclasm: Leo III, Constantine V and the Relics // ByzF 8 (1982). S. 253–279.*

³⁴⁵ *Hatlie P. Monks and Monasteries of Constantinople ca. 350–850. Cambr., 2007. P. 358–365.*

³⁴⁶ *Auzépy. L'Iconographie et l'Iconoclasm. P. 31–34, 81–91.*

³⁴⁷ С. Геро предполагает, что «радикализм» Константина можно свести к отрицанию культа святых и сомнениям в действенности молитв, обращенных к Богородице: *Gero. Constantine*. P. 146–147.

развитием посылок. Грань между собственно текстом источника и его развитием чрезвычайно важна, и, что немаловажно, может быть легко выделена, поскольку в задачи Никифора не входил подлог и подделывание цитат.

Никифор, приведя цитирувавшийся выше фрагмент (АА. 340D)³⁴⁸, приступает к рассуждениям о том, что может скрываться за *σκοποί* Константина, которые в данном случае Никифор предпочитает понимать как «замыслы» (об этом свидетельствует фраза в конце главы 6 «Второго Антирретика» – «таковы его замыслы (*σκοποί*) против нашей веры... но в результате он достиг немногого из того, к чему стремился» – *μικρὰ κατορθώκως τῶν σκοποῦμένων* – АА. 345В). Именно между реальной цитатой и этим выводом Никифор помещает наиболее радикальные сообщения об отношении Константина к наименованию «Богородица» (АА. 341В) и мощам святых (АА. 341D–344В). При почти дословном совпадении этих сообщений с тем, что мы читаем в других источниках³⁴⁹, можно с уверенностью утверждать, что исходный текст Константина ничего подобного не содержит. Его фраза (возможно, сказанная не слишком удачно с точки зрения языка) является не более чем риторическим завершением «Вопрошания», в котором он говорит, что доказательств относительно иконы Христа должно быть достаточно, чтобы отвергнуть и все другие изображения (ср. АА. 468С–469D). При этом сам Никифор не пытается выдать свои предположения за слова источника, он пользуется изученным нами приемом переосмысления слов оппонента, базирующемся на его изначальном неумении и нежелании увидеть следствия из своих посылок. Даже сам переход похож на то, с чем мы уже встречались раньше: Никифор говорит, что «распознать его замыслы (т. е. додумать за оппонента) нетрудно» (*τοὺς σκοποὺς αὐτοῦ διαγινώσκεσθαι οὐ δυσχερὲς* – АА. 341В).

Рассмотрим еще одно обвинение: утверждение, что Константин называл Христа «лишь человеком» (*ψιλὸς ἄνθρωπος*), известно как в историографической традиции (Феофан Исповедник), так и у Никифора. Рассмотрим более раннюю историографическую традицию. Под 741–742 г. Феофан, рассказывая о противостоянии Константина и другого претендента на византийский престол Артавасда, упоминает следующий эпизод: патриарх Анастасий (730–754 гг.) поклялся на честном кресте, что Константин признался ему, что «не верит, будто тот, кто рожден Марией и зовется Христом, есть Сын Божий, а почитает

³⁴⁸ См. прим. 315.

³⁴⁹ Анализ см.: *Gero. Constantine*. P. 143–146.

Его простым человеком и Мария родила Его, как меня родила мать моя Мария»³⁵⁰. В современной научной литературе этот эпизод трактуется как пропагандистский выпад против императора и связывается с кампанией диффамации Константина, развернутой сторонниками Артавазда. Как доказал Д. Е. Афиногенов, в действительности в источнике, которым пользовался Феофан, этот эпизод относился к патриаршеству Константина II (754–766 гг.) и, следовательно, должен быть передатирован³⁵¹. Тем не менее, вопрос об исторической основе обвинения Константина исследователем не ставился.

В пользу гипотезы о том, что обвинение, сформулированное Феофаном, является чистой выдумкой, свидетельствуют несколько обстоятельств. Во-первых, само определение ψιλὸς ἄνθρωπος применительно к Христу в византийской традиции уже на лексическом уровне однозначно отсылало к полемике против еретиков, поскольку тезис о том, что Христос является «лишь человеком», приписывался Несторию или Павлу Самосатскому³⁵². Это выражение используется и у самого Феофана в рассказе о ереси Нестория: «Несторий же, желая всюду утвердить свое учение, утверждал, что Господь был лишь человек (ψιλὸν ἄνθρωπον λέγων τὸν Κύριον)» (*Theophanes. Chronographia*. P. 88, 21–22). Очевидно, что читатель Феофана должен был отождествить отсылку и соотнести иконоборческое учение, апологетом которого был Константин, с одной из ересей, осужденных как Вселенскими соборами, так и иконоборческим Иерийским собором (*Mansi. T. 13. Cols. 233E–236A, 256AB*).

Заметим, что в самом употреблении применительно к божественным материям прилагательного ψιλός в каком-либо ином сочетании с существительным ἄνθρωπος византийцы а priori не видели ничего предосудительного. Это слово могло использоваться в трактатах против еретиков с однозначно позитивными коннотациями. Так, например, у Петра Сицилийца одно из обвинений против павликиан звучало следующим образом: «...всехвальную приснодеву Богородицу они с ненавистью исключают даже из самого

³⁵⁰ ...ὅτι μὴ λογίσῃ υἰὸν θεοῦ εἶναι ὃν ἔτεκε Μαρία, τὸν λεγόμενον Χριστόν, εἰ μὴ ψιλὸν ἄνθρωπον. ἡ γὰρ Μαρία αὐτὸν ἔτεκεν, ὡς ἔτεκεν ἐμὲ ἡ μήτηρ Μαρία – *Theophanes. Chronographia*. P. 415, 27–29.

³⁵¹ Афиногенов Д. Е. Нарративные структуры как инструмент источниковедения: на примере византийских хроник IX в. // *Индоевропейское языкознание и классическая филология VIII* (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2004. С. 7–11.

³⁵² В наши задачи не входит рассмотрение действительных христологических воззрений этих богословов, в дальнейшем мы будем говорить исключительно о полемической традиции и типичных обвинениях, возникавших в ходе этой полемики.

числа праведников (ἐν ψιλῇ τῶν ἀγαθῶν ἀνθρώπων... ἀπαριθμήσει) и <утверждают>, что Господь не родился от нее, но спустил <свое> тело с небес³⁵³.

Во-вторых, само по себе обвинение одного из идеологов иконоборческого движения в том, что тот чрезмерно акцентирует человеческую природу Христа в ущерб божественной, вступает в противоречие с традиционным взглядом на иконоборчество как на учение, в котором акценты были расставлены ровно наоборот. Трактовки подобной тенденции весьма противоречивы: говорится о монофизитских³⁵⁴, оригенистских³⁵⁵ или же неоплатонических³⁵⁶ корнях иконоборчества. В любом случае, очевидно, что центральный тезис Иерийского собора о том, что свойство «неописуемости», присущее Божеству Христа, распространяется на Его ипостась (Mansi. T. 13. Col.252AB), вступает в противоречие со словами, приписанными Константину. Все это заставляет с сомнением отнестись к сообщению Феофана.

Тем не менее, обращение к богословско-полемической традиции позволяет взглянуть на проблему несколько иным образом. На первый взгляд, Никифор утверждает то же, что и Феофан. Риторически обращаясь к Константину, он пишет: «Ты провозгласил Христа всего лишь человеком» (ψιλὸν ἄνθρωπον τὸν Χριστὸν ἐδογματίσας – АА. 249D). В то же время, внимательное прочтение соответствующих глав показывает, что в цитирующемся сочинении Константина действительно присутствовали слова «лишь человек» применительно к Христу, однако были использованы в исключительно негативном смысле. Рассмотрим логику Константина подробнее: во Христе соединены две природы, божественная (нематериальная – ἄυλος φύσις) и человеческая (материальная – ἔνυλος – АА. 232A). Его лицо (то есть ипостась) «неотделимо от этих природ» (ἀχώριστον τῶν δύο φύσεων), соответственно, тот, кто изобразил это лицо, «со всей очевидностью описал и божественную природу, которая неописуема» (δῆλον ὅτι καὶ τὴν θεϊὰν φύσιν περιέγραψεν, ἥτις ἐστὶν ἀπερίγραπτος – АА. 236CD). Следовательно, Христос на иконе оказывается «только лишь тварью» (κτίσμα καὶ μόνον – АА. 353A). То есть иконописец изображает лицо «лишь человека» (πρόσωπον ψιλοῦ ἀνθρώπου – АА. 252C), что ведет к прибавлению к Троице четвертой ипостаси – Христа

³⁵³ Petri Siculi Historia utilis et refutatio atque eversio haereseos manichaeorum qui et pauliciani dicuntur // PG 104. Col. 1256A.

³⁵⁴ Ostrogorsky G. Studien zur Geschichte des Byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1939.

³⁵⁵ Florovsky G. Origen, Eusebius, and the Iconoclastic Controversy // Church History. 19 (1950). P. 77–96.

³⁵⁶ Живов В. М. Богословие иконы в первый период иконоборческих споров // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 40–69.

исключительно как человека (АА. 248D–249А). Отметим, что сходный аргумент использовался и составителями вероучительного определения Иерийского собора (Mansi. T. 13. Cols. 252AB, 256AB, 256E–257A, 257E–260B).

Каким же образом Никифор приходит к выводу о том, что Константин в действительности придерживается того мнения, которое на словах осуждает? Он спрашивает своего оппонента, какая из двух природ Христа была видима, человеческая или божественная (АА. 249В). Если тот скажет, что это была божественная природа, то докажет этим нечто противоположное тому, что хотел (εἰς τὸ ἔμπαλὶν σοὶ τὰ τοῦ λόγου περιήγαγες), поскольку припишет не неопикуемость человечеству, а опикуемость – Божеству в силу того, что «все видимое опикуемо и ограничено, поскольку доступно чувственному восприятию» (πᾶν γὰρ τὸ ὁρώμενον, περιγραπτὸν καὶ ὀριστὸν, ὡς τῇ αἰσθήσει ὑποπεπτωκός – АА. 249С). В таком случае «по необходимости» (ἐξ ἀνάγκης) видимой окажется только человеческая природа, что ведет к несторианству: «Ответим соответственно твоей речи: согласно твоему рассуждению, ипостась разделилась, и ты провозгласил Христа всего лишь человеком... Ибо ты придал плоти собственное лицо и сделал Христа лишь тварью, как будто бы в Нем и нет Божества»³⁵⁷.

Отметим, что Никифор не утверждает, будто Константин когда-либо говорил нечто подобное: это исключительно логический вывод из приведенных посылок, на что указывает и само оформление фразы (выражения, маркирующие логический переход, – ἐξ ἀνάγκης, – использование оптатива – εἰ εἴποις, εἰ μὴ τοῦτο εἰπεῖν κατατολμήσειας). Никифор прекрасно осознает, что положения Константина гораздо более уязвимы именно с противоположной точки зрения, о чем и говорит в других местах, доказывая, что цель Константина в том, чтобы «затенить человечество Христа» (ἵνα τὴν κατὰ Χριστὸν ἀνθρωπότητα συσκιάσῃ – АА. 249А). Однако как изощренный полемист Никифор не может удержаться от того, чтобы обратить слова противника против него самого.

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что как Константину V, так и его оппонентам необходимо было защищаться от обвинений в одной и той же ереси. Однозначно ответить на вопрос, какая из сторон первой сформулировала это обвинение, не представляется возможным. В то же время, как мы видели³⁵⁸, некоторые факты

³⁵⁷ Καὶ ἵνα τὴν ὁμοίαν τῷ σῶ λόγῳ τὴν ἀπάντησιν ποιησώμεθα, μεμέρισται σοὶ ἡ ὑπόστασις, καὶ ψιλὸν ἄνθρωπον τὸν Χριστὸν ἐδογματίσας... Ἴδιον γὰρ πρόσωπον τῇ σαρκὶ ἔνειμας, καὶ πεποίηκας τὸν Χριστὸν κτίσμα μόνον, ὡς τὴν θεότητα μὴ εἶναι εἰς αὐτόν – АА. 249D.

³⁵⁸ См. Раздел 4.2.

указывают на то, что сочинения Константина, цитирующиеся Никифором, скорее написаны не как нападение, а как защита от обвинений в отпадении от Христа. Характерно, что, если мы заменим во второй части фразы Константина, как она приводится у Феофана, всего одно слово, то и она станет звучать не как провокация, а, наоборот, как защита от обвинений в чрезмерном внимании к Божеству Христа в ущерб Его человечеству: *Τέλειός ἐστι ὁ Χριστὸς ἄνθρωπος, ἡ γὰρ Μαρία αὐτὸν ἔτεκεν, ὡς ἔτεκεν ἐμὲ ἡ μήτηρ Μαρία*. Утверждение такого рода было бы прекрасным ответом на обвинения, подобные тем, что высказывает, например, Никифор: «Так и человечество Христа, если лишится какого-либо из своих природных свойств³⁵⁹, будет ущербной природой, а Христос не будет совершенным человеком (οὐ τέλειος ἄνθρωπος ὁ Χριστός), и даже более – Он не будет и Христом» (АА. 244С). Таким образом, на наш взгляд, в основе встречающегося в источниках обвинения Константина в том, что тот считает Христа «лишь человеком», лежат две действительно высказанные им мысли. Во-первых, это тезис о том, что иконопочитатели, «описывая» Христа, лишают Его неопикуемой божественной природы, а значит считают «лишь человеком», а во-вторых, попытка, в свою очередь, самому защититься от обвинений в пренебрежении человечеством Христа.

На наш взгляд, методика работы Никифора сводилась к следующему: зная, что «Вопрошания» не содержат никаких еретических воззрений помимо собственно иконоборческих, и будучи в курсе слухов, приписывавших Константину всевозможные ереси (циркулировавших в том числе благодаря памфлету, использованному Феофаном), Никифор так комментировал оригинальные фрагменты «Вопрошаний» (если бы он решился исказить их, то авторитетность опровержения была бы поставлена под сомнение), чтобы читатель воспринимал их именно в свете традиционных обвинений.

³⁵⁹ Имеется в виду такое свойство, как описуемость.

Глава 5. Судьба «*Apologeticus atque Antirrheticus*»

Вероятнее всего, сочинение Никифора так и не было прочитано его истинным адресатом – императором Львом V³⁶⁰. В изменившейся политической обстановке после кончины Льва V и восхождения на престол Михаила II (25 декабря 820 г.) Никифор был вынужден оставить работу над «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Возможно, именно неожиданная кончина императора не позволила Никифору полностью завершить редактуру трактата и более органично вписать в него заключительный «Третий Антирретик», что дало некоторым исследователям основания подвергать сомнению единство произведения³⁶¹.

Тем не менее, уже через несколько лет после написания возникли первые копии «*Apologeticus atque Antirrheticus*», которые активно читали и использовали авторы середины IX в. Трактат Никифора переписывали, комментировали в схолиях и использовали в полемике на протяжении нескольких столетий. В данной главе мы постараемся проследить его судьбу как на греческой, так и на славянской почве. Несомненно, такая задача, в первую очередь, требовала бы полноценного самостоятельного исследования рукописной традиции Никифора. Однако на данном этапе мы не ставили себе подобной цели. В наши задачи не входит составление полного списка рукописей трактата или же каталога эксерптов из него, когда-либо использованных другими авторами. Прежде всего, нас будет интересовать то, как воспринимались и интерпретировались полемические приемы Никифора и образы, созданные в трактате. Такой подход должен также пролить свет и на общий вопрос о сохранении исторической памяти об иконоборчестве в средне- и поздневизантийский период.

5.1. В греческой традиции

Согласно Р. Блейку, между 828 и 842 гг. богословские произведения Никифора были объединены в два тома, к которым восходят все известные на сегодняшний день списки. Трактат «*Apologeticus atque Antirrheticus*» вместе с «Житием Никифора» Игнатия Диякона составил первый том собрания³⁶². В 843–847 гг. это собрание использовалось

³⁶⁰ См. Раздел 3.2.4.

³⁶¹ *Alexander*. *Nicophorus*. P. 172–173.

³⁶² *Blake*. *Note*. P. 14. Ср. мнение Дж. Физерстоуна о том, что собрание создавалось уже после восстановления иконопочитания в 843 г.: *Refutatio et Eversio*. P. XXVIII–XXIX. Произведения Никифора,

авторами, принадлежавшими к окружению преемника Никифора – патриарха Мефодия (Игнатием Диаконом, Феофаном Пресвитером, Петром Монахом, Георгием Монахом), однако вскоре после 847 г. в составе патриаршего архива было перенесено в Студийский монастырь и на долгое время оказалось недоступно посторонним читателям³⁶³. Несмотря на то, что некоторые поздние авторы иногда утверждают, будто цитируют Никифора, нередко оказывается, что настоящим источником цитаты был кто-то из авторов, имевших доступ к трудам Никифора еще в IX в.: так, в XII в. Михаил Глика цитирует фразу из «Второго Антирретика» Никифора, верно указывая ее автора, однако в действительности этот фрагмент заимствован им из Георгия Монаха³⁶⁴.

Наиболее древние списки интересующего нас первого тома относятся к X в. – это пергаменные рукописи Par. gr. 910³⁶⁵ и Par. gr. 911.

Дальнейшая история сочинения Никифора изучена менее тщательно. Известно, что на определенном этапе имя Никифора оказалось забыто и авторство трактата было приписано Феодору Начертанному (Грапту, ок. 775 – 27 декабря 841 г.), иконопочитателю и исповеднику при императоре Феофиле, пострадавшему в 836 г. вместе со своим братом Феофаном³⁶⁶. В агиографической традиции ему приписываются антииконоборческие сочинения, в т.ч. направленные лично против Льва V, которые, однако, не сохранились³⁶⁷. Имя Феодора содержится в заглавии «Apologeticus atque Antirrhetici» в рукописи Par. gr. 910: «Блаженного Феодора Начертанного, брата святого Феофана...»³⁶⁸; а также в колофоне рукописи Par. gr. 909, копии, сделанной в XVI в. со списка с Par. gr. 910,

относящиеся к иным жанрам («Бревиарий», церковные каноны и др.), имели собственную традицию, которая в данном случае не рассматривается.

³⁶³ *Афиногенов*. Повесть. С. 136–145; *Afinogenov D.* Did the patriarchal Archive end up in the monastery of Stoudios? Ninth century vicissitudes of some important document collections // *Monastères, images, pouvoirs et société à Byzance / Sous la direction de Michel Kaplan.* P., 2006 (Byzantina Sorbonensia 23). P. 125–133.

³⁶⁴ *Michaelis Glycae Annales / Rec. Imm. Bekker.* Bonn, 1836. P. 260, 13–15 = AA. 353B = *Georgii Monachi Chronicon.* P. 228, 9–12.

³⁶⁵ По датировке Б. Л. Фонкича – рубеж IX–X вв.: *Фонкич Б. Л.* Новые автографы Никифора Григоры // *Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998.* М., 1999. С. 75–76, прим. 31.

³⁶⁶ О нем см.: *PMBZ.* № 7526. Основными источниками о Феодоре являются «Житие Михаила Синкелла» (ВНГ 1296) и «Похвала Феодору Начертанному» Феофана Кесарийского (ВНГ 1745z).

³⁶⁷ *The Life of Michael the Synkellos / Text, Translation and Commentary by M. B. Cunningham.* Belfast, 1991 (ВВТТ 1). P. 110, 26–30; *Featherstone J.-M.* The Praise of Theodore Graptos by Theophanes of Caesarea // *AB* 98 (1980). P. 125.

³⁶⁸ ΤΟΥ ΜΑΚΑΡΙΟΥ [ΘΕΟ]ΔΩΡΟΥ [ΑΔΕΛΦΟΥ ΤΟΥ ΑΓΙ]ΟΥ ΘΕΟΦΑΝΟΥ Τ[ΟΥ] ΓΡΑΠΤΟΥ – цит. по: *Featherstone J.* An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy // *JÖB* 33 (1983). S. 181.

выполненного в 1368 г. по заказу императора Иоанна Кантакузина: «Сия книга святого Феодора Начертанного, исчезнувшая много лет назад, изысканная благодаря благочестивому рвению о божественных писаниях и добротолوبию нашего святого владыки господина императора Иоасафа Кантакузина и обретенная лишь в одном списке, который из-за древности был весьма изношен, а из-за безграмотности переписчика содержал ошибки, переписана на пользу читателям в лето 6876, месяца марта, шестого индикта»³⁶⁹. Такая же атрибуция встречается в сочинениях Никифора Григоры, обильно цитирующего Никифора под именем Феодора³⁷⁰.

Вопрос о времени атрибуции сочинений Никифора Феодору Начертанному на данном этапе не может быть решен однозначно. Как Р. Блейк, так и П. Александер придерживались мнения, что заглавие в Pag. gr. 910 написано в то же время, что и остальная рукопись, и таким образом атрибуция восходит уже к X в.³⁷¹ Дж. Физерстоун, изучив рукопись, заключил, что заглавие дописано в XIV в. Также он предположил, что автором неверной атрибуции был сам Никифор Григора, в 1320-е гг. познакомившийся с рукописью в монастыре Хора в Константинополе. Поскольку название трактата не читалось, Григора вынужден был самостоятельно вписать имя автора, а так как в это время он работал над своей версией «Жития Михаила Синкелла» (BHG 1297), то для него было естественно связать неизвестного ему автора антииконоборческих сочинений с упоминающимся в ранней версии «Жития Михаила Синкелла» Феодором Начертанным³⁷². Позже рукопись попала в руки противника Григоры Константинопольского патриарха Филофея Коккина (1353–1355 и 1364–1376 гг.), затем перешла к ученику Григоры Иоанну Кипариссиоту и наконец к императору Иоанну Кантакузину³⁷³.

Гипотеза Дж. Физерстоуна подверглась критике Б. Л. Фонкича, указавшего, что для отождествления почерка Григоры недостаточно материала, а пометы,

³⁶⁹ τὸ παρὸν βιβλίον τοῦ ἁγίου Θεοδώρου τοῦ Γραπτοῦ τῷ μακρῷ χρόνῳ ἀφανισθέν, τῇ περὶ τὰς θείας γραφᾶς φιλευσεβεῖ σπουδῇ καὶ φιλοκαλίᾳ τοῦ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως κυροῦ Ἰωάσαφ τοῦ Καντακουζηνοῦ ζητηθέν, ἑνὸς μόνου βιβλίου εὐρεθέντος κακείνου πάνυ μὲν σαθοῦ διὰ παλαιότητα χρόνου, ἐσφαλμένου δὲ τῇ τοῦ γεγραφότος ἐκεῖνο ἰδιωτεία, μετεγράφη εἰς ὠφέλειαν τῶν ἐντευξομένων ἐν ἔτει ,στωοστ' μηνὶ μαρτίῳ ἰνδ. στ' (fol. 341) – цит. в исправленной орфографии по: Featherstone J. An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy // JÖB 33 (1983). S. 196.

³⁷⁰ См. ниже.

³⁷¹ Blake. Note. P. 8; Alexander. Nicephorus. P. 156.

³⁷² Featherstone J. An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy // JÖB 33 (1983). S. 182–184.

³⁷³ Ibid. S. 187–197.

идентифицированные как автографы Филофея Коккина, в действительности относятся к XII в.³⁷⁴ Несмотря на то, что все это делает реконструкцию Дж. Физерстоуна по меньшей мере уязвимой, несомненно, во-первых, что в XIV в. в ходе паламитских споров интерес к антииконоборческой полемике заметно возрос, а во-вторых, что, к какому бы времени ни относились маргиналии в *Par. gr.* 910, читатели рукописи планировали использовать их в ходе полемики. На второй факт указывает, например, упоминание неких «нынешних» (οἱ νῦν), т. е. современных автору маргиналий, иконоборцев на л. 23об³⁷⁵.

В любом случае, очевидно, что в поздневизантийский период воспоминания о действительных участниках иконоборческого конфликта и их взаимоотношениях были серьезно искажены. Ситуацию прекрасно характеризует рукопись *Par. gr. suppl.* 143 середины XVI в., в которой содержатся два текста, имеющих непосредственное отношение к Никифору. Первый – это фрагмент о евхаристии из «Второго Антирретика» (fols. 131–132 = AA. 336C–337A), второй – сочинение, озаглавленное «Беседа святейшего патриарха Константинопольского Никифора с императором Львом Армянином о почтенных иконах, включенная в его Житие, написанное блаженным Феодором Начертанным» (Διάλεξις Νικηφόρου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως πρὸς Λέοντα βασιλέα τὸν Ἀρμένιον περὶ τῶν σεπτῶν εἰκόνων συμπεριειλημμένη ἐν τῷ αὐτοῦ βίῳ, ὃς ὑπὸ τοῦ μακαρίου Θεοδώρου τοῦ Γραπτοῦ συνεγράφη – fols. 220v–241v)³⁷⁶. Последнее представляет собой несколько глав из «Жития Никифора», написанного Игнатием Диаконом (*Vita Nicephori*. *Cap.* 41–53. P. 170–185), дополненных цитатами из глав 7–10 «Второго Антирретика» (AA. 345C–352A), посвященными проблеме описуемости и изобразимости ангелов. Характерно, что первый фрагмент также приписан Феодору Начертанному: «Из книги святого Феодора Начертанного в защиту непорочной христианской веры» (Ἐκ τῆς βίβλου τοῦ ἁγίου Θεοδώρου τοῦ Γραπτοῦ ὑπὲρ τῆς ἀμωμήτου τῶν Χριστιανῶν πίστεως). То есть текст, в одном случае приписываемый Никифору (фрагменты «Второго Антирретика» вложены

³⁷⁴ *Фонкич Б. Л.* Автографы константинопольского патриарха Филофея Коккина (рукописи Мюнхена, Вены, Москвы, Венеции и Ивирского монастыря) // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. М., 2000. С. 71; С. 75, прим. 43.

³⁷⁵ *Featherstone J.* An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy // *JÖB* 33 (1983). S. 194.

³⁷⁶ BHG 1378n. Издано в: *Nicephori sanctissimi patriarchae Constantinopolitani disputatio cum Leone Armeno imperatore* // *Leonis Allatii de Symeonum scriptis diatriba... Originum rerumque Constantinopolitanarum manipulus, variis auctoribus* // *Fr. Combefis*. P., 1664. P. 159–182.

в его уста как продолжение фразы из «Жития»), в другом – приписывается Феодору Начертанному, который в первом фигурировал исключительно как составитель.

Необходимо отметить, что неверная атрибуция «*Apologeticus atque Antirrheticus*» и других сочинений Никифора, вошедших в *Par. gr.* 910, ни в коей мере не свидетельствует о том, что патриарх Никифор как исторический деятель и богослов не был известен в поздневизантийский период. Более того, сам автор маргиналий, отождествленный Дж. Физерстоуном с Филофеем Коккином, читал другие произведения Никифора. На л. 141 напротив АА. 428С содержится следующая запись: «Этот текст присутствует также в одном Номоканоне после 12 глав, написанных против иконоборцев иже во святых отцом Никифором³⁷⁷; в этих же десяти <главах> он доказал честь и подобие более близких вещей, в качестве примера указывая на то, что если крест достоин чести, то обязательно, чтобы икона Христа была достойна еще большей чести, поскольку, с точки зрения подражания внешнему виду, она более чем честной крест приближена к честному телу Христа»³⁷⁸.

Фрагмент главы 35 «Третьего Антирретика», напротив которого стоит приведенная запись, посвящен доказательству превосходства иконы над крестом³⁷⁹ и, действительно, имел самостоятельное хождение³⁸⁰. Интересно, что первый издатель «Двенадцати глав»

³⁷⁷ Имеется в виду сочинение «Двенадцать глав против иконоборцев», датируемое весной 821 г., о нем см.: *O'Connell. Ecclesiology*. P. 62–63; *Grumel V. Le "Douze Chapitres Contre les Iconomaques" de Saint Nicéphore de Constantinople // RĒB 17 (1959)*. P. 127–135; *Афиногенов. Патриархат*. С. 80–82.

³⁷⁸ ταῦτα ἔν τινι τῶν νομοκανόνων ἔγκειται μετὰ τὰ ἰβ' κεφάλαια ἃ κατὰ τῶν εἰκονομάχων ὁ ἐν ἀγίοις πατὴρ Νικηφόρος ἔγραφε· ἐν τούτοις δὲ τοῖς δέκα τὴν ἐγγυτέρων τιμὴν καὶ ὁμοίωσιν ἀπεδείκνυ, συνάγων διὰ παράδειγμα ὡς εἰ ὁ σταυρὸς τιμητέος, τιμητέος δὲ πάντως πολλῶ μᾶλλον ἢ εἰκῶν τοῦ Χριστοῦ, ὡς μᾶλλον τοῦ τιμίου σταυροῦ τῷ τιμίῳ σώματι τοῦ Χριστοῦ κατὰ τοῦ εἶδους μίμησιν πλησιάζουσα – цит. в исправленной орфографии по: *Featherstone J. An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy // JÖB 33 (1983)*. S. 191.

³⁷⁹ Подобный экскурс был необходим как ответ на тезис Константина V о поклонении кресту «ради Распятого на нем» (διὰ τὸν ἐκταθέντα ἐν αὐτῷ – АА. 425D = *Hennephof. Frg.* 174). Подробнее о роли изображения креста в иконоборческой пропаганде см. в: *Баранов В. А. Богословская интерпретация иконоборческой надписи в Халки // История и теория культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2004*. С. 181–186; *Iconoclast Era*. P. 19–24.

³⁸⁰ Полный список рукописей см. в: *Declerck J. Les sept opuscules "Sur la fabrication des images" attribués à Nicéphore de Constantinople // Philomathestatos. Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / Ed. B. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun. Leuven, 2004 (Orientalia Lovaniensia analecta 137)*. P. 108–109, n. 14 (далее: *Declerck. Opuscules*). Издание: Νικηφόρου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως διαφορὰ εἰκόνοσ Χριστοῦ καὶ σταυροῦ, ἐν δέκα ἀποδείξεων

А. Май пользовался при публикации рукописью (Vat. gr. 2198, XII в.), похожей на ту, что читал автор маргиналий: в этом Номоканоне также сначала помещены «Двенадцать глав», а затем рассуждения о кресте и иконе.

Это произведение не единственный фрагмент, бытовавший отдельно от трактата: известны как собрания, составленные исключительно из эксцерптов из «*Apologeticus atque Antirrheticus*», так и флорилегии, включавшие их наряду с цитатами из других авторов. К числу первых можно отнести собрание, озаглавленное в рукописях «Из книги святого Никифора» («Ἐκ τῆς βίβλου τοῦ ἁγίου Νικηφόρου») и включающее девять цитат из «*Apologeticus atque Antirrheticus*», последняя из которых представляет собой упомянутый фрагмент о кресте и иконе³⁸¹. Выбор фрагментов достаточно показателен: составитель сборника не заинтересовался ни историческими главами трактата, ни цитатами из Константина V, ни собственно опровержением иконоборческих тезисов. Большая часть эксцерптов представляет собой сжатые философские экскурсы, необходимые Никифору для уточнения терминологических значений используемых понятий. Так, в сборник вошли рассуждения об «описуемости» Херувимов (Фр. 1 = AA. 781AB), о принадлежности иконы к классу «относительных» вещей (τῶν ἐν σχέσει, τῶν πρὸς τι) (Фр. 2 = AA. 276D–280C), о различиях между человеческим и божественным действием (Фр. 34 = AA. 325B–D), о многозначности слова «икона» (Фр. 8 = AA. 405D–408B) и др.

Ряд цитат из сочинений Никифора, в т. ч. и из «*Apologeticus atque Antirrheticus*», вошли в еще один флорилегий, о котором следует сказать подробнее. Это сочинение, обычно условно называемое «Против иконоборцев» («Κατὰ εἰκονομάχων») и объединяющее 24 фрагмента с различными определениями иконы, принадлежащими Никифору, Иоанну Дамаскину и Феодору Студиту³⁸². Из 24 фрагментов к Никифору восходят три: два – к «*Apologeticus atque Antirrheticus*» (определение иконы и первообраза: Фр. 1. *Thümmel*. Schrift. S. 134, 1–7 = AA. 277A; принадлежность иконы к «относительным» вещам: Фр. 7. *Thümmel*. Schrift. S. 135, 41–47 = AA. 277CD), один – к раннему сочинению «О сотворении Херувимов» («Περὶ τῆς ποιήσεως τῶν

συλλογιστικῶν τρόποις // *Spicilegium Romanum* / Ed. A. Mai. T. X. Roma, 1844. Pars 2. P. 157–160 (= AA. 428C: ὅτι ἡ εἰκὼν τοῦ Χριστοῦ... – 433A: συγκαταβάλλειν καὶ τὸν σταυρὸν). У Х.-Г. Бека это сочинение ошибочно названо «исповеданием веры» (Glaubensbekenntnis): *Beck*. S. 491.

³⁸¹ Список фрагментов в рукописях Urbanus 27 (XI в.) и Ath. Vatop. 236 (XII–XIII вв.) см. в: *Declerck*. *Opuscles*. P. 107–108.

³⁸² Анализ и издание в: *Thümmel H.-G.* Eine Schrift über das Wesen der Ikone “Gegen die Bilderstürmer” // *Bilderlehre und Bilderstreit*. Würzburg, 1991. S. 127–144 (далее: *Thümmel*. Schrift).

Χερουβίμ») ³⁸³ (Фр. 17. *Thümmel. Schrift. S. 136, 97–102 = Declerck. Opuscules. P. 139, 51–60*). Время составления этого сборника неизвестно, единственные хронологические рамки – это год кончины Никифора (828) и год составления «Догматического всеоружия» («Паноплии») Евфимия Зигабена (1122). Сборник известен в нескольких версиях, различающихся как по составу, так и по именам авторов, указанным в заглавии. Наиболее известными являются версии «Паноплии» Евфимия Зигабена (в рукописи, изданной в «Греческой патрологии», в заглавии значатся акты Седьмого вселенского собора, а также имена патриарха Германа, Никифора и Феодора Студита) ³⁸⁴; «Сокровищницы православия» («Гезауруса») Никиты Хониата начала XIII в. (в заглавии имена Никифора, Фотия и Феодора Студита) ³⁸⁵; «Алфавитной синтагмы» Матфея Властаря 1335 г. (в заглавии имена Фотия и Феодора Студита, фр. 19–20 и 24 имеют собственные подзаголовки «О кресте» и «Различие честных икон и идолов») ³⁸⁶. Также не позднее XV в. сборник получил самостоятельное хождение: в версии, изданной по Palatinus 361, значатся имена Никифора, Фотия и Феодора Студита ³⁸⁷.

Издатель сборника предположил, что он был составлен патриархом Фотием, а затем при копировании имена составителя и авторов собранных цитат перемешались ³⁸⁸. Такая гипотеза представляется малоубедительной, поскольку никаких других свидетельств знакомства Фотия (при всем его интересе к иконоборческой полемике ³⁸⁹) с богословскими произведениями Никифора не имеется ³⁹⁰. По мнению Х.-Г. Тюммеля, в ходе иконоборческих споров были сформулированы две конкурирующие теории образа – неоплатоническая (Иоанн Дамаскин) и аристотелианская (Никифор и Феодор Студит). Вторая со временем была признана официальной и вошла в большинство позднейших учебников, а рассматриваемый сборник является кратким и удобным введением в нее ³⁹¹.

³⁸³ Издано в: *Declerck. Opuscules. P. 127–144.*

³⁸⁴ *Euthymius Zigabenus. Panoplia dogmatica // PG 130. Cols. 1164D–1169D.*

³⁸⁵ *Recensio cod. Medicei 24, Plut. IX // PG 140. Cols. 289–290.*

³⁸⁶ *Matthaeus Blastares. Syntagma Alphabeticum // PG 144. Cols. 1268C–1272B; Ματθαίου τοῦ Βλαστάρεως Σύνταγμα κατὰ στοιχείων // Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων... / Εκδ. Γ. Α. Ῥάλλη, Μ. Ποτλή. Τ. 6. Αθ., 1869. Σ. 246–249.*

³⁸⁷ *Hergenroether J. Monumenta graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Ratisbona, 1869. P. 53–62.*

³⁸⁸ *Thümmel. Schrift. S. 128–129.*

³⁸⁹ *Dvornik Fr. The Patriarch Photius and Iconoclasm // DOP 7 (1953). P. 68–97; Mango C. The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photios // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 133–140.*

³⁹⁰ *Афиногенов. Повесть. С. 143.*

³⁹¹ *Thümmel. Schrift. S. 130–132.*

Весьма интересным нам представляется тот факт, что в версии «Алфавитной синтагмы» Матфея Властаря наряду с отсутствием в заглавии имени Никифора опущены также и принадлежащие ему цитаты (последовательность и состав приводящихся фрагментов таковы: 3–9–10–4–11–12–13–14–18; 19–20; 24; искомые фрагменты 1, 7, 17 отсутствуют). На наш взгляд, это не может быть лишь совпадением. Следовательно, в 1335 г., т. е. всего за несколько лет до того момента, когда Никифор Григора и его противники свободно оперировали цитатами из «*Apologeticus atque Antirrheticus*», даже не предполагая, кто был истинным автором трактата, имелась возможность и потребность отождествить и исключить фрагменты, принадлежащие Никифору. В то же время, это не обязательно указывает на то, что составитель «Синтагмы» сверялся с рукописью, содержащей полный текст «*Apologeticus atque Antirrheticus*» и «О сотворении Херувимов». Учитывая, что фр. 1 и 7 «Против иконоборцев» входят во фр. 2 упоминавшегося выше сборника «Из книги святого Никифора», а тот, в свою очередь, в ряде списков (Urbanus 27 и Ath. Vator. 236) соседствует с «О сотворении Херувимов», логично предположить, что в распоряжении Матфея Властаря было именно некое собрание эксцерптов, подобное рассмотренным. Тем не менее, уже само решение исключить из флорилегия цитаты, принадлежащие Никифору, весьма примечательно.

Как уже говорилось выше, в середине XIV в. интерес к «*Apologeticus atque Antirrheticus*» и другим произведениям Никифора, считавшимся, впрочем, сочинениями Феодора Начертанного, заметно возрос, поскольку взаимные обвинения в иконоборчестве активно использовались в полемике участниками паламитских споров. На наш взгляд, наиболее интересно проследить использование цитат из «*Apologeticus atque Antirrheticus*» Никифором Григорой.

Необходимо заметить, что в своей недавней статье³⁹² Д. И. Макаров предпринял анализ интересующих нас заимствований с богословской точки зрения, доказывая, что Григора намеренно искажал Никифора, выдвигая обвинение в иконоборчестве против Паламы «для отвода глаз»³⁹³, а в действительности стремясь перетолковать Никифора «в оригенистско-докетистском духе»³⁹⁴. Используемая в исследовании методология представляется нам весьма сомнительной, а ряд утверждений необоснованными.

³⁹² Макаров Д.И. Из комментариев к поздневизантийским текстам. Заметка первая. Святой Феофан Никейский, апостол Павел и богословская традиция иконопочитателей: к постановке проблемы // Проблемы теологии. Вып. 4. Материалы Четвертой международной богословской научно-практической конференции 16 февраля 2006 г. Екатеринбург, 2007. С. 115–134.

³⁹³ Там же. С. 129, прим. 2.

³⁹⁴ Там же. С. 131.

Предположение о сокращении одной из цитат, к примеру, основано на ошибочном отождествлении источника цитаты: указан фрагмент AA. 269 вместо верного AA. 444D³⁹⁵.

Цитаты из Никифора были включены в три произведения Григоры: богословско-полемические антипаламитские «Первые Антирретики» (в 3-х частях, ок. 1347 г.)³⁹⁶, «Вторые Антирретики» (не опубликованы, ок. 1353–1357 гг.)³⁹⁷ и «Ромейскую историю» (доведена до 1359 г.)³⁹⁸. Весьма примечательно, что в процессе работы над «Историей» Григора лишился рукописи Никифора: по его утверждению, книга была «похищена» (κλαπείσας) его «гонителями» (διωκτῶν), что не позволило ему привести больше цитат, изобличающих противника (*Gregoras. Hist.* 3. 469, 20–470, 4). По предположению Дж. Физерстоуна, основанному на ошибочном отождествлении одного из почерков в Pag. gr. 910³⁹⁹, эта рукопись оказалась у Филофея Коккина, который использовал ее при работе над опровержением «Антирретики» Григоры⁴⁰⁰. Действительно, по сообщению Филофея, в этот момент в его распоряжении имелись не только сочинения Григоры (*Philothei antirrheticī. 1058B*), но и рукопись-первоисточник. Благодаря этому он мог привести более пространные цитаты, демонстрирующие, что процитированные Григорой фрагменты вырваны из контекста и в действительности уличают в иконоборчестве не Паламу, а самого Григору (*Philothei antirrheticī. 1067D–1068A*). В первую очередь, это фрагменты из трактата «Против Евсевия и Епифанида»: *Philothei antirrheticī. 1066B–1066D* (καὶ ὁ μὲν Εὐσεβίου λόγος... – ...κεχωρηκένας) = *Contra Eusebium. P.* 416, 4–17; 416, 30 – 417, 6; 417, 10–16; 417, 25–26; *Philothei antirrheticī. 1067B* (τὴν θνητότητα... – ...ὑποσταίεν ἄν) = *Contra Eusebium. P.* 413, 2–13; *Philothei antirrheticī. 1067C* (ἀλλὰ μεταμερόρφωται... – ...μᾶλλον δ' ἀδύνατον) = *Contra Eusebium. P.* 414, 23–36. Необходимо отметить, что сравнительный анализ богословия иконоборцев и антипаламитов оказался возможен и в современной науке. Так С. Брок приходит к выводу

³⁹⁵ Там же. С. 125.

³⁹⁶ *Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I* / Hg. H.-V. Beyer. Wien, 1976 (WBS 12) (далее: *Gregoras. Antirrhethika*).

³⁹⁷ Цитаты отмечены в: *Featherstone J. An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy* // *JÖB* 33 (1983). S. 187. В дальнейшем не рассматривается.

³⁹⁸ *Nicephori Gregorae Byzantina Historia* / Cura L. Schopeni, I. Bekkeri. 3 Vols. Bonn, 1829–1855 (далее: *Gregoras. Hist.*).

³⁹⁹ См. выше.

⁴⁰⁰ *Philothei Constantinopolitani patriarchae contra Gregoram antirrheticī libri XII* // PG 151. Cols. 773–1138 (далее: *Philothei antirrheticī*).

(естественно, на совершенно иных основаниях, нежели Коккин) о преемственности между двумя учениями⁴⁰¹.

Уже в начале «Первых Антирретиков» Григора обещает доказать, что сторонники Паламы являются приверженцами ересей Македония, Диоскора и «предстоятелей иконоборчества» (οἱ τῆς εἰκονομαχίας προστάται – *Gregoras. Antirrhethika. S. 153, 1*). Впервые Никифор цитируется во второй части произведения (*Gregoras. Antirrhethika. S. 237, 17–239, 6 = AA. 304CD*). Тем не менее, в данном случае привязки собственно к иконоборчеству еще нет: в качестве ответа на тезис Паламы о нетварных энергиях как «низших божественностях» (ὕφειμένας... θεότητος – *Gregoras. Antirrhethika. S. 223, 7–11*)⁴⁰² Григора заявляет, что разделение сущности и энергии в Боге ведет к ереси евномианства. В числе прочих святоотеческих свидетельств он приводит и слова Никифора о невозможности разделить в Божестве, являющемся «превыше всяческой простоты» (τὸ ὑπὲρ πᾶσαν ἀπλότητα), сущность и энергию, что вело бы к признанию Его «сложным» (σύνθετον). Заметим, что в контексте «*Apologeticus atque Antirrhethici*» этот фрагмент звучал несколько иначе, поскольку в нем шла речь об ипостаси Христа и Никифору требовалось доказать, что после Воплощения Он присутствовал в мире как сущностно, так и энергией.

Обвинение в иконоборчестве формулируется в следующих главах. Предупредив, что его противник прилагает всяческие усилия к тому, чтобы «к церкви Божьей привилось иконоборчество» (εἰκονομαχίαν παρεισφθαρῆναι τῇ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ – *Gregoras. Antirrhethika. S. 309, 17–19*), он обещает изобличить вредность учения о нетварном и нематериальном Фаворском свете, утверждая, что это «иконаборцы говорили, что плоть Господа при Преображении обратилась в иной нетленный свет и нетварное Божество»⁴⁰³. В качестве доказательства приводятся рассуждения Никифора, т. е. «Феодора... Начертанного, вступившего в схватку с Евсевием, первым из выдающихся иконоборцев того времени»⁴⁰⁴, заимствованные как из «*Apologeticus atque Antirrhethici*», так и из трактата «Против Евсевия и Епифанида». Цепочка доказательств, заимствованная

⁴⁰¹ «...иконаборцы оказываются предшественниками Варлаама и противников исихазма в XIV в.»: *Brock S. Iconoclasm and the Monophysites // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 57.*

⁴⁰² В рамках настоящей работы не предпринималась попытка полноценного изучения позиции Григория Паламы. В дальнейшем, говоря о ней, мы будем подразумевать исключительно интерпретацию Григория.

⁴⁰³ Οἱ γὰρ εἰκονομάχοι μεταβεβλήσθαι τὴν τοῦ Κυρίου σάρκα κατὰ τὴν μεταμόρφωσιν ἔλεγον ἐπὶ φῶς ἕτερον ἄφθαρτόν τε καὶ ἄκτιστον θεότητα – *Gregoras. Antirrhethika. S. 311, 16–17.*

⁴⁰⁴ *Ibid. S. 313, 2–3.*

Гигорой⁴⁰⁵, такова: по утверждению Евсевия, тело Христа преобразилось в «неизреченный свет», однако не ясно, был ли этот свет «некоей воипостасной сущностью, имеющей самостоятельное бытие» (οὐσία τις καὶ ἐνυπόστατον καθ' αὐτὸ ὑφεστῶς) или «бестелесным и бессущностным качеством» (ποιότης ἀσώματος καὶ ἀνούσιος). Если это была божественная сущность, то она могла либо иметь, либо не иметь собственную ипостась. В первом случае к Божественной Троице добавится новое лицо, и Она превратится в четверицу (τετράς). Во втором – то есть если эта сущность «влилась в ипостась Бога Слова» (εἰς τὴν τοῦ λόγου συγχεθεῖσα ὑπόστασιν), ипостась Сына окажется сложной и отличной от ипостаси Отца еще чем-то кроме рождения. Но этот свет не может быть и качеством без собственной сущности, поскольку «невозможно указать на качество само по себе без подлежащего, <к которому оно относится>» (οὐδ' ἔνεστι ποιότητα ὑποκειμένου δίχα καθ' αὐτήν... διαδειχθῆναι).

Затем приводятся еще две цитаты из «Apologeticus atque Antirrheticus»: о том, что тело Христа не перестало быть телом и не потеряло способности быть ограниченным, хотя и стало нетленным и бессмертным (*Gregoras. Antirrhethika. S. 315, 26–317, 2 = AA. 444D*), и о том, что божественная природа проста (*Gregoras. Antirrhethika. S. 317, 3–5 = AA. 297C*). Весьма примечательно, что эти цитаты вводятся словами «в ином месте вновь он же о том же против того же»⁴⁰⁶. В то же время, очевидно, что как в «Apologeticus atque Antirrheticus» в целом, так и в главах, откуда взяты цитирующиеся фрагменты, оппонентом Никифора был не подразумеваемый Евсевий, а Константин V. Это наблюдение, равно как и постоянное употребление Григорой определения «тогдашний» (ὁ τότε) по отношению к Евсевию⁴⁰⁷, которого от Никифора, как и от Феодора Начертанного, отделяло более четырех веков, приводит к парадоксальному выводу: по мнению Григоры, основным объектом атаки автора трактата был не Константин V, а именно Евсевий. Причина подобной неверной интерпретации становится ясна, если мы вспомним, что на всем протяжении «Apologeticus atque Antirrheticus» Никифор ни разу не называет своего

⁴⁰⁵ *Gregoras. Antirrhethika. S. 313, 4–6 = Contra Eusebium. P. 385, 9–13; 313, 7–9 = 417, 34–418, 2; 313, 9–14 = 418, 7–16; 313, 18–315, 14 = 418, 22–419, 7; 315, 17–23 = 420, 13–24, 29.*

⁴⁰⁶ ἀλλάχου πάλιν ὁ αὐτὸς περὶ τῶν αὐτῶν κατὰ τοῦ αὐτοῦ – *Gregoras. Antirrhethika. S. 315, 26.*

⁴⁰⁷ Ср.: Феодор Начертанный «украсил церковь Божью и иным множеством священных книг, в особенности же теми, что он составил против иконоборцев, читая сочинения нечестивого Евсевия, в то время первенствовавшего в учености» (πλείσταίς μὲν καὶ ἄλλαις ἱεραῖς αὐτοῦ βίβλοις τὴν τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίαν κεκόσμηκε, μάλιστα δ' αἷς κατὰ τῶν εἰκονομάχων ἐξέθετο, τοῖς συγγράμμασιν ἐντυχάνων τοῦ τότε τὰ πρῶτα φέροντος ἐν λόγοις ἀσεβοῦς Εὐσεβίου – *Gregoras. Hist. 3. P. 464, 7–10*).

оппонента по имени, упоминая его исключительно как Мамону, в то время как Евсевий неоднократно называется «учителем» иконоборцев⁴⁰⁸. Лишь однажды Григора цитирует фрагмент из Никифора, содержащий слова Константина V (*Gregoras. Hist. 2. P. 1138, 23 – 1139, 4 = AA. 332D, 333B*), однако при этом слова, вводящие цитату, указывают на то, что Григора не знает ее истинного автора, поскольку говорит в общем о «словах вождей иконоборчества» (τὰ τῶν προέδρων τῆς εἰκονομαχίας... ῥήματα). Сходным образом ведет себя и Филофей Коккин, говоря, что «исповедник благочестия изобличает предстоятеля ереси иконоборцев Евсевия»⁴⁰⁹.

В следующих главах Григора вновь приводит цитаты из «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Чаще всего это вырванные из контекста краткие и емкие определения богословского или философского характера: «Таким образом, благочестиво мыслить божественную энергию вечной, а вернее даже самостоятельной энергией, поскольку энергия и сущность не различаются, а подчиняются одному и тому же принципу в силу свойства простой и бестелесной природы»⁴¹⁰; «Если бы они были одним и тем же, то было бы не две, а одна природа, ибо сложение говорит о различии составных частей и указывает на их разнородность»⁴¹¹. Обратим внимание, что последнее из приведенных утверждений универсально и может использоваться в обоснование как различия, так и тождества. Если Никифор доказывает сложение двух природ во Христе и наличие у Него свойств обеих природ, что требуется для опровержения тезиса о неопиcуемости (AA. 300AB), то Григора, напротив, стремится продемонстрировать единство сущности и энергии.

Цитаты из Никифора, использованные в «Ромейской истории» Григоры, по своему составу очень близки к тем, что мы отметили в «Первых Антирретиках», тем не менее манера изложения несколько меняется, что может быть обусловлено иными жанровыми установками и полемическими задачами автора. Так, например, в *Gregoras. Hist. 2. 940, 15 – 943, 12* почти дословно повторяется уже рассмотренный нами фрагмент *Gregoras.*

⁴⁰⁸ Отмечено в: *Gwynn D. M. From Iconoclasm to Arianism: The Construction of Christian Tradition in the Iconoclast Controversy // Greek, Roman, and Byzantine Studies 47 (2007). P. 241.*

⁴⁰⁹ Ὁ τῆς εὐσεβείας ὁμολογητῆς τόν τε προεστηκότα τῆς τῶν Εἰκονομάχων αἰρέσεως Εὐσέβιον ἐξέλέγχει – *Philothei antirrheticus. 1066D.*

⁴¹⁰ Οὕτω γὰρ ἂν εὐσεβῶς νοηθεῖη ἡ μὲν θεία ἐνέργεια αἰδιος, μᾶλλον δὲ αὐτοἐνέργεια, τῷ μὴ διωρισθαι τῆς οὐσίας τὴν ἐνέργειαν, ἀλλὰ τὸν αὐτὸν λόγον ἐπιδέχεσθαι διὰ τὴν τῆς ἀπλῆς καὶ ἀσωμάτου φύσεως ιδιότητα – *Gregoras. Antirrhetica. S. 325, 2–4 = AA. 325B.*

⁴¹¹ Εἰ γὰρ ταὐτὸν εἶεν οὐ δύο ἂν εἶεν, ἀλλὰ μία φύσις. Ἡ γὰρ σύνθεσις τὸ διάφορον τῶν συντρεχόντων ἄδει καὶ ἑτεροοῦσια εἶναι δηλοῖ – *Gregoras. Antirrhetica. S. 325, 11–12 = AA. 297D.*

Antirrhethika. S. 311, 16 – 317, 7⁴¹². В версии «Антирретиков» он заканчивается выводом богословского характера: Палама уличается вместе с нечестивым Евсевием и даже более него, поскольку делает из Троицы четверицу, видимое называет неопишваемым и вводит некую новую божественность-энергию, отличную от Божественной сущности, но нетварную и совечную Богу. В версии «Ромейской истории» рассуждение заменяется полемическим выпадом, в котором идет речь не о богословских импликациях иконоборческого учения, а об иконоборчестве как таковом, т. е. об уничтожении икон: «...ибо и приспешники Паламы швыряли в огонь божественные иконы святых, это очевидно тем, кто наблюдал это и поведал тайну многим, подтвердив слова клятвенными заверениями»⁴¹³. Очевидно, что подобный вывод был вполне уместен только в политическом памфлете, к которому в некоторых главах тяготеет «Ромейская история», но никак не в богословском трактате, поскольку в византийской полемической традиции для обвинения в ереси достаточно лишь логического соотнесения. Например, обвинение иконоборцев в манихействе, впервые прозвучавшее у Иоанна Дамаскина, а затем развитое Никифором, с современной точки зрения, представляет собой историческую и богословскую бессмыслицу, поскольку в VIII в. в Византии манихеев не было. Тем не менее, логика обвинения была ясна: павликиане одновременно являются дуалистами (как манихеи) и отвергают иконы (как иконоборцы), значит иконоборцы – то же самое, что манихеи⁴¹⁴.

Рассмотренные нами особенности использования цитат из Никифора Григорой свидетельствуют о том, что к середине XIV в. реальная история и содержание иконоборческих споров были почти забыты. Вместе с тем, в богословской полемике обвинение в иконоборчестве звучало весьма серьезно, поскольку оно заняло особое место в списке осужденных ересей, затмив предыдущие. Если для Никифора сочинения Евсевия были еретическими, поскольку на Седьмом вселенском соборе они были осуждены как

⁴¹² В «Истории» одна из цитат дана в более полном виде: *Gregoras. Hist. 2. 942, 18–21 = Contra Eusebium. P. 420, 24–28*; еще одна взята из другой части «Первых Антирретиков»: *Gregoras. Hist. 2. 943, 8–10 = AA. 297D = Gregoras. Antirrhethika. S. 325, 11–12*.

⁴¹³ Ὅτι μὲν γὰρ καὶ θεῖαι τῶν ἁγίων εἰκόνες καὶ τοῖς περὶ τὸν Παλαμᾶν ἐρῶντοῦντο πρὸς πῦρ, δῆλον μὲν τοῖς θεασαμένοις τε καὶ τὸ ἀπόρρητον ἐξεῖποῦσι καὶ ὄρκῳ βεβαιωσαμένοις τουτὶ πρὸς πολλούς – *Gregoras. Hist. 2. 943, 13–16*.

⁴¹⁴ *Brandes W. Pejorative Phantomnamen im 8. Jh. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / Hg. von L. M. Hoffmann unter Mitarbeit von A. Monchizadeh. Wiesbaden, 2005. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik / Hg. von G. Prinzig. Bd. 7). S. 109–115.*

арианские, то для Григоры Евсевий, воспринятый через трактат Никифора, был уже не арианом, но исключительно иконоборцем. Кроме того, разработанные апологетами иконопочитания (в т. ч. Никифором) полемические приемы, опирающиеся на методы логического доказательства, могли быть использованы при опровержении практически любой новой ереси, которая в таком случае автоматически приравнивалась к иконоборчеству. Особенно актуально слова Никифора звучали из уст Григоры, по всей видимости, желавшего отождествить себя с исповедником при нечестивом императоре (Иоанн VI Кантакузин и Лев V), осужденным «еретическим» собором (1351 и 815 г. соответственно), но не предавшим свою веру: «<Феодор Начертанный> стойко сопротивлялся им до самой смерти, предав ради Христа свое тело всевозможным пыткам, а мудрый и искусный язык вооружив против учений противников, которым ныне, полагаясь на оружие его речей, противостою и буду противостоят и я и без страха по мере своих сил повторю его подвиги за истину против тех, кто дерзает повторять сегодня ту ересь»⁴¹⁵.

5.2. В славянской традиции

Долгое время исследователи, изучавшие наследие Никифора, полагали, что его богословско-полемические сочинения, в отличие от исторических, не были известны в славянском мире. Только в 1986 г. отечественный исследователь А. И. Юрченко обнаружил, что славянское «Написание о правой вере» («**Написание о правѣи вѣрѣ**»), в рукописях атрибутируемое Константину Философу, в действительности является переводом с греческого и восходит к фрагменту вероисповедального характера из «*Apologeticus atque Antirrheticus*» (AA. 581C–589D: inc. πιστεύομεν εἰς ἕνα Θεὸν Πατέρα παντοκράτορα... des.: ...καὶ τὰς προεσβείας ἐξαίτουμέν) ⁴¹⁶. Несмотря на то, что позже авторы открытия выполнили полный текстологический анализ перевода и частично

⁴¹⁵ ...οἷς καὶ μέχρι θανάτου τὴν οἰκείαν ἐκεῖνος ἀντέστησεν ἔνστασιν, τὸ μὲν σῶμα παντοίαις ὑπὲρ Χριστοῦ προδοῦς κολάσεσιν, τὴν δὲ φιλόσοφον ἐκείνην καὶ ἔντεχνον γλῶτταν κατὰ τῶν ἀντιθέτων ὀπλίσας δογμάτων· οἷς καὶ γὰρ τήμερον, τοῖς τῶν ἐκεῖνου λόγων ὄπλοις θαρρήσας, ἀνθίσταμαί τε καὶ ἀντιστήσομαι, καὶ τοὺς ὑπὲρ ἀληθείας ἀνακαινίζειν ἄθλους ἐκεῖνου τό γε εἰς ἐμὲ ἦκον οὐ κατοκνήσω κατὰ τῶν τὴν αἴρεσιν ἐκείνην ἀνακαινίζειν τολμώντων τήμερον... – *Gregoras*. Hist. 3. 458, 10–18; Ср. другие похвалы Феодору Начертанному: *Gregoras*. Hist. 2. 1138, 1–21; 3. 381, 9–14; 3. 463, 22–464, 10.

⁴¹⁶ Юрченко А. И. К проблеме идентификации «Написания о правой вере»: Доклад на Первой Международной научной церковно-исторической конференции, посвященной Тысячелетию Крещения Руси (Киев, 21–28 июля 1986 года) // Балто-славянские исследования: 1985. М., 1987. С. 221–232.

проследили его бытование на славянской почве⁴¹⁷, до сих пор без ответа остается ряд вопросов, связанных с тем, как почти неизвестный в самой Византии текст смог попасть в руки славянского переводчика. Кроме того, до сих пор не были предприняты попытки установить, существовал ли на греческой почве оригинал «Написания» в качестве самостоятельного произведения и, если это так, каким образом он может быть соотнесен с известным корпусом текстов Никифора с точки зрения датировки и целей создания.

Последнее предположение кажется тем более вероятным, что рассматриваемый фрагмент был использован еще одним, на сей раз уже византийским автором, а именно Петром Монахом, составителем одной из версий «Жития» св. Иоанникия Великого (ВНГ 936). В «Житии» исповедание веры было вложено в уста самого Иоанникия, а какие-либо ссылки на Никифора отсутствовали⁴¹⁸. Предварительный анализ трех доступных версий памятника дает следующие результаты:

– Версия SI не могла быть выполнена с версии «Жития» Иоанникия, поскольку в последней, по сравнению с опубликованной версией «Apologeticus atque Antirrheticus», имеется значительная лакуна (AA. 585A–588A: inc. εἰ δὲ χρὴ καὶ διεξοδικώτερόν πως... des. ...οὕτω περὶ τούτων), отсутствующая в SI (С. 28–34, ст. 162–246)⁴¹⁹.

– Несмотря на то, что в большинстве спорных случаев чтения «Жития» и опубликованной версии «Apologeticus atque Antirrheticus» совпадают и являются предпочтительными, в ряде случаев SI предлагает более вероятное чтение, которое поддерживается версией «Жития»:

AA	SI	<i>Vita Ioannicii</i>
Θεὸν τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον	бѣ дѣа ст҃го величѣи имже <u>всѣ</u>	Θεὸν τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον
προσκυνοῦμεν, ἐν ᾧ τὰ	<u>схранѣхъ са и сздръжхъ.</u>	προσκυνῶ, ἐν ᾧ <u>τὰ πάντα</u>

⁴¹⁷ Верещагин Е. М. (в соавторстве с А. И. Юрченко). Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001. С. 15–77 (билинейно-спатическая публикация: С. 17–42, далее: SI).

⁴¹⁸ Petri Vita Ioannicii / Ed. J. van den Gheyn // AASS. Novembris. T. I. Cols. 417B–420C. Заимствование отмечено в: Afinoenov D. The Date of Georgios Monachos Reconsidered // BZ 92 (1999). Heft 2. S. 445. Ср. ошибочное утверждение А. П. Каждана о том, что фрагмент заимствован не из «Большого Апологетика», а из «Первого Антирретика»: Каждан. Литература. С. 427. Ср. также замечание Ж.-Б. Питры о существовании рукописей (без указания), в которых интересующий нас фрагмент фигурирует самостоятельно («variis in codicibus separatim exscriptum»): Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera... / Cur. J.B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. LXXI.

⁴¹⁹ Ср. меньшую лакуну в версии «Жития», также отсутствующую в SI: AA. 584A οὕτω δὲ... – θεολογίαν = SI. С. 24–25, ст. 108–110.

τρία σέβοντες, οὐκ εἰς единого бѣ въз трехъ чьтѣ не въз συντηρεῖται καὶ συνέχεται.
 τρεῖς θεοὺς τὴν μίαν три бoгы раставѣж единого ἕνα Θεόν τὰ τρία σέβω, οὐκ
 διιστάντες θεότητα бжтва (С. 21–22, ст. 66–70) εἰς τρεῖς θεοὺς τὴν μίαν
 (581C) διῖστώ θεότητα (Col. 418A)

– Как в S1, так и в версии «Жития» глагольные формы первого лица множественного числа последовательно заменены на формы первого лица единственного числа.

– Славянский перевод содержит следы идеологической правки, связанной с антилатинской полемикой по вопросу об исхождении Святого Духа⁴²⁰:

AA	<i>Vita Ioannicii</i>	S1
...οὔτε τὸν Υἱὸν τῆς τοῦ ...οὔτε τὸν Υἱὸν τῆς τοῦ	...οὔτε τὸν Υἱὸν τῆς τοῦ	ни сѣа отъ сжшства нж
ἀγεννήτου Πατρὸς οὐσίας ἀγεννήτου Πατρὸς οὐσίας	ἀγεννήτου Πατρὸς οὐσίας	рожденаго ⁴²¹ оца твужда
ἀλλοτριοῦντες διὰ τὴν ἀλλοτριῶ διὰ τὴν γέννησιν,	ἀλλοτριῶ διὰ τὴν γέννησιν,	творацие. зане есть рожденъ. ни
γέννησιν, οὔτε τὸ Πνεῦμα οὔτε τὸ Πνεῦμα Πατρὸς	οὔτε τὸ Πνεῦμα Πατρὸς	сѣго же дѣа твужда творацие
Πατρὸς καὶ Υἱοῦ διὰ τὴν καὶ Υἱοῦ διὰ τὴν	καὶ Υἱοῦ διὰ τὴν	оцѣу и сѣѣу. зане отъ оца
ἐκπόρευσιν... (581D)	ἐκπόρευσιν... (Col. 418A)	исходить (С. 20–21, ст. 50–54)

Таким образом, очевидно, что Петр Монах и автор S1 заимствовали текст Никифора независимо друг от друга, что делает весьма вероятной гипотезу о самостоятельном бытовании интересующего нас фрагмента вне «Apologeticus atque Antirrheticus». Учитывая, что версия «Жития» Иоанникия, составленная Петром Монахом, датируется уже 846–847 гг.⁴²², то вероятно также и то, что фрагмент имел самостоятельное хождение еще при жизни Никифора. Чтобы установить, могло ли исповедание веры функционировать в качестве отдельного произведения, необходимо более подробно проанализировать его структуру и понять, какую роль оно играло в рамках всего сочинения.

⁴²⁰ Отмечено в: *Верещагин Е. М.* (в соавторстве с А. И. Юрченко). Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001. С. 73.

⁴²¹ Издатели предлагают конъектуру *нерожденаго*.

⁴²² *Mango C.* The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians // *Okeanos. Essays presented to I. Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students* / Ed. C. Mango, O. Pritsak (= Harvard Ukrainian Studies VII). Cambr., Mass., 1983. P. 393–394.

Интересующее нас исповедание веры помещено в самое начало «Большого Апологетика», в условно выделяемую «соборную» часть трактата: после риторического вступления и описания социальной базы новых идеологов иконоборчества (гл. 5–16) и перед собственно опровержением аргумента противников об идолослужении (гл. 26 и далее) Никифор помещает рассказ об Иерийском соборе 754 г. (гл. 17) и Седьмом вселенском соборе, восстановившем иконопочитание (гл. 25). Именно между описанием этих двух соборов и расположено исповедание (гл. 18–23).

Структурно в исповедании выделяются три части: триадологическая, христологическая и иконологическая. При этом части не равны по объему: вопреки ожиданиям, наиболее развернуто дана не третья, а вторая часть (по своему построению она, в свою очередь, распадается на две части – опровержение ересей монофизитства и монофелитства). Каждая часть завершается отречением от ересиархов: в триадологической части – это Савелий и Арий, в антимонафизитской – Евтихий и Несторий, в антимонафелитской – Аполинарий, Сергей и Пирр⁴²³. Параллельная структура подчеркивается переходами от одной части к другой, в которых выражена центральная мысль всего трактата: все ереси – суть одно и то же заблуждение и они повторяются и усиливаются с тем, чтобы вылиться в самую страшную и объединяющую все предыдущие – ересь иконоборчества, сформулированную Константином V. Таким образом, оказывается, что «Евтихий в сравнении с Несторием заблуждался относительно домостроительства точно так же, как Савелий в сравнении с Арием в отношении богословия»⁴²⁴. Православие предстает узким и трудным путем между двумя, на первый взгляд, диаметрально противоположными заблуждениями, которые в действительности влекут в одну и ту же бездну.

Каждая новая часть начинается с краткого повторения того, что было сказано в предыдущей. Таким образом, сохраняется строгая логическая структура: все три сферы тесно переплетены и переход к следующей возможен только после обоснования предыдущей. Никифор использует специальную лексику, призванную подчеркнуть логичность перехода: завершив изложение триадологических догматов, он приступает к

⁴²³ Отсутствие в этом списке папы Гонория не может рассматриваться как свидетельство большего или меньшего уважения со стороны Никифора по отношению к Римскому престолу. Как было с убедительностью продемонстрировано О'Коннеллом, Никифор очень непостоянен в своем отношении к нему и при перечислении еретиков-монофелитов приблизительно в половине случаев опускает имя Гонория: *O'Connell. Ecclesiology. P. 73–74.*

⁴²⁴ ...ταὐτὸν πέπονθε περὶ τὴν οἰκονομίαν Εὐτυχής πρὸς Νεστόριον, ὅπερ περὶ τὴν θεολογίαν Σαβέλλιος πρὸς τὸν Ἄρειον – ΑΑ. 588BC.

христологической части, специально подчеркивая: «Так утверждаясь и основываясь на таком кратком и простом богословии, мы соответственно ему исповедуем...»⁴²⁵. Подобным образом оформлен и переход между двумя христологическими частями: «Поскольку мы исповедуем во Христе две природы совершенными как по существу, так и по природным качествам, соответственно потребуется вместе с тем исповедовать и присущие каждой природе природные воли и действия, ибо необходимо, по признании сущностей двойными, провозгласить двойными и их»⁴²⁶. Использование лексики и оборотов, типичных не для традиционного исповедания веры, а для философского рассуждения, преследует свою цель: показывая взаимосвязь и логически обусловленную взаимозависимость различных сфер богословского знания, Никифор демонстрирует и преемственность ересей. Таким образом, любая новая ересь (в данном случае, разумеется, иконоборчество) в действительности по необходимости является и триадологической, и христологической ересью.

В ряде случаев для доказательства правомочности того или иного утверждения Никифор отступает от основной темы и иллюстрирует свое рассуждение соображениями общего характера, оформленными в манере, характерной для философских жанров. Так, в антимонотелитском фрагменте Никифор говорит следующее: «...доказательством этому – тот факт, что у вещей, обладающих различной сущностью, различны и принципы бытия, что явственно видно на примере вещей различной природы. Отсюда необходимо, чтобы и сущностные качества, связанные с волей и действием, были различны, поскольку именно через эти качества мы получаем знание о природе вещей, так как у тех вещей, у которых действия одинаковы, равноценны и природы»⁴²⁷.

⁴²⁵ Οὕτω δὴ περὶ τὴν συντετμημένην ταύτην καὶ ἀπέριττον ἐρηρισμένοι καὶ ἡδρασμένοι θεολογίαν, ἐπομένως ὁμολογοῦμεν... – ΑΑ. 584ΑΒ.

⁴²⁶ Τῶν τοίνυν κατὰ Χριστὸν δύο φύσεων τελείων ὁμολογουμένων ὑπάρξει τε καὶ ταῖς κατ'αὐτὰς φυσικαῖς ποιότησι, συνομολογεῖν ἀκολούθως δεήσει, καὶ τὰ καθ'ἑκάτεραν φύσιν ἐνυπάρχοντα φυσικὰ θελήματα καὶ τὰς ἐνεργείας· ἀνάγκη γὰρ διπλῶν πιστευομένων τῶν οὐσιῶν, διπλᾶ καὶ ταῦτα συγκληρούσσεσθαι... – ΑΑ. 588С.

⁴²⁷ ...τεκμήριον δὲ, καὶ γὰρ ὧν αἰ οὐσίαι ἐξηλλαγμένοι, καὶ ὁ τοῦ πῶς εἶναι λόγος διάφορος, ὁ δὴ ἐπὶ τῶν ἑτεροφυῶν διαφαίνεται, ἀνάγκη καὶ τὰς κατὰ θέλησιν καὶ ἐνέργειαν οὐσιώδεις ποιότητας ἑτεροίως ἔχειν· δι'αὐτῶν γὰρ καὶ τὴν τῶν φύσεων ἐπιστήμην μεταχειριζόμεθα· ἐπεὶπερ καὶ ὧν αἰ ἐνέργειαι αἰ αὐταὶ, καὶ αἰ φύσεις ὁμοίτιμοι... – 588D–589A. По всей видимости, славянский переводчик не понял сложный философский термин ὁ τοῦ πῶς εἶναι λόγος и перевел его просто как «слово... о нихъ» (С. 37, ст. 95–96), чему, скорее, должно соответствовать греческое ὁ περὶ αὐτῶν λόγος.

В том, насколько нетипична такая манера организации вероисповедального фрагмента, можно убедиться, сопоставив рассматриваемый фрагмент с другим исповеданием веры, также принадлежащим Никифору, но составленным в иных условиях и с иными целями. Это гораздо более пространное исповедание было включено в интронизационное письмо, адресованное Никифором Папе Льву III. Это послание было составлено в 811 г., т. е. только через 5 лет после поставления Никифора патриархом, поскольку до этого момента император Никифор по политическим причинам препятствовал официальным контактам с Римом⁴²⁸. Традиционная точка зрения заключается в том, что эти исповедания практически идентичны и более позднее, включенное в «*Apologeticus atque Antirrheticus*», является переработкой более раннего. Такая точка зрения была высказана уже издателем Никифора⁴²⁹ и поддержана более поздними исследователями⁴³⁰. Однако при сравнении двух текстов оказывается, что расхождения не ограничиваются различиями, обусловленными временем и целями создания (в более раннем исповедании по очевидным причинам нет намеков на современных еретиков; глаголы первого лица стоят в единственном числе, поскольку нет необходимости говорить от имени всех православных, что для целей «*Apologeticus atque Antirrheticus*» было необходимо), объемом исповедания⁴³¹, а также выбранной композицией (в раннем исповедании не выделена в качестве самостоятельного раздела антимонофелитская часть). При внимательном прочтении выясняется, что части исповедания из письма Льву III не соединены логическими переходами, как мы видели в более позднем исповедании, также нет повторов и подведения итогов предыдущей части, которые бы показывали взаимосвязь и преемственность. Полностью отсутствует сложная философская терминология.

Объяснением этому может служить эволюция авторской манеры. Так, П. Александер утверждает, что «схоластический период» в развитии иконопочитательской аргументации, когда поклонение иконам оправдывалось при помощи аристотелевской школьной логики, начинается у Никифора только в период ссылки, т. е. в 815 г.⁴³² Однако логичнее предположить, что различия обусловлены полемической задачей, которую

⁴²⁸ Nicephori Epistola ad Leonem III Papam // PG. T. 100. Cols. 169A–200C. Исповедание веры: Cols. 181C–193D. Сообщение об отправке послания содержится у Феофана: *Theophanes*. I. P. 494, 22–25. О послании см.: O'Connell. *Ecclesiology*. P. 68–78.

⁴²⁹ AA. 579–580, n. 42.

⁴³⁰ O'Connell. *Ecclesiology*. P. 73, n. 18.

⁴³¹ Во вступлении к исповеданию, включенному в «Большой Апологетик», специально подчеркивается, что оно будет представлено «по мере сил сжато» (ὡς οἶόν τε ἐπιτερόμενον – AA. 580C).

⁴³² Alexander. *Nicephorus*. P. 189–190, 198.

ставил перед собой Никифор. Составляя послание Льву III, Никифор стремился выстроить свою речь изысканно и учтиво, но в то же время у него не было цели доказать что-либо своему адресату. Только в раннем исповедании Никифор мог пренебречь точностью и использовать центральное для всей иконоборческой полемики слово «описание» (περιγραφή) нетерминологически, в традиционном бытовом значении «ограничение». Говоря о единоначалии в Святой Троице, он поясняет, что его следует понимать «не как ограничение одним Лицом... но как равночестность природы»⁴³³. Такое употребление демонстрирует, что в период составления письма Никифор, если и был знаком с иконоборческой аргументацией Константина V, то, по крайней мере, не задумывался о ее опровержении. В исповедании из «*Apologeticus atque Antirrheticus*», напротив, употребление слов, которые могут быть поняты двояко, всегда строго терминологично. В первую очередь это касается именно пар περιγραφή (описание-ограничение) – γραφή (написание-изображение) и περιγραπτός (описуемый) – γραπτός (изобразимый). Рассуждая о человечестве и божестве Христа, Никифор специально подчеркивает, что, как Бог, Он сохранил все свойства своей природы и остался неопиcуем (ἀπερίγραπτος – AA. 585C, **неописанъ** – Sl. C. 32, ст. 217), и, в то же время, как человек стал и описуем, и изобразим (γραπτός τε καὶ περιγραπτός – AA. 585D, **списанъ же и описанъ** – Sl. C. 32, ст. 220–221).

Изложенные соображения неизбежно приводят к выводу о том, что исповедание-прототип «Написания о правой вере» прекрасно вписывается в композиционную организацию и полемические задачи «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Следовательно, маловероятно, чтобы оно было создано до основной части трактата и лишь позже включено в него в качестве составной части. В то же время ряд соображений позволяют предположить, что уже после завершения трактата Никифор посчитал полезным распространить более широко одну из его частей – такой частью стало именно рассмотренное исповедание веры. Когда и при каких условиях это могло произойти?

Традиционное представление о том, что деятельность Никифора в ссылке в течение почти 15 лет была однообразна и изменения в жизни империи никак не отражались на ней, совершенно не согласуется с картиной, которую рисуют источники. Известно, что после убийства Льва V и восхождения на престол Михаила II Никифор на время оставил свои крупные богословско-полемические сочинения и стал активно контактировать как с

⁴³³ Μοναρχία δὲ, οὐχ ἡ ἑνὸς προσώπου περιγραφή... ἀλλ' ἡν (ἡ?) φύσεως ὁμοτιμία – Epistola ad Leonem III Papam // PG. T. 100. Col. 184C.

представителями иконопочитательского лагеря (в частности с Феодором Студитом), так и с новыми властями. То, что в первые годы правления Михаила иконопочитатели возлагали на нового императора определенные надежды, подтверждается и другими источниками. Из «Жития» Николая Студита⁴³⁴ (ВНГ 1365) следует, что двойственное отношение к Михаилу II сохранялось в Студитской среде вплоть до начала X в., когда было составлено «Житие». В памятнике говорится, что восхождение Михаила на престол можно было уподобить «утренней звезде в непроглядной ночи, которая дарила верным день и <в то же время> не день»⁴³⁵. В этом же источнике подробно рассказывается о встрече Феодора Студита с Никифором⁴³⁶, а также о посольстве к новому императору между январем и 24 марта 821 г., во главе которого стоял Феодор. При этом подчеркивается, что Никифор принимал участие в планировании посольства и именно его слово было в конечном счете решающим: Феодор рассуждал о церковном учении, «поскольку соименный победе (т. е. Никифор) побудил его к изложению вопросов веры»⁴³⁷. Вопрос о том, присутствовал ли Никифор на аудиенции лично, остается открытым⁴³⁸, однако очевидно, что его роль в планировании посольства была весьма значительна, поскольку ее отмечают именно источники студитского происхождения, от которых можно было бы ожидать гораздо более скептического отношения к Никифору⁴³⁹. К этому же периоду относятся уже упоминавшиеся ранее «Двенадцать глав против иконоборцев».

⁴³⁴ Ученик Феодора Студита, сопровождавший его в ссылке, игумен Студийского монастыря с 848 г. См.: PMBZ. № 5576.

⁴³⁵ ...ἐξ ἀφεγγυῶς τῆς νυκτὸς ἀστὴρ ἑωθινὸς, ἡμέραν καὶ οὐχ ἡμέραν τοῖς πιστοῖς παρεχόμενος – Vita s. Nicolai Studitae // PG 105. Col. 889B. Анализ политики Михаила II с точки зрения взаимоотношений императорской и патриаршей власти см. в: Афиногенов. Патриархат. С. 82.

⁴³⁶ Хотя патриарх, к которому приходят Феодор и Николай, не назван прямо по имени, очевидно, что имеется в виду именно Никифор. Он назван «соименный триумфам патриарх» (τὸν τροπαιώνυμον πατριάρχην – Vita s. Nicolai Studitae // PG 105. Col. 889D).

⁴³⁷ ...τοῦτον γὰρ εἰσηγεῖσθαι τὰ περὶ πίστεως ὁ τῆς νίκης φερώνυμος προετρύψατο – Ibid. Col. 892B.

⁴³⁸ См. сравнение различных версий «Жития» Феодора Студита: Pratsch. Nikephoros. S. 145, Anm. 204. Idem. Theodoros Studites (759–826) – zwischen Dogma und Pragma. Der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1998 (BBS 4) S. 268, Anm. 36. По мнению Д. Е. Афиногенова, стратегия, разработанная иконопочитателями, не предполагала личного участия Никифора в посольстве: Афиногенов. Патриархат. С. 80–81.

⁴³⁹ См. классическую работу: Dobschütz E. von. Methodios und die Studiten. Strömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts // BZ 18 (1909). S. 41–105.

Если прочитать интересующее нас исповедание веры как самостоятельное произведение в контексте политической ситуации начала 820-х гг. и в соотношении с указанными источниками, станет очевидно, что оно идеально подходит для полемических целей, которые на этом этапе мог ставить перед собой Никифор. Это было максимально сжатое изложение основ веры и в то же время история всех когда-либо существовавших ересей, а также строго логическое доказательство их взаимозависимости и преемственности. Если «Двенадцать глав» полностью исключали примирение с иконоборцами на каноническом уровне, то исповедание, пущенное в широкое хождение, препятствовало примирению на догматическом уровне, демонстрируя неразрывную связь иконоборчества с арианством, докетизмом и несторианством.

Необходимо подчеркнуть, что изложенные соображения остаются всего лишь гипотезой и не позволяют однозначно датировать появление исповедания в качестве самостоятельного произведения временем жизни Никифора. Равным образом остается неизвестной и личность переводчика. Возможно, к ее установлению можно приблизиться, анализируя специфику переводческих решений и редакторскую правку (см. выше). Не исключено, что возникновение перевода действительно следует связывать с указанным в заглавии Константином-Кириллом Философом. Такая связь кажется тем более привлекательной, если вспомнить знаменитую легенду о диспуте между Константином и изложенным патриархом Иоанном VII Грамматиком⁴⁴⁰, возможно, свидетельствующую об интересе Константина к вопросу об иконопочитании.

Исследование судьбы трактата «*Apologeticus atque Antirrhethici*» показало, что как в Византии, так и (до определенной степени) в славянском мире память о Никифоре как историческом деятеле и церковном писателе существовала отдельно от его крупных богословско-полемических сочинений. Гораздо чаще его имя ассоциировалось с краткими и легкими для чтения и понимания произведениями, подобными «Двенадцати главам», или с выдержками из пространных трактатов, такими как рассуждения о кресте и иконе⁴⁴¹. Одновременно с кодификацией «официальной памяти» об иконоборчестве (естественно,

⁴⁴⁰ Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Пер. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 74, 11–112. Также см.: *Dvornik Fr. Les legends de Constantin et de Méthode vues de Byzance*. Prague, 1933 (Byzantinoslavica supplementa 1). P. 70–79; *Thümmel H.-G. Die Disputation über die Bilder in der Vita des Konstantin // Bilderlehre und Bilderstreit*. Würzburg, 1991. S. 145–152.

⁴⁴¹ Также Никифору был приписан не принадлежащий ему «Сонник», созданный не позднее XI в. (вероятно, на рубеже IX–X вв.) и известный не менее чем в 18 списках: *Oberhelman S. M. Dreambooks in Byzantium. Six Oneirocritica in Translation with Commentary and Introduction*. Aldershot, 2008. P. 6–11.

имя Никифора было внесено в Синаксарь Константинопольской церкви X в.⁴⁴², упоминается в «Книге церемоний» Константина Багрянородного⁴⁴³, Типиконе Великой церкви⁴⁴⁴ и т. п.), его действительная история постепенно забывалась и искажалась. В то же время интерес к текстам, дошедшим от эпохи иконоборческих споров (пусть даже и с ошибочной атрибуцией), не угасал. Будучи созданы в период исповеднического сопротивления официальной церкви и государственной власти, они представляли собой непревзойденный образец полемической литературы, благодаря чему в последующие века обвинение в иконоборчестве стало страшным оружием, которое использовали на равных как паламиты, так и их противники.

⁴⁴² Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Opera et studio H. Delehayе. Brux., 1902. Cols. 533, 11 – 534, 18; 723, 6 – 726, 7.

⁴⁴³ Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des ceremonies / Texte établi et traduit par A. Vogt. T. 1. P., 1935. I, 10. P. 69, 29.

⁴⁴⁴ Le Typicon de la Grande Église. Ms. Saint-Croix no. 40, Xe siècle / Introduction, texte critique, traduction et notes par J. Mateos. R., 1962 (OCA 165). T. 1. P. 248, 4–7; 302, 10–17.

Заключение

Обобщим полученные в ходе работы результаты. Наше исследование было посвящено историко-филологическому анализу богословско-полемического трактата патриарха Никифора Константинопольского «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Изучение отечественной и зарубежной научной литературы показало, что, несмотря на значительный интерес историков и богословов к частным аспектам трактата, интересующая нас сфера в целом осталась вне внимания ученых. А обзор источниковой базы для первого и второго периодов иконоборчества позволил нам выделить основные источники, являющиеся образцами различных жанровых традиций (историографической, агиографической и др.), в сопоставлении с которыми должен рассматриваться интересующий нас текст.

В первой главе мы составили краткий биографический очерк, обрисовав исторический контекст, в котором был создан трактат, а также рассмотрели его композицию. Наш анализ подтвердил высказанную П. Александером гипотезу о единстве частей, входящих в «*Apologeticus atque Antirrheticus*»: т. н. «Большого Апологетика», посвященного опровержению иконоборческой аргументации Иерийского собора 754 г., и трех «Антирретиков», в которых Никифор рассматривает богословские произведения императора Константина V. Поскольку эти части неразрывно связаны друг с другом и пронизаны перекрестными ссылками, адекватное понимание логики рассуждения Никифора возможно только при условии их прочтения как цельного произведения.

Анализ полемической организации произведения, осуществленный нами во второй главе, продемонстрировал, что в трактате прослеживается реализация определенной программы, которая предполагает использование различных методов манипуляции читательским мнением: прием приписывания оппоненту ложной мотивировки, обобщение обвинения, метафора слепоты и т. п. Тем не менее, в задачи Никифора не входит какое-либо искажение цитируемого источника, поскольку апелляция к оригинальному тексту добавляла опровержению необходимый авторитет. Такое же отношение к фактам прослеживается и в «исторических главах» произведения: манипуляция ими сводится к комментированию и помещению в нужный контекст. В свою очередь, прием прямой фальсификации Никифором не используется, поскольку не согласуется с его задачей. Сочетание принципа отказа от искажения источника и указанные приемы манипуляции ведут к тому, что в «*Apologeticus atque Antirrheticus*» возникает сложное соотношение цитат и комментариев к ним. Никифор, тщательно оформляя переход от одного к другому, в развитии посылок оппонента стремится продемонстрировать как их внутреннюю противоречивость, так и еретические взгляды противника.

Анализ, предпринятый в третьей главе, показал, что трактат, созданный во время второго иконоборчества, но обращенный, тем не менее, к временам первого, помимо заявленных автором богословских задач имел и актуальные политические цели. Благодаря этому, некоторые части текста можно трактовать минимум на двух уровнях. Достаточно четко на протяжении всего произведения могут быть выделены эпизоды, в которых автор обращается напрямую к императору Льву V. Подобное соотнесение временных пластов помогает Никифору включить в произведение собственные взгляды на природу императорской власти, соотношение светской и церковной власти и происхождение иконоборчества. Это, в свою очередь, помогает ему вести тонкую политическую игру, выставляя социальную базу иконоборчества в глазах императора ненадежной и слабой.

Картина привнесения иконоборческого учения в Византию, рисуемая Никифором, должна предостеречь Льва V от дальнейших шагов в сторону ужесточения иконоборческой политики, которая, в изложении Никифора, оказывается губительной для государства и ведет к его распаду. Таким образом, обвинения против иконоборцев второго периода строятся по большей части в политической плоскости, а предложение Никифора императору, содержащееся в «*Apologeticus atque Antirrheticus*», предполагает как некие шаги в религиозной сфере, так и конкретные политические решения.

В четвертой главе мы обратились к вопросу об утраченных иконоборческих сочинениях Константина V, реконструкция которых возможна на основе «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Анализ показал, что реконструируемый текст, получивший условное название «Вопрошания», не может считаться единственным произведением Константина V, его необходимо отличать от сочинений, сведения о которых содержатся в других источниках. Это произведение характеризуется достаточно слабой аргументацией и не выверенным с точки зрения философской терминологии языком в сочетании с желанием автора следовать образцам риторического стиля и писать афористично. Такая задача предполагала форму вопросов, обращенных к епископам, и подчеркнуто вежливое отношение к адресатам.

«Вопрошания», изначально задумывавшиеся как произведение из двух глав и ставшие источником двух первых «Антирретиков», имели и актуальную полемическую задачу: они были созданы с целью опровержения слухов, распространяемых политическими противниками императора. Константину было необходимо продемонстрировать православный взгляд на вопрос о природе Христа и сформулировать аргументы против почитания икон наиболее корректно, одновременно осуждая все предыдущие христологические ереси, в которых его обвиняли. Источник «Третьего Антирретика» Никифора также принадлежит Константину, он характеризуется более

резким тоном, рыхлостью структуры (отсутствие вступления и заключения) и еще меньшей аргументированностью. Возможно, он был составлен в ответ на возражения епископов, последовавшие за публикацией первых «Вопрошаний».

Вопрос о радикальном богословии Константина V нуждается в дальнейшем изучении с привлечением «*Apologeticus atque Antirrheticus*» в качестве основного источника, однако уже сейчас могут быть сделаны определенные предварительные заключения: богословие Константина V не выходило за рамки христологии Вселенских соборов, однако неточность формулировок и недостаток богословской выучки автора позволили защитникам иконопочитания и политическим противникам Константина уже на ранних этапах противостояния заметить ошибки в аргументации «Вопрошаний» и распустить слухи об отступничестве Константина. Никифор, зная об этих слухах и в то же время имея перед глазами исходный текст Константина, попытался интерпретировать приведенные цитаты так, чтобы они воспринимались читателем именно в контексте этих слухов.

В пятой главе мы обратились к вопросу о рецепции трактата в последующие века как в греческой, так и в славянской традиции. Исследование показало, что с середины IX по середину XIV в. трактат практически не был известен в Византии в полном виде, однако цитаты из него были включены в ряд важнейших флорилегиев. Только в период исихастских споров в связи с возросшим интересом к истории и содержанию иконоборческой полемики как паламиты, так и их противники обратились к нему в поисках аргументов, которые позволили бы им возвести взгляды оппонентов к иконоборческому учению, признававшемуся ересью обеими сторонами. Однако анализ богословско-полемических сочинений Никифора Григоры продемонстрировал, что историческая память о ходе и содержании иконоборческих споров в этот период была существенно искажена. Анализ славянской традиции, в свою очередь, показал, что трактат не был известен в славянском мире, а в основе восходящего к нему «Написания о правой вере» Константина Философа лежал фрагмент, получивший самостоятельное хождение, предположительно, еще при жизни Никифора.

Сокращения

- ВВ – Византийский временник. СПб.; Пг.; Л., 1894–1928; М., 1947–.
- ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе. Од., 1896–1912.
- AASS – Acta Sanctorum quotquot toto in orbi coluntur... Antverpiae; Brux., 1643–1940. 68 t.
- BHG – Bibliotheca hagiographica graeca / Fr. Halkin. 3e éd. 3 t. Brux., 1957; Novum auctarium bibliothecae hagiographicae graecae. Brux., 1984 (Subsidia hagiographica 65).
- BBOM – Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Aldershot, 1996–.
- BBS – Berliner Byzantinische Studien. Fr. am Mein, 1994–.
- BTT – Belfast Byzantine Texts and Translations. Belfast, 1991–.
- BZ – Byzantinische Zeitschrift. Lpz.; Münch., 1892–.
- CCh. SG – Corpus Christianorum. Series Graeca. Turnhout, 1977–.
- CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae. B.; Wash. DC; Ath. etc., 1967–.
- CPG – Clavis Patrum Graecorum / Cura et studio M. Geerard. 5 vols., Indices et Supplementum. Turnhout, 1974–1998.
- DOP – Dumbarton Oaks Papers. Camb. Mass.; Wash. DC, 1941–.
- JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1969–.
- OCA – Orientalia Christiana Analecta. R., 1935–.
- PMBZ – Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abt. (641–867) / Hg. F. Winkelmann, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow, B. Zielke u. a. 7 Bde. B.; N.-Y., 1998–2001.
- PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. P., 1857–1866. 161 t.
- WBS – Wiener Byzantinische Studien. Wien; Graz; Köln, 1964–.

Библиография

1. Издания и переводы произведений Никифора

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам / Пер. И. Д. Андреева; под. ред. М. Д. Муретова // Богословский вестник. 1900. Т. 3. № 11; 1901. Т. 1. № 1; 1901. Т. 1. № 3; 1901. Т. 2. № 5; 1901. Т. 2. № 7/8; 1902. Т. 1. № 2; 1902. Т. 1. № 4; 1902. Т. 1. № 6; 1902. Т. 2. № 7/8; 1902. Т. 3. № 10; 1903. Т. 1. № 2; 1903. Т. 1. № 4; 1903. Т. 2. № 6; 1903. Т. 2. № 7/8; 1903. Т. 2. № 10; 1903. Т. 2. № 12 (особая пагинация).

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под. ред. М. Д. Муретова // Богословский вестник. 1904. Т. 3. № 10; 1905. Т. 1. № 3; 1905. Т. 2. № 4; 1905. Т. 2. № 5; 1905. Т. 2. № 6; 1905. Т. 3. № 11; 1905. Т. 3. № 12; 1906. Т. 1. № 1; 1906. Т. 2. № 5; 1906. Т. 2. № 6; 1906. Т. 3. № 10; 1906. Т. 3. № 11; 1906. Т. 3. № 12; 1907. Т. 1. № 2; 1907. Т. 1. № 3; 1907. Т. 1. № 4.

Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Ч. I–II. М., 1904–1907 (= Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. Минск, 2001).

Antirrhetici tres adversus Constantinum Copronymum // Patrum nova bibliotheca / Ed. A. Mai. T. 5. R., 1849. P. 1–144 (особая пагинация) (=PG 100. Cols. 205A–533A).

Apologeticus minor pro sacris imaginibus // PG 100. Cols. 833C–849.

Apologeticus pro sacris imaginibus // Patrum nova bibliotheca / Ed. A. Mai. T. 5. R., 1849. P. 1–141 (особая пагинация) (=PG 100. Cols. 533B–832A).

Eusebii Caesariensis confutatio // Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera... / Cur. J. B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. 371–503.

De notre bienheureux Père et Archévêque de Constantinople Nicéphore. Discussion et réfutation des bavardages ignares, athées et tout à fait creux de l'irreligieux Mamon contre l'incarnation de Dieu le Verbe notre Sauveur. Discours contre les iconoclastes / Traduction, présentation et notes par M.-J. Mondzain-Baudinet (Collection d'esthétique 52). P., 1989.

Nicephori Antirrhetica. Sanctorum patrum testimonia octoginta de Christi incarnatione, duplici natura ac resurrectione adversus iconomachos adducta // Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera... / Cur. J. B. Pitra. T. 1. P., 1852. P. 337–370.

Nicephori Epistola ad Leonem III Papam // PG. T. 100. Cols. 169A–200C.

Nicephori Patriarchae Constantinopolitani Refutatio et Eversio definitionis synodalis anni 815 / Cura J. M. Featherstone. Turnhout, 1997 (CCh. SG 33).

Nicephori sanctissimi patriarchae Constantinopolitani disputatio cum Leone Armeno imperatore // Leonis Allatii de Symeonum scriptis diatriba... Originum rerumque Constantinopolitanarum manipulus, variis auctoribus // Fr. Combefis. P., 1664. P. 159–182.

Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, translation and commentary by C. Mango. Wash. DC, 1990 (CFHB 13; Dumbarton Oaks Texts 10).

Νικηφόρου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως διαφορὰ εἰκόνοσ Χριστοῦ καὶ σταυροῦ, ἐν δέκα ἀποδείξεων συλλογιστικῶν τρόποισ // *Spicilegium Romanum / Ed. A Mai. T. X. Roma, 1844. Pars 2. P. 157–160.*

2. Прочие источники

Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Пер. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 70–92. Прим.: С. 105–142.

Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. Исповедника Никиты / Пер. Д. Е. Афиногенова. М., 2001.

Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., 2002.

Basile de Césarée. Sur le Saint-Ésprit / Éd. B. Pruche. P., 1968 (Sources chrétiennes 17 bis).

Byzantine Defenders of Images. Eight Saints' Lives in English Translation / Ed. A.-M. Talbot. Wash. DC, 1998 (Byzantine saints' lives in translation 2).

The Chronicle of Theophanes Confessor. Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / Translated with Introduction and Commentary by C. Mango and R. Scott. Oxf., 1997.

Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des ceremonies / Texte établi et traduit par A. Vogt. T. 1–2. P., 1935–1940.

The Correspondence of Ignatios the Deacon / Text, Translation and Commentary by C. Mango. With collaboration of St. Efthymiadis. Wash. DC, 1997 (CFHB 39).

The Council in Trullo Revisited / Ed. G. Nedungatt, J. M. Featherstone. R., 1995 (KANONIKA 6).

Euthymius Zigabenus. Panoplia dogmatica // PG 130. Cols. 9–1361.

Georgii Monachi Chronicon / Ed. C. de Boor, editionem anni MCMIV correctiorem curavit P. Wirth. 2 vols. Stutt., 1978.

Hergenroether J. (ed.) Monumenta graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Ratisbona, 1869.

The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople / English Translation, Introduction and Commentary by C. Mango. Cambr. Mass., 1958.

Die ikonoklastische Synode von Hiereia 754. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar ihres Horos / Hg. T. Krannich, Chr. Schubert, Cl. Sode. Tübingen, 2002 (Studien und Texte zu Antike und Christentum 15).

The Life of Michael the Synkellos / Text, Translation and Commentary by M. B. Cunningham. Belfast, 1991 (BBTT 1).

Matthaeus Blastares. Syntagma Alphabeticum // PG 144. Cols. 959–1400.

Michaelis Glycae Annales / Rec. Imm. Bekker. Bonn, 1836.

Nicephori Gregorae Byzantina Historia / Cura L. Schopeni, I. Bekkeri. 3 Vols. Bonn, 1829–1855.

Nikephoros Gregoras. Antirrhetika I / Hg. H.-V. Beyer. Wien, 1976 (WBS 12).

Photii patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia / Rec. B. Laourdas, L. G. Westerink. Vol. 1. Lpz., 1983.

Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Opera et studio H. Delehaye. Brux., 1902.

Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. I. D. Mansi. Florentiae; Venetiae, 1759–1769. 31 t.

Scriptor Incertus / Introduzione di E. Pinto, testo critico, versione italiana, note e indici a cura di Fr. Iadevaia. 2 ristampa. Messina, 1997.

Die Schriften des Johannes von Damaskos. Contra imaginum caluminatores orationes tres / Besorgt von P. B. Kotter. B.; N.-Y., 1975 (Patristische Texte und Studien 17).

Die Schriften des Johannes von Damaskos. Dialectica / Besorgt von P. B. Kotter. B.; N.-Y., 1969 (Patristische Texte und Studien 7).

Die Schriften des Johannes von Damaskos. Expositio fidei / Besorgt von P. B. Kotter. B.; N.-Y., 1973 (Patristische Texte und Studien 12).

Die Schriften des Johannes von Damaskos. Liber de haeresibus. Opera polemica / Besorgt von P. B. Kotter. B.; N.-Y., 1981 (Patristische Texte und Studien 22).

Textus byzantinos ad iconomachiam pertinentes / Ed. H. Hennephof. Leiden, 1969 (Byzantina Neerlandica. Series A. Fasc. 1).

Theodori Studitae Antirrhetici tres adversus iconomachos // PG 99. Cols. 327–436.

Theodori Studitae epistulae / Rec. G. Fatouros. 2 Bde. B.; N.-Y., 1991 (CFHB 31/1–2).

Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. 2 vols. Lipsiae, 1883.

Le Typicon de la Grande Église. Ms. Saint-Croix no. 40, Xe siècle / Introduction, texte critique, traduction et notes par J. Mateos. T. 1–2. R., 1962 (OCA 165).

La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre / Introduction, Édition et Traduction M.-Fr. Auzépy. Aldershot, 1997 (BBOM 3).

Vita Ioannicii / Ed. J. van den Gheyn // AASS. Novembris. T. II/1. Cols. 384–435.

Vita Nicephori / Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lpz., 1880. P. 139–217.

Vita s. Nicetae confessoris // AASS. Aprilis. T. I. XXII–XXXIII.

Vita s. Nicolai Studitae // PG 105. Cols. 856A–925C.

Ματθαίου τοῦ Βλαστάρεως Σύνταγμα κατὰ στοιχεῖον // Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερωῶν κανόνων... / Ἐκδ. Γ. Α. Ράλλη, Μ. Ποτλῆ. Τ. 6. Ἀθ., 1869.

Φωτίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως λόγοι καὶ ὁμιλίας / Ἐκδ. Σ. Ἀριστάρχου. Κωνσταντινούπολις, 1900. 2 τ.

3. Основная научная литература⁴⁴⁵

Афиногенов Д. Е. «Обличение и опровержение» патриарха Никифора как источник хроники Георгия Амартола // Христианский Восток 1 (7). СПб.; М., 1999. С. 15–25.

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.

Афиногенов Д. Е. Нарративные структуры как инструмент источниковедения: на примере византийских хроник IX в. // Индоевропейское языкознание и классическая филология VIII (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2004. С. 7–11.

Афиногенов Д. Е. «Повесть о прощении Феофила» и Торжество Православия. М., 2004.

Афиногенов Д. Е. Рукопись Coislinianus 305: первоначальная версия хроники Георгия Монаха // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004 (Славяне и их соседи 11). С. 19–29.

Афиногенов Д. Е. Тактика православного сопротивления в начале второго периода иконоборчества // Традиции и наследие Христианского Востока. М., 1996. С. 63–84.

Баранов В. А. Богословская интерпретация иконоборческой надписи в Халки // История и теория культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2004. С. 181–186.

Верещагин Е. М. (в соавторстве с А. И. Юрченко). Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

Живов В. М. Богословие иконы в первый период иконоборческих споров // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 40–69.

Каждан А. П. (в сотрудничестве с Ли Ф. Шерри и Х. Ангелиди). История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002.

Литвиц Е. Э. Никифор и его исторический труд // ВВ 3 (1950). С. 85–105.

⁴⁴⁵ Рецензии и справочные статьи опускаются.

Лурье В. М. (в соавторстве с В. А. Барановым). История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006.

Макаров Д. И. Из комментариев к поздневизантийским текстам. Заметка первая. Святой Феофан Никейский, апостол Павел и богословская традиция иконопочитателей: к постановке проблемы // Проблемы теологии. Вып. 4. Материалы Четвертой международной богословской научно-практической конференции 16 февраля 2006 г. Екатеринбург, 2007. С. 115–134.

Мелиоранский Б. М. Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета 59).

Острогорский Г. А. Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой православных апологетов раннего периода иконоборчества // *Seminarium Kondakovianum*. I. Praga, 1927. S. 35–48.

Сидоров А. П. Послание Евсевия Кесарийского к Констанции (к вопросу об идейных истоках иконоборчества) // ВВ 51 (1990). С. 58–73.

Успенский К. Н. Феофан и его Хронография // ВВ 3 (1950). С. 396–438.

Фонкич Б. Л. Автографы константинопольского патриарха Филофея Коккина (рукописи Мюнхена, Вены, Москвы, Венеции и Ивирского монастыря) // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. М., 2000. С. 59–75.

Фонкич Б. Л. Новые автографы Никифора Григоры // Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998. М., 1999. С. 62–77.

Юрченко А. И. К проблеме идентификации «Написания о правой вере». Доклад на Первой Международной научной церковно-исторической конференции, посвященной Тысячелетию Крещения Руси (Киев, 21–28 июля 1986 года) // Балто-славянские исследования: 1985. М., 1987. С. 221–232.

Afinogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet Against Leo III and Constantine V? // *Eranos* 100 (2000). P. 1–17.

Afinogenov D. Did the patriarchal Archive end up in the monastery of Stoudios? Ninth century vicissitudes of some important document collections // *Monastères, images, pouvoirs et société à Byzance / Sous la direction de Michel Kaplan*. P., 2006 (*Byzantina Sorbonensia* 23). P. 125–133.

Afinogenov D. The Date of Georgios Monachos Reconsidered // *BZ* 92 (1999). Heft 2. S. 437–447.

Agapitos P. A. Mortuary Typology in the Lives of Saints: Michael the Synkellos and Stephen the Younger // *Les Vies des saints à Byzance. Genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international philologique, Paris 68 juin 2002*. P., 2004 (*Dossiers Byzantins* 4). P. 103–135.

- Alexakis A.* Codex Parisinus Graecus 1115 and Its Archetype. Wash. DC, 1996 (Dumbarton Oaks Studies 34).
- Alexander P. J.* The Iconoclastic Council of St. Sophia (815) and Its Definition // DOP 7 (1958). P. 35–66.
- Alexander P. J.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxf., 1958.
- Alexander P. J.* Secular Biography at Byzantium // Speculum 15/2 (1940). P. 194–209.
- Anastos M. V.* The Argument for Iconoclasm as Presented by the Iconoclastic Council of 754 // Late Classical and Medieval Studies in Honor of A. M. Friend Jr. / Ed. K. Weitzman. Princeton N. J., 1955. P. 177–188.
- Anastos M. V.* The Ethical Theory of Images Formulated by the Iconoclasts in 754 and 815 // DOP 8 (1954). P. 153–160.
- Auzépy M.-Fr.* L'Hagiographie et l'Iconoclasme Byzantin. Le cas de la *Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot, 1999. (BBOM 5).
- Auzépy M.-Fr.* La vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Éd. par C. Zuckerman. P., 2006. P. 69–85.
- Ahrweiler H.* The Geography of the Iconoclast World // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 21–27.
- Baranov V.* The Theology of Early Iconoclasm as Found in st. John of Damascus' Apologies // Христианский Восток 4 (10). М., 2006. С. 23–55.
- Beck H.-G.* Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. Münch., 1959 (Byzantinisches Handbuch. 2. Teil, 1. Bd.).
- Blake R.* Note sur l'activité littéraire de Nicephore Ier Patriarche de Constantinople // Byzantion 14 (1939). Fasc. 1. P. 1–15.
- Brandes W.* Pejorative Phantomnamen im 8. Jh. Ein Beitrag zur Quellenkritik des Theophanes // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / Hg. von L. M. Hoffmann unter Mitarbeit von A. Monchizadeh. Wiesbaden, 2005. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik / Hg. von G. Prinzig. Bd. 7). S. 93–125.
- Brock S.* Iconoclasm and the Monophysites // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 53–57.
- Brown P.* A Dark Age Crisis: Aspects of the Iconoclastic Controversy // English Historical Review 88 (1973). P. 1–34.
- Brubaker L.* In the begining was the Word: Art and Orthodoxy at the Councils of Trullo (692) and Nicaea II (787) // Byzantine orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Durham, 23–25 March 2002 / Ed. A. Louth and A. Casiday

(Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 12). Aldershot; Burlington, 2006. P. 95–101.

Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca. 680–850): The Sources. An annotated Survey. Aldershot, 2001 (BBOM 7).

O'Connell P. The Ecclesiology of St. Nicephorus I (758–828) Patriarch of Constantinople. Pentarchy and Primacy. R., 1972 (OCA 194).

Declerck J. Les sept opuscules "Sur la fabrication des images" attribués à Nicéphore de Constantinople // Philomathestatos. Studies in Greek Patristic and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday / Ed. B. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun. Leuven, 2004 (Orientalia Lovaniensia analecta 137). P. 105–164.

Demoen K. The Theologian on Icons? Byzantine and Modern Claims and Distortions // BZ 91 (1998). Abt. 1. S. 1–19.

Dvornik Fr. Les legends de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933. (Byzantinoslavica supplementa 1).

Dvornik Fr. The Patriarch Photius and Iconoclasm // DOP 7 (1953). P. 68–97.

Dobschütz E. von. Methodios und die Studiten. Strömungen und Gegenströmungen in der Hagiographie des 9. Jahrhunderts // BZ 18 (1909). S. 41–105.

Fabricius J. A. Bibliotheca graeca sive notitia scriptorum veterum graecorum... / Editio nova... curante G. Chr. Harles. Vol. 7. Hamb., 1801.

Featherstone J.-M. The Praise of Theodore Graptos by Theophanes of Caesarea // AB 98 (1980). P. 93–150.

Florovsky G. Origen, Eusebius, and the Iconoclastic Controversy // Church History. 19 (1950). P. 77–96.

Gero S. Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V. With Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1977 (CSCO 384).

Gero S. The Eucharistic Doctrine of the Byzantine Iconoclasts and its Sources // BZ 68 (1975). S. 4–22.

Grabar O. Islam and Iconoclasm // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 45–52.

Grumel V. Le "Douze Chapitres Contre les Iconomaques" de Saint Nicéphore de Constantinople // RÉB 17 (1959). P. 127–135.

Gwynn D. M. From Iconoclasm to Arianism: The Construction of Christian Tradition in the Iconoclast Controversy // Greek, Roman, and Byzantine Studies 47 (2007). P. 225–251.

Hatlie P. Monks and Monasteries of Constantinople ca. 350–850. Cambr., 2007.

Herrin J. The Context of the Iconoclastic Reform // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 15–20.

Ivanov S. A. The Slavonic Life of Saint Stephen of Surozh // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Éd. par C. Zuckerman. P., 2006. P. 109–166.

Janin R. Constantinople byzantin. Développement urbain et répertoire topographique. 2me éd. P., 1964 (Archives d'Orient Chrétien 4A).

Janin R. Les églises et les monastères des grands centres byzantins. P., 1957.

Kaegi W. E. (jr.) Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation. Amsterdam, 1981.

Karayannopulos J., Weiss G. Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). 1. Halbband. Wiesbaden, 1982 (Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa 14).

Karlin-Hayter P. Methodios and his synod // Byzantine orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Durham, 23–25 March 2002 / Ed. A. Louth and A. Casiday (Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 12). Aldershot; Burlington, 2006. P. 55–74.

Koutrakou N.-K. La Propagande Impériale Byzantine: Persuasion et Réaction (VIIIe – X siècles). Athènes, 1994.

Ladner G. B. The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic controversy // DOP 7 (1953). P. 1–34.

Lemerle P. L'histoire des pauliciens d'Asie Mineure d'après les sources grecques // Travaux et Mémoires. 1973. Vol. 5. P. 1–144.

Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971 (Bibliothèque byzantine 6).

Lilie R.-J. Byzanz unter Eirene und Konstantin VI. (780–802). Mit einem Kapitel über Leon IV. von I. Rochow. Fr. am Mein; B. u. a., 1996 (BBS 2).

Lombard A. Constantin V, empereur des romains (740–775). P., 1902 (Bibliothèque de la Faculté des lettres de l'Université de Paris 16).

Mango C. Historical Introduction // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 1–6.

Mango C. The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photios // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 133–140;

Mango C. The Two Lives of St. Ioannikios and the Bulgarians // Okeanos. Essays presented to I. Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students / Ed. C. Mango, O. Pritsak (= Harvard Ukrainian Studies VII). Cambr., Mass., 1983. P. 393–404.

- Martin E. J.* A History of the Iconoclastic Controversy. L., 1930.
- Oberhelman S. M.* Dreambooks in Byzantium. Six Oneirocritica in Translation with Commentary and Introduction. Aldershot, 2008.
- Ostrogorsky G.* Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurer // BZ 30 (1929–1930). S. 394–400.
- Ostrogorsky G.* Studien zur Geschichte des Byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1939.
- Pargoire P.J.* Hiéria // ИРАИК IV/2 (1899). С. 9–78.
- Parry K.* Depicting the Word. Byzantine Iconophile Thought in Eighth and Ninth Centuries. Leiden; N.-Y.; Köln, 1996 (The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies, and Cultures, 400–1453. Vol. 12).
- Pratsch Th.* Der hagiographische Topos. Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. B.; N.-Y., 2005 (Millenium-Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. 6).
- Pratsch Th.* Nikephoros I. (806–815) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999. (BBS 5). S. 109–147.
- Pratsch Th.* Theodoros Studites (759–826) – zwischen Dogma und Pragma. Der Abt des Studiosklosters in Konstantinopel im Spannungsfeld von Patriarch, Kaiser und eigenem Anspruch. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1998 (BBS 4).
- Pratsch Th.* Theodotos I. (815–821) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999. (BBS 5). S. 148–155.
- Quellenkunde zur Prosopographie des 7. bis 9. Jahrhunderts // PMBZ. Prolegomena. B., 1998. S. 13–294.
- Rochow I.* Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Mit einem prosopographischen Anhang von K. Ludwig, I. Rochow und R.-J. Lilie. F. am Mein; Berlin u. a., 1994 (BBS 1).
- Rochow I.* Konstantinos II. (754–766) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999. (BBS 5). S. 30–44.
- Rouan M.-F.* Une lecture “iconoclaste” de la Vie d’Étienne le Jeune // Travaux et memoirs. 1981. № 8. P. 415–436.
- Serruys D.* Les Actes du Concile Iconoclaste de l’an 815 // Mélanges d’archéologie et d’histoire 23/1 (1903). P. 345–351.
- Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham, March 1975 / Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977. P. 113–131.

Speck P. Artabasdos, der rechtgläubige Vorkämpfer der göttlichen Lehren. Bonn, 1981.

Speck P. Die Frauen und Söhne Konstantins V. und die Sicherung der Nachfolge // BZ 93 (2000). Heft 2. S. 568–585.

Stathakopoulos D. Ch. Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire. A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics. Aldershot, 2004 (BBOM 9).

Stein D. Germanos I. (715–730) // Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit. Germanos I. – Methodios. (715–847) / Hrsg. von R.-J. Lilie. Fr. am Mein; Berlin; Bern u.a., 1999 (BBS 5). S. 5–21.

Thümmel H.-G. Neilos von Ankyra über die Bilder // BZ 71 (1978). S. 10–21.

Thümmel H.-G. Die Disputation über die Bilder in der Vita des Konstantin // Bilderlehre und Bilderstreit. Würzburg, 1991. S. 145–152.

Thümmel H.-G. Eine Schrift über das Wesen der Ikone “Gegen die Bilderstürmer” // Bilderlehre und Bilderstreit. Würzburg, 1991. S. 127–144.

Treadgold W. The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988.

Turner D. The Origin and Accession of Leo V (813–820) // JÖB 40 (1990). S. 171–203.

Vasiliev A. A. The Iconoclastic Edict of the Caliph Yazid II, A. D. 721 // DOP 9 (1956). P. 23–47.

Winkelman F. Quellenstudien zur herrschenden Klasse von Byzanz im 8. und 9. Jahrhundert. B., 1987 (BBA 54).

Wortley J. Iconoclasm and Leipsanoclasm: Leo III, Constantine V and the Relics // ByzF 8 (1982). S. 253–279.

4. Публикации автора диссертационного исследования

Луховицкий Л. В. Греческий оригинал «Написания о правой вере» Константина Философа: структурная организация и полемические задачи // Славяноведение. 2007. № 5. С. 65–73;

Луховицкий Л. В. Риторические приемы в антииконоборческом трактате патриарха Никифора Константинопольского “Apologeticus atque Antirrheticus” // Вопросы филологии. 2007. № 3 (27). С. 85–93;

Луховицкий Л. В. Полемическая программа исторических глав “Apologeticus atque Antirrheticus” и “Refutatio et Eversio” Никифора Константинопольского // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2008. С. 286–288;

Луховицкий Л. В. Славянское «Написание о правой вере» в контексте изучения наследия патриарха Никифора I // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада: тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 20–21 октября 2008 г. М., 2008. С. 92–97;

Луховицкий Л. В. Антииконоборческая полемика: искажение или интерпретация (на материале “*Apologeticus atque Antirrheticus*” патриарха Никифора I // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация (XXI Чтения памяти В.Т. Пашуто). М., 2009. С. 187–191;

Луховицкий Л. В. Иерийский собор // Православная энциклопедия. Т. 21. М., 2009. С. 301–304;

Луховицкий Л. В. История первого периода иконоборчества и актуальная политика в “*Apologeticus atque Antirrheticus*” патриарха Никифора Константинопольского // ВВ 68 (2009). С. 59–74;

Луховицкий Л. В. К вопросу о «радикальном богословии» Константина V (филологические заметки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология XIII. Материалы чтений, посвященных памяти И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 402–409;

Луховицкий Л. В. «Простая вера» патриарха Никифора Константинопольского // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009. С. 274–276.

Приложение 1. Композиция «*Apologeticus atque Antirrheticus*»

I. «Большой Апологетик» (Λόγος ὑπὲρ τῆς ἀμωμήτου καὶ καθαρᾶς καὶ εἰλικρινοῦς ἡμῶν τῶν χριστιανῶν πίστεως καὶ κατὰ τῶν δοξαζόντων εἰδώλοισ προσκεκυνηκέναι): AA. 533B–832A

1) Вводная часть

- Риторическое вступление: Cap. 1–2. AA. 533B–537D;
- Исходные послышки: Cap. 3–4. AA. 537D–544B;
- Историческая часть: Cap. 5–9; 13–16. AA. 544B–560B; AA.564D–572D;
- Два иконоборческих тезиса: Cap. 10. AA. 560BC;
- Отступление о ереси арианства: Cap. 11–12. AA. 560D–564D;
- Соборная часть

а) Иерийский собор: Cap. 17⁴⁴⁶: AA. 577D–580C;

б) Исповедание веры: Cap. 18–23: AA. 580C–592B;

в) Седьмой вселенский собор: Cap. 25. AA. 596B–600B;

2) Начало опровержения: Cap. 26–33. AA. 600B–616A;

3) Разбор свидетельств из Святого Писания: Cap. 34–59. AA. 616A–745A (Cap. 39. AA. 648A–653A – отступление о язычестве);

4) Обвинение против иконоборцев: Cap. 60–65. AA. 745A–757A;

5) Основания иконопочитания в традиции

а) Скиния Завета: Cap. 66–71. AA. 757A– 785A (Cap. 70–71. AA. 768C–780C – отступление об изобразимости Херувимов);

б) Храм Соломона: Cap. 72–74. AA. 785A–793B;

6) Логическая часть: Cap. 75–82. AA. 793B–809B;

7) Выводы: Cap. 82. AA. 809B–812C;

8) Флорилегий 1

а) Вступление к флорилегию 1 (Προοίμιον τῶν ὑποκειμένων χρήσεων ΚC): AA. 812C–813C;

б) Флорилегий 1: AA. 813D–829C;

в) Заключение к флорилегию 1: AA. 829C–832A.

⁴⁴⁶ Начало главы 17 (AA. 573A–577C), глава 24 (AA. 592C–593B) и начало главы 25 (AA. 593B–596B) представляют собой риторические переходы, составленные по большей части из цитат из Священного Писания.

II. «Αντιρρητικοί» (Ἀντίρρησις καὶ ἀνατροπὴ τῶν παρὰ τοῦ δυσσεβοῦς Μαρωνᾶ
κατὰ τῆς σωτηρίου τοῦ Θεοῦ Λόγου σαρκώσεως ἀμαθῶς καὶ ἀθεῶς
κενολογηθέντων ληρημάτων): ΑΑ. 205Α–533Α

1. «Первый Антирретик» (Ἀντίρρησις πρώτη): ΑΑ. 205Α–328D

- 1) Вводная часть: Cap. 1–8. ΑΑ. 205Α–216B;
- 2) Οπровержение сочинений Константина V: Cap. 9–50 (+ отступление об иконе и первообразе – Cap. 28–31: ΑΑ. 276D–281C).

2. «Второй Антирретик» (Ἀντίρρησις δευτέρα): ΑΑ. 329Α–373C

- 1) Οπровержение сочинений Константина V: Cap. 1–4. ΑΑ. 329Α–341Α;
- 2) Гипотетическая часть: Cap. 4–7. ΑΑ. 341Α–345C;
- 3) Доказательство изобразимости ангелов: Cap. 7–11. ΑΑ. 345C–353C;
- 4) Термины γραφή и περιγραφή: Cap. 11–19. ΑΑ. 353C–373C.

3. «Третий Антирретик» (Ἀντίρρησις τρίτη): ΑΑ. 376Α–533Α

- 1) Вводная часть: Cap. 1–2. ΑΑ. 376Α–380B;
- 2) Основания иконопочитания в традиции
 - Иконопись и Евангелие, устное предание и закон: Cap. 3–13. ΑΑ. 380B–397B;
 - Полемический переход (иконоборцы – не христиане): Cap. 14–15. ΑΑ. 397B–400D;
 - Святоотеческие свидетельства в пользу иконопочитания: Cap. 16–32. ΑΑ. 400D–425B;
 - Икона и честной крест: Cap. 32–36. ΑΑ. 425C–436B;
 - Разбор частных возражений иконоборцев: Cap. 37–61. ΑΑ. 436B–488Α;
- 3) Историческая часть: Cap. 62–84. ΑΑ. 488Α–533Α.

4. Φлорилегий 2: ΑΑFlor. 337–370

- Вступление к флорилегии 2 (Προοίμιον τῶν ὑποκειμένων χρήσεων ΟΕ): ΑΑFlor. 337, 1–340, 5;
- Φлорилегий 2: ΑΑFlor. 340, 6–370, 10;
- Заключение к флорилегии 2: ΑΑFlor. 370, 11–29.

**Приложение 2. Основные реконструкции сочинений Константина V
(сравнительная таблица)**

<i>Πεῦσις Α'</i>				
<i>ΑΑ</i>	<i>Μελιоранский</i> ⁴⁴⁷	<i>Ostrogorsky</i> ⁴⁴⁸	<i>Hennephof</i> ⁴⁴⁹	<i>Rochow</i> ⁴⁵⁰
<i>216BC inc. ἡ ἀγία... des. ...γνωρίζηται</i>	+	+	141	+
<i>225A inc. καὶ εἰ καλῶς... des. ...τοῦ εἰκονιζομένου</i>	+	+	142	+
<i>228D inc. ἵνα τὸ ὄλον... des. ...οὐδὲ εἰκῶν</i>	+	+	143	+
<i>232A inc. ζητοῦμεν... des. ...τουτέστιν εἰκονίζεσθαι</i>	+	+	144	+
<i>232C inc. τῷ ἀλλῶ... des. ...καὶ ἀσχημάτιστον</i>	–	–	145	+
<i>236CD inc. ἐπειδὴ καὶ ἑτέραν... des. ...ἦτις ἐστὶν ἀπερίγραφτος</i>	+	+	146	+
<i>245A inc. καὶ ὁράτε... des. ...διδόναι</i>	–	–	<i>(147)</i> ⁴⁵¹ <i>inc. ἔδει... des. ...ὑπάρξαι</i>	+
<i>248A inc. ἔσται δὲ ταῦτα... des. ...καὶ ὁμοούσιος αὐτῷ εἶη</i>	–	–	<i>(148) inc. ὁμοούσιος... des. ...δέδοται</i>	+
<i>248D–249A inc. ἐπειδὴ μετὰ τὸν... des. ...καὶ ἔστι κακῶς τοῦτο</i>	+	+	149	+
<i>252A inc. ἐπειδὴ ἀπερίγραφτος... des. ...καὶ ἡ σάρξ</i>	–	–	150	+
<i>252C inc. ὅτι ἐπὶ τῆς σαρκός... des. ...ψιλοῦ ἀνθρώπου</i>	+	+	151	+
<i>253A inc. τουτέστι χαρακτηρίζων... des. μὴ εἶναι εἰς αὐτὸν</i>	+	+	152	+
<i>260C–261A inc. συμπεριγεγράφθαι... des. ...τὸν Λόγον</i>	–	–	153	+
<i>284A inc. τοῦ ἠνωμένου... des. ...μὴ εἶναι εἰς αὐτόν</i>	–	–	154	+

⁴⁴⁷ *Μελιоранский* Β. Μ. Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб., 1901 (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета 59). С. 118–121

⁴⁴⁸ *Ostrogorsky* G. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929. S. 8–11.

⁴⁴⁹ *Hennephof* H. Textus byzantinos ad iconomachiam pertinentes in usum academicum. Leiden, 1969. P. 52–57. Frg. 141–187.

⁴⁵⁰ *Rochow* I. Kaiser Konstantin V. (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. Mit einem prosopographischen Anhang von K. Ludwig, I. Rochow und R.-J. Lilie. F. am Mein; Berlin u. a., 1994 (BBS 1). Anhang 1: Die fragmente der "Peuseis" Konstantins. S. 177–188.

⁴⁵¹ Издатель использует круглые скобки, чтобы показать, что фрагмент является непрямой цитатой.

284D <i>inc.</i> ἀλλ'εἰ οὐ χωρίζεται... <i>des.</i> ...πάντως	+	+	155	+
293A <i>inc.</i> ἀδύνατον γὰρ ἐστίν... <i>des.</i> ...ὅποιόν ἐστίν	+	+	156	+
296C <i>inc.</i> οὐ δυνατὸν γὰρ... <i>des.</i> ...ἀπρόσωπον τυγχάνειν	+	+	157	+
297A <i>inc.</i> ὅτι ἢ εἰκῶν... <i>des.</i> ...ἀπερίγραφτον τυγχάνειν	+	+	158	+
300C <i>inc.</i> ὥστε σάρκα λέγοντες... <i>des.</i> ...γενόμενος Χριστός	+	-	-	-
301C <i>inc.</i> ἀλλ'ἢ καὶ τὸ θεῖον... <i>des.</i> ...τὸ θεῖόν ἐστίν ἀπερίγραφον	+	+	159	+
309A <i>inc.</i> λέγει δὲ ὁ ποιήσας... <i>des.</i> ...ἀλλὰ καὶ Θεόν	+	+	160	+
313A <i>inc.</i> καὶ πῶς τοῦ Θεοῦ... <i>des.</i> ...ἀκατάληπτον φύσιν μή;	+	+	161	+
<i>Πεῦσις Β'</i>				
329A <i>inc.</i> Ὑπελάβομεν... <i>des.</i> ...δύο φύσεων τοῦ Χριστοῦ	+	+	162	+
332B <i>inc.</i> Ὁ εἷς ἐκεῖνος... <i>des.</i> ...μὴ περιγραφομένης;	+	+	163	+
332D <i>inc.</i> Κατὰ τὴν θεότητα... <i>des.</i> ...νύκτα καὶ ἡμέραν	+	+	164 <i>inc.</i> ἄγει εἰς μέσον τὸν ἄρτον...	+
333B <i>inc.</i> ἐκέλευσε τοῖς ἀγίοις... <i>des.</i> ...ἀληθῶς σῶμα αὐτοῦ	+	+	165	+
336A <i>inc.</i> καὶ κἄν ὡς εἰκόνα... <i>des.</i> ...τοῦ σώματος αὐτοῦ	-	+	166	+
337A <i>inc.</i> Τί γὰρ;... <i>des.</i> ...ἐκεῖνου γινόμενος	+	+	167	+
337CD <i>inc.</i> οὐ πᾶς ἄρτος... <i>des.</i> ...πρὸς τὸ ἀχειροποίητον	+	+	168	+
340BC <i>inc.</i> πρὸς τὸ τέλος... <i>des.</i> ...γενέσθαι τοιοῦτον (с сокращениями)	+	+	(169)	-
340D <i>inc.</i> ὡς ἐὰν εἰς τοῦτο... <i>des.</i> ...μαρτυρίας παριστᾶν	-	+	170	+
<i>Πεῦσις Γ'</i>				
<i>AA</i>	<i>Hennephof</i>		<i>Rochow</i>	
389C <i>inc.</i> Πόθεν οὖν... <i>des.</i> ...ἐγκελεύεται;	171		+	
393B <i>inc.</i> Βασιλευσί μὲν... <i>des.</i> ...οὐκ ἐφαρμοστέον.	172		+	
420A <i>inc.</i> ὅτι Ἕλληνες... <i>des.</i> ...τοῦτο ποιεῖν	173		+	
425D <i>inc.</i> τὸν τύπον... <i>des.</i> ...ἐν αὐτῷ	174		+	
433CD <i>inc.</i> τὰ γὰρ ἀρχήθεν... <i>des.</i> ...βδελυκτά (с сокращениями)	(175)		-	

436B inc. ἀλλὰ ταῖς εἰκόσι... des. ...προσκυνεῖσθαι εἰκόσιν	176	+
437B inc. πρὸ μὲν τοῦ πάθους... des. ...περιειργόμενον;	177	+
445D inc. Γέγραπται... des. ...εἰκονίζειν τὸν Χριστὸν	178	+
457B inc. εἶτα ἔστω μὲν ταῦτα... des. ...θεοῦ ὁμοίωμα	179	+
460A inc. ὑμῖν μὲν οὖν... des. ...προχειρότατον	(180)	-
457B inc. οὐ προσκυνητέα... des. ...προσκύνησις παραδέδεικται	181	
464C inc. ὅτι καὶ θηρίων... des. ...προσκυνητέα ἢ εἰκῶν	182	+
468C-469A inc. ἐπειδὴ τὰ τοῦ Χριστοῦ... des. ...ἠξιῶσθαι πάποτε	(183)	+
477C inc. ἅγιοι εἰσιν... des. ...ἱερολογουμένας	184	+
480C inc. ὀπηνίκα οὖν... des. ...λέγειν δυνάμεων	(185)	-
481C inc. ὥσπερ μεμνηότες... des. ...οὐ καταπεφρίκασι	(186)	-
485C inc. ἀλλὰ παρ' Ἑλλήσι... des. ...παρανοίας ἄξιον	187	+